
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324341 7

EX LIBRIS
de SAVITSCH
19
48

П. Н. КРАСНОВЪ.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени.

1894—1921.

РОМАНЪ ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ IV.

ПОДЪ КРАСНЫМИ ЗНАМЕНАМИ.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ.

БЕРЛИНЪ 1921 г.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

У политкома кавалерійскаго полка Коржикова вечеринка. Собрались: — командиръ полка, нѣсколько коммунистовъ, два чекиста, члены чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ революціей—латышъ Гайдукъ и Шлоссбергъ, со Шлоссбергомъ его неизмѣнная спутница, чекистка Дженни и еще двѣ комиссарскія содержанки: сод-комъ, — обѣ бывшія барышни общества, Мими Гранилина и Беби Дранцова. Всего человѣкъ двадцать собралось у Коржикова въ недавно занятой имъ и отдѣланной подъ себя квартирѣ въ казармахъ полка.

Несмотря на жаркій іюльскій вечеръ окна въ квартирѣ закрыты. Съ бульваровъ и съ Невы тяжело пахнетъ нечистотами и иногда вѣтеръ доноситъ прѣсный отталкивающій запахъ мертвечины. Бульваръ и улица поросли черезъ камни травою и пустынны. У подъѣзда дежурятъ два облупленныхъ автомобиля; — одинъ, каретка для отвоза содкомъ, другой, открытый, для чекистовъ, если бы они гдѣ либо понадобились.

Надъ Петербургомъ стоитъ теплая спокойная ночь. Нева тихо катитъ темныя, густыя, холодныя волны и сверкаетъ подъ мѣсяцемъ серебряными искрами. На ней не видно пароходныхъ огней и темнымъ призракомъ застылъ у Николаевскаго

моста низкій и длинный миноносецъ. Въ домахъ нигдѣ не горитъ свѣтъ и самые дома кажутся уснувшими вѣчнымъ сномъ. У мостовъ ходитъ стража для осмотра прохожихъ но прохожихъ нѣтъ. Городъ тихъ и какъ бы вымеръ.

Квартира Коржикова убрана со странными претензіями. Въ большомъ залѣ повѣшены въ порядкѣ портреты какихъ то бояръ въ горлатныхъ шапкахъ, боярынь въ большомъ уборѣ, генераловъ въ орденахъ и звѣздахъ, сановниковъ въ пудреныхъ парикахъ. Подъ бронзовой люстрой, въ которой электрическія свѣчи не горятъ, стоитъ длинный столъ, накрытый для ужина и тяжелые дубовые стулья въ перемежку съ креслами и стуликами, обитыми потертымъ голубымъ штофомъ. Тутъ же диванъ, оттоманка: — смѣсь обстановки столовой, кабинета и залы. Все тяжело, роскошно и все грязно, запылено и заплевано. Рядомъ рабочій кабинетъ Коржикова. Громадный письменный столъ съ вывернутыми замками и облупленной рѣзьбой покрытъ бездѣлушками богатаго малахитоваго прибора. Но и въ немъ недостатки. Одной изъ чернильницъ нѣтъ, у бронзоваго медвѣдя отломана лапа. На столѣ немного бумагъ, кипа номеровъ газеты „Известия", какіе то списки. Тутъ же тяжелое кресло, большой диванъ и два книжныхъ шкафа съ выбитыми стеклами и безъ книгъ.

Во всей квартирѣ, несмотря на лѣто, холодно, неуютно, сыро и пахнетъ испорченнымъ водопроводомъ. Мебель точно неизлѣчимо больна или въ тоскѣ по своимъ настоящимъ владѣльцамъ доживаетъ свой вѣкъ.

Накрытый столъ заставленъ винами, закусками и блюдами съ жаркимъ. Но ни въ убранствѣ его, ни въ выборѣ блюдъ не видно опредѣленнаго плана. Подали то, что достали, что съумѣлъ изготовить старый поваръ, при отсутствіи многихъ приправъ. Блюда сдвинуты, какъ попало. Жареная индѣйка стоитъ рядомъ съ земляничнымъ

кремомъ, — и то и другое тронутое уже; видно, что здѣсь не ужинали, а ѣли, дорвавшись до вкусной и обильной ѣды. Бутылки не разставлены по столу, вино не разливаютъ лакеи, просовывая бутылку изъ за плеча, но стоятъ кустиками въ трехъ мѣстахъ стола. Тутъ и водка зубровка, и шампанское, красное французское, и донскія вина. Что достали, что удалось еще разъискать и реквизировать.

Таковы же и гости. И ихъ тòчно собрали, реквизировали со всей Россіи и смѣшали въ общую кучу. Они разбросались по комнатѣ и ѣдятъ, какъ попало. Одни жадно, обсасывая каждую косточку и шумно вздыхая, другіе робко, оглядываясь, точно боясь, что отнимутъ, третьи брезгливо и пренебрежительно.

Въ головѣ стола, на большомъ голубомъ креслѣ, сидитъ самъ хозяинъ. На немъ неизмѣнная, новая, блестящая, черная, кожаная куртка, украшенная красными и золотыми эмблемами. Она разстегнута и изъ подъ нея видна красная шолковая рубашка, заправленная въ кожаные шаравары, за которые заткнуто два револьвера. Коржиковъ съ ними никогда не разстается. Молодое, исхудалое, изможденное порокомъ, кокаиномъ, пьянствомъ и развратомъ лицо его мрачно. Онъ не въ духѣ. Онъ въ одномъ изъ тѣхъ тяжелыхъ настроеній, когда для него нѣтъ непереступимой черты, когда ему все возможно. Рядомъ съ нимъ, по правую руку его, тоже въ креслѣ сидитъ командиръ коммунистическаго полка Павелъ Голубь. Это мущина лѣтъ сорока пяти, изъ старыхъ вахмистровъ, лысый толстый, кряжистый, могучій. Красное лицо его покрыто морщинами и изъ нихъ угодливо смотрятъ маленькіе сѣрые глаза, вѣчно подернутые слезою почтительности. По другую сторону, — нарядный въ черномъ ментикѣ старой кавалерійской школы и краповыхъ щегольскихъ чакчирахъ, небрежно облокотясь на столъ сидитъ

„военспецъ“ — Рахматовъ, пожилой кавалерійскій полковникъ, продавшійся III интернаціоналу. Онъ небрежно, умѣючи, посасываетъ шампанское изъ широкаго фужера и большими, ясными глазами оглядываетъ сидящаго противъ него молодого коммуниста. Это тоже „военспецъ“ — товарищъ Николай Полежаевъ. Онъ изящно одѣтъ въ новенькій, хорошо пригнанный, англійскій, военный френчъ съ вышитыми на рукавѣ красными и золотыми звѣздами. Это—герой польской войны, восходящее свѣтило красной арміи. Рядомъ съ нимъ напряженно работаетъ надъ крыломъ индѣйки Викторъ Михайловичъ Любовинъ — дядя хозяина. Онъ постарѣлъ и облысѣлъ, лицо его покрыто преждевременными морщинами, въ глазахъ притаился вѣчный страхъ. Онъ знаетъ, что ему не вѣрятъ коммунисты, что онъ подъ постояннымъ подозрѣніемъ и потому долженъ молчать, а молчать онъ не умѣетъ. На его глазахъ, послѣ короткаго допроса убили его друга и ментора Ѳедора Ѳедоровича Коржикова, замѣшаннаго въ возстаніи лѣвыхъ эсъ-эровъ въ Ярославлѣ. Нашли какую то переписку и пристрѣлили, какъ собаку, когда онъ спускался по лѣстницѣ изъ суда чрезвычайки. Любовину удалось отвертѣться, устроиться писаремъ въ коммунистическій кавалерійскій полкъ, но вѣчный страхъ, что его заподозрятъ, уличатъ и «выведутъ въ расходъ», голодовки, дурное питаніе состарили и истощили его.

Остальные гости — молодые люди во френчахъ, въ старыхъ мундирахъ, въ пиджакахъ сидятъ, кто за столомъ, кто на диванѣ. Они сильно выпили, имъ трудно сдерживать свое настроеніе, но они боятся хозяина и нѣтъ, нѣтъ поглядываютъ на него.

Два красноармейца, въ широкихъ, плохо пригнанныхъ френчахъ ходятъ наноскахъ по гостиной и разносятъ чай.

Мими Гранилина сидитъ на маленькомъ пуфѣ, у окна, подлѣ большой вазы съ цвѣтами и, обмахиваясь вѣеромъ, смотритъ снизу вверхъ на красиваго офицера—коммуниста Осетрова, который пожираетъ ее глазами. На ней роскошное, шелковое, съ атласомъ и вышивками, узкое и короткое платье, изъ подъ котораго видны тонкія ножки въ золотистыхъ шолковыхъ чулкахъ.

На оттоманкѣ лежитъ красавица Беби Дранцова. Она въ полномъ расцвѣтѣ своихъ двадцати четырехъ лѣтъ. Голова съ классическимъ профилемъ, съ громадными голубо-сѣрыми съ поволокой глазами. съ бѣлымъ, красивымъ лбомъ, матовымъ румянцемъ на щекахъ и темными, по совдепской модѣ, по плечи, остриженными и завитыми волосами полна благородства. Широкія плечи и сильно обнаженная, полная, могучая грудь бѣлы. Узкое платье очерчиваетъ ея рослую фигуру съ широкими бедрами и длинными, полными ногами. Два года тому назадъ, во время допроса въ чрезвычайкѣ, ее изнасиловалъ красавецъ матросъ и съ того дня въ ней произошелъ какой то душевный надрывъ. Она точно забыла все прошлое. Воспитаніе, религія, семья — все было брошено. Веселиться, ѣсть. пить, валяться по мягкимъ постелямъ съ этими сильными мущинами, пахнущими порохомъ и кровью, которымъ все можно, получать отъ нихъ подарки: — кольца съ пятнами крови, браслетки и брошки, неизвѣстно откуда добытыя, рыться съ ними въ чужихъ шкапахъ и комодахъ и, безстыдно, при нихъ, примѣрять чужое бѣлье и платье — стало ея жизнью. Могучее тѣло искало сильныхъ ощущеній и среди комиссарскихъ содержанокъ она сдѣлалась знаменитостью.

Рядомъ съ нею, обнявши ее за талью, лежитъ Шлоссбергъ. Онъ сильно пьянъ, раскисъ и Беби противны прикосновенія его мокрыхъ, скользкихъ. холодныхъ рукъ. Но она не смѣетъ прогнать его,

— Товарищъ, говоритъ она тихимъ шопотомъ, вы знаете товарища Полежаева?

— Нѣтъ. А что?

— Мнѣ говорили, что онъ какой то особенный коммунистъ. Даже къ женщинамъ никогда не прикасался.

— А вамъ, Беби, поди такого только не доставало.

— А что жъ? И правда. Я думаю хорошъ.

— Я вамъ его сосватаю.

— А товарищъ Коржиковъ?

— Ему то все равно...

II.

— Вы сомнѣваетесь, товарищъ, — щуря свои наглые глаза и въ упоръ глядя на Полежаева, говорилъ Коржиковъ, — что это мои предки?

Вотъ уже вторую недѣлю, что Коржиковъ чувствуетъ себя нехорошо въ присутствіи этого молодого офицера. Нашла коса на камень. Этотъ человѣкъ, безупречный коммунистъ, прибывшій съ польскаго фронта съ самыми блестящими аттестаціями Тухачевскаго и Буденнаго, фаворитъ самого Троцкаго странно вліяетъ на Коржикова и, въ его присутствіи, Коржиковъ чувствуетъ свою волю подавленной, злится, дѣлаетъ ужасныя вещи и встрѣчаетъ холодную усмѣшку прекраснаго лица. Товарищъ Полежаевъ говоритъ ему въ лицо такія вещи, за которыя надо тутъ же разстрѣлять, а Коржиковъ молчитъ и криво улыбается. Сейчасъ всѣ пьяны. Не пьяны только Коржиковъ и Полежаевъ. Коржикову хочется чѣмъ либо допечь и сбить съ толка Полежаева, унизить и раздавить его.

— Если бы это были ваши предки вы бы знали, кто они такіе, — холодно отвѣтилъ Полежаевъ и его ледяное спокойствіе волновало Коржикова.

Вы ихъ перетащили изъ квартиры генерала Саблина, чортъ знаетъ какъ безвкусно и безтолково развѣсили и думаете, что отъ этого стали ихъ потомкомъ.

— Саблинъ мой отецъ, быстро сказалъ Коржиковъ. —

— Не сомнѣваюсь. Потому то вы и носите фамилію разстрѣляннаго эсъ-эра, — холодно сказалъ Полежаевъ.

— Это потому, что я родился внѣ брака.

— А вы знаете, что такое бракъ?, насмѣшливо сказалъ Полежаевъ.

— У коммунистовъ нѣтъ брака, сказалъ Коржиковъ.

— Такъ о чемъ же вы и говорите.

Коржиковъ помолчалъ немного и поежился.

— Вы знаете, товарищъ, быстро сказалъ онъ, что значитъ по латыни Викторъ?

— Да, знаю. Но вѣроятно вы знаете тоже, что значитъ по гречески Ника *). Сильны еще въ васъ, товарищъ. буржуазные предразсудки, если васъ тѣшатъ такіе пустяки, какъ имя.

Коржиковъ отошелъ отъ Полежаева. Онъ былъ золъ.

— При-слу-га!, зычно крикнулъ онъ.

Красноармеецъ во френчѣ подбѣжалъ къ нему и вытянулся.

— Э-э... вотъ что, товарищъ, — спорхайте — ка въ эскадронъ и моихъ пѣсенниковъ и музыкантовъ, да ж-живо!

Красноармеецъ бросился исполнять приказъ политкома.

— Я для васъ, господинъ комиссаръ, — слезливо моргая глазами съ опухшими красными вѣками, сказалъ командиръ полка, — подготовилъ оркестръ, какъ у товарища Буденнаго. Двѣ гармошки и кларнетъ. Но играютъ, знаете, изумительно. Вотъ

*) Victor по латыни — побѣдитель, тоже самое обозначаетъ по гречески Nika.

сейчасъ изволите послушать. И опять же новыя пѣсни знаютъ. Частушки эти самыя. И про Колчака и про добровольцевъ. Самыя хорошія.

— Послушаемъ, небрежно кинулъ Коржиковъ.

Въ углу стола Рахматовъ выговаривалъ, сидя, стоявшему передъ нимъ Осетрову.

— Вы, товарищъ, доведете лошадей до того, что онѣ подохнутъ. Ни чистки, ни корма.

— Да что же я дѣлать могу, товарищъ? Корма не добьешься никакъ. Я уже спеціальныхъ людей назначилъ, чтобы, значитъ, пороги обивали и просили о нарядѣ продовольствія; чистить нечѣмъ. Щетокъ ни за какія деньги не достанешь. Товарищи чистить не могутъ. Какъ тѣни шатаются голодные. Въ конюшняхъ грязь.

— Вотъ на это то самое, товарищъ, я вамъ и указываю. Потрудитесь, чтобы этого не было.

— Нарядите, товарищъ, субботникъ, хоть конюшни очистить . . . А впрочемъ, — съ досадой сказалъ Осетровъ — и субботникъ не поможетъ. Придутъ буржуи. Ничего не умѣютъ, ни лопатъ у нихъ, ни лотковъ, ни тачекъ. Только нагадятъ по дворамъ.

— А куда же все дѣвалось ?, спросилъ Рахматовъ.

— Зимою пожгли. Сами знаете какіе морозы были.

— Ну, знаете, Осетровъ, — это все отговорки. Вотъ у Голубя же все какой ни на есть, а порядокъ.

— Голубь кто! Голубь царскій вахмистръ, а я коммунистъ, — желчно сказалъ Осетровъ.

Пришли музыканты. Ихъ было пять человѣкъ. Поднятые съ постелей, они пришли немытые, лохматые, грязные и вонючіе. На нихъ были ошарпанные, плохо пригнанные френчи и шаравары, а блѣдныя лица ихъ носили слѣды болѣзней и недоѣданія

— Вы что, сволочи!, напустился на нихъ Голубь. — Причесаться, подлецы, не могли. Ахъ мерзавцы! Живо прибраться. Чтобъ я такими васъ не видалъ.

Они ушли на кухню и, когда вернулись, выглядѣли лишь немного лучше.

Гармоника издала писклявый звукъ, къ ней пристроился кларнетъ, загудѣла другая гармоника и простой, грубый мотивъ раздался по залу. Разговоры смолкли.

Звонкій, хриплый, простуженный теноръ воплемъ вырвался изъ за стоновъ гармоники и гудѣнія кларнета. Не то пѣніе, не то крикъ разнозчика, какъ кричали въ старину по дворамъ и по дачамъ ярославцы въ бѣлыхъ передникахъ и съ лотками на головахъ, огласилъ весь залъ.

Огурчикъ зеленый,
Рѣдька молодая...
Являйтесь дезертиры,
Къ пятнадцатому мая!...
Пароходъ идетъ,
Да волны — кольцами...,
Будемъ рыбу кормить
Добровольцами.
Всѣхъ буржуевъ на Кавказѣ
Аннулируемъ
И сафьяные ботинки
Ухъ! да! реквизируемъ!.,.

— Славная пѣсня, сказалъ пошатываясь Осетровъ. А, спойте, товарищи, — шарабанъ.

Опять заныла гармоника.

— Солдатъ — россійскій,
Мундиръ — англійскій,
Сапогъ — японскій,
Правитель — Омскій.
Эхъ, да шарабанъ мой,
Американка!
Не будетъ денегъ
Продамъ Наганъ.

Идутъ дѣвонки
Поднявъ юбчонки,
За ними чехи,
Грызутъ орѣхи.

— Ну что это за пѣсня, — сказалъ, выходя къ музыкантамъ, Полежаевъ. — Вотъ шелъ я сегодня по Питеру, такъ иную пѣсню слыхалъ, Давай, товарищъ, гармошку.

Полежаевъ спокойными глазами обвелъ все общество и взялъ мотивъ частушки

Я на бочкѣ сижу —

— пропѣлъ онъ,

А подъ бочкой мышка
Скоро бѣлые придутъ
Коммунистамъ крышка!
Ѣдетъ Ленинъ на конѣ,
Троцкій на собакѣ,
Комиссары испугались —
Думали — козаки.
Я на бочкѣ сижу.
А подъ бочкой склянка,
Мой мужъ комиссаръ,
А я — спекулянтка!

— Здоровая пѣсня, — прокричалъ Голубь, — эко ловко сказано какъ: — мой мужъ комиссаръ, а я спекулянтка! Въ самую точку попалъ!

— Бѣлогвардейская пѣсня, — презрительно сказалъ Коржиковъ. — Откуда вы взяли ее, товарищъ?

— Въ Петрокомунѣ слыхалъ. На „улицѣ 25 октября“ мальчики пѣли.

— Видно чека еще не добралась, вставилъ Гайдукъ.

— Погоди, доберется, мрачно сказалъ Коржиковъ. Лицо его потемнѣло. Надвигалась гроза.

Всѣ притихли. Чекисты Гайдукъ и Шлоссбергъ подошли къ Коржикову, готовые схватить Полежаева. Дженни съ блѣдной улыбкой на лицѣ пристально смотрѣла на Полежаева. Беби Дран-

цова приподнялась на локтѣ, зрачки ея глазъ поднялись кверху и подъ ними обнажился бѣлокъ, она порывисто дышала и съ восторгомъ смотрѣла на Полежаева. Среди офицеровъ тоже произошло движенiе. „Эхъ!", съ досадою воскликнулъ Голубь и на сѣрые глаза его навернулись слезы. Одинъ Полежаевъ остался совершенно спокоенъ. Онъ ровными, твердыми шагами подошелъ къ фортепьяно, открылъ его и, не садясь, попробовалъ.

— Ну, вы!, — повелительно крикнулъ онъ гармонистамъ. — Оркестръ Буденнаго! Нишкни! Заткнись и засохни! Не отравляй моего Русскаго слуха дребеденью, придуманною хулиганами и контръреволюцiонерами. Я буду пѣть!

Грянулъ мощный аккордъ и сильный голосъ потрясъ весь залъ.

Налей бокалъ!
Въ немъ нѣтъ вина.
Коль нѣтъ вина, такъ нѣтъ и пѣсень!
Въ винѣ и страсть,
И глубина
Въ разгулѣ мiръ намъ будетъ тѣсенъ!

— Эй!, крикнулъ онъ, — товарищъ! Бокалъ мнѣ!

Коржиковъ мягкими кошачьими шагами подошелъ къ нему.

— Вы это что же, прошипѣлъ онъ. — Вы забываете. что я здѣсь хозяинъ.

— Хозяинъ, — загремѣлъ, не оборачиваясь отъ рояля Полежаевъ. — Да вы ошалѣли, товарищъ комиссаръ, слава Ленину, мы живемъ въ коммунистическомъ государствѣ и здѣсь нѣтъ собственности. Подавай мнѣ, товарищъ, вина!

Красноармеецъ подошелъ къ нему съ бутылкой и бокаломъ. Полежаевъ медленно, не спуская темныхъ глазъ съ Коржикова, выпилъ бокалъ и заигралъ на роялѣ. Онъ игралъ мастерски. Мотивы старыхъ Русскихъ пѣсень и мелодiй Русскихъ оперъ лились съ клавишъ, будя какiя то

неясныя воспоминанія. „Ахъ вы сѣни мои сѣни“ — весело, подмывая плясать, игралъ Полежаевъ и лицо его лукаво подмигивало и вдругъ оборвалъ и тягучій напѣвъ „Ноченьки“ зазвучалъ по залу. Онъ сорвался на арію изъ „Жизни за Царя“, осторожно, точно дразня, тронулъ два аккорда Русскаго гимна и сейчасъ же весело грянулъ „Ваньку“.

— Ну-же! Ну!, крикнулъ онъ. Вѣдь знаете же, товарищи, что же молчите! А? Ну!

Понапрасну Ванька ходишь.
Понапрасну ножки бьешь!

— Ну!

Первымъ пристроился Рахматовъ, за нимъ не сдержалась молодежь, Голубь старческимъ дребезжащимъ голоскомъ подпѣвалъ и уже слезы лились по его щекамъ.

— Ничего ты не получишь...„

Пѣли всѣ гости и только Коржиковъ мрачно ходилъ взадъ и впередъ по залу. Перваго человѣка нашелъ онъ такого, который не покорялся его волѣ и не боялся его. И Коржиковъ злился.

Полежаевъ заигралъ: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ и хоръ гостей, уже не ожидая приглашенія, запѣлъ могучими аккордами широкой Русской пѣсни потрясая длинный залъ.

Разъигралася пого-ода

— Буденный, не ври!, крикнулъ Полежаевъ отъ рояля въ сторону пѣсенниковъ.

Погодушка, она, верховая....
Ничего въ волнахъ не видно....

Шире гремѣла пѣсня. Коржиковъ ходилъ взадъ и впередъ подъ портретами предковъ и ему казалось, что предки слѣдятъ за нимъ глазами. Онъ понюхалъ кокаина и стало еще хуже.

Коржиковъ отчетливо видѣлъ, что пѣли не только его гости, но всѣ предки на портретахъ открыли рты и пѣли проклятую Русскую пѣсню. Онъ посмотрѣлъ кругомъ. Всѣ гости пѣли. Пѣла и прислуга. Молодой красноармеецъ, подававшій вино Полежаеву, опустилъ бутылку, широко раскрылъ сѣрые глаза и, радостно улыбаясь, могуче вторилъ пѣснѣ.

— А и ты, сволочь! прошипѣлъ Коржиковъ, выхватилъ изъ за пояса тяжелый револьверъ и выстрѣлилъ прямо въ ротъ красноармейцу...

Тотъ поперхнулся, всхлипнулъ, внезапно прерванный въ своемъ пѣніи и упалъ навзничь на полъ, тяжело ударившись затылкомъ объ уголъ оттоманки. Вмѣсто рта у него была черная дыра и оттуда, тихо журча, текла темная густая кровь.

III.

Въ залѣ произошло смятеніе. Гайдукъ и Шлоссбергъ угодливо подбѣжали къ Коржикову.

— Контръ-революція,? — прошепталъ Гайдукъ.

— Она самая, — сказалъ гордо Коржиковъ. Онъ былъ не въ себѣ. Онъ жадно вдыхалъ широко раздутыми ноздрями прѣсный запахъ крови и холоднаго порохового дыма и смотрѣлъ бѣшеными глазами звѣря на Беби Дранцову. Беби билась въ истерикѣ на оттоманкѣ. Гости застыли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто сидѣлъ. Музыканты оркестра Буденнаго стали въ углу и готовы были бѣжать. Подлѣ нихъ стоялъ Рахматовъ и тяжелая улыбка застыла на его безкровномъ лицѣ. Одинъ Полежаевъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ у рояля и смотрѣлъ то на Коржикова, то на трупъ. Трупъ лежалъ у самой оттоманки и голова его была чуть ниже головы бившейся на мутакахъ Беби.

Коржиковъ потянулся, сладострастно раздувая ноздри и въ два шага очутился подлѣ Беби. Онъ

нагнулся къ ней и сталъ быстрыми, ловкими движеніями снимать съ нея платье. Она затихла и безумными глазами смотрѣла на Коржикова. Спали вышитые наплечники корсажа, хрипнула передняя планшетка корсета, показалось батистовое смятое продольными складками бѣлье, голубыя ленты резинокъ и шелковые чулки, обнажалось бѣлое, полное, нѣжное тѣло. Коржиковъ снималъ всѣ покровы съ Беби. Она покорно помогала ему. Еще секунда и подлѣ трупа лежала обнаженная прекрасная женщина. Коржиковъ нагнулся надъ нею, сталъ на колѣни на оттоманку и опустился на Беби . . . .
. . . .

Въ залѣ была мертвая тишина. Коржиковъ переступилъ непереступимую черту. Передъ глазами гостей его плылъ туманъ. Сознаніе отказывалось воспринимать то, что видѣли глаза. Трупъ былъ страшенъ съ провалившимся чернымъ ртомъ, большими выкатившимися глазами и бѣлымъ лбомъ, на который спутанные упали волосы. Черная лужа крови блестѣла, отражая огни электрическихъ лампочекъ. Надъ трупомъ въ сладострастныхъ объятіяхъ извивались два тѣла и стоны Беби сливались съ тяжелымъ дыханіемъ Коржикова. Мими Гранилина сидѣла въ креслѣ съ закрытыми глазами и была въ обморокѣ, красноармейцы глядѣли на Коржикова съ тупою жадностью звѣря и часто облизывали сухія, потрескавшіяся губы.

Полежаевъ обернулся къ роялю и заигралъ печальный мотивъ. Заглушая стоны страсти онъ запѣлъ въ полѣ голоса.

Господу Богу помолимся
Древнюю быль возвѣстимъ,
Такъ въ Соловкахъ намъ разсказывалъ
Старецъ святой Никодимъ.
Жило двѣнадцать разбойниковъ,

Жилъ Кудеяръ атаманъ...
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ.

Коржиковъ всталъ. Сконфуженная Беби съ краснымъ лицомъ, торопливо одѣвалась. Голубь потиралъ потныя руки и не зналъ, что сказать.

— Да, проговорилъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ, — видали мы виды!

Коржиковъ посмотрѣлъ на него съ мрачною злобою.

— Молчать!, загремѣлъ онъ. — Полицейская подошва!...

— Товарищи, намъ надо уходить, сказалъ Рахматовъ. — Товарищъ комиссаръ не въ себѣ.

Коржиковъ не удерживалъ. Полежаевъ продолжалъ пѣть, ни на кого не обращая вниманія. Его слушалъ одинъ Осетровъ. Онъ стоялъ надъ роялемъ и по красивому тупому лицу его пробѣгали какія то тѣни. Полежаевъ кончилъ играть и всталъ изъ за рояля. Осетровъ пошелъ къ выходу. Въ залѣ кромѣ Полежаева и Коржикова не было никого.

— Товарищъ, я попрошу васъ остаться, сказалъ Коржиковъ.

Полежаевъ посмотрѣлъ на Коржикова, какъ на пустое мѣсто и тихо сказалъ.

— Въ законѣ сказано: — „и лучшаго изъ гоевъ убей!" А это, — онъ показалъ глазами на трупъ красноармейца,—развѣ лучшій?... Эхъ вы!...

— Вы знаете..., растерянно воскликнулъ Коржиковъ. — Вы знаете... Значитъ... вы тоже... посвященный...

Полежаевъ ничего не отвѣтилъ и пошелъ къ выходу.

— Товарищъ!, воскликнулъ Коржиковъ — поѣдемте въ чрезвычайку.

— Когда нибудь другой разъ, товарищъ, холодно сказалъ Полежаевъ. Сегодня что то не хочется. Не въ настроеніи я.

IV.

Полежаевъ занималъ три комнаты въ роскошномъ особнякѣ. Онъ съумѣлъ ихъ обставить съ привычнымъ комфортомъ. Вернувшись домой, ощупью, при свѣтѣ луны и звѣздъ съ улицы, нащупалъ дверь своей спальни и прошелъ въ нее. У него былъ вѣстовой красноармеецъ, но онъ не будилъ его. Раздѣваться пришлось въ темнотѣ: — электричество ему полагалось только зимою на два часа. Раздѣвшись онъ легъ на хорошую мягкую постель и сейчасъ же сталъ дрожать мелкою лихорадочною дрожью.

„Такъ нельзя“ . . . думалъ онъ. — „Нельзя же такъ . . . Такъ меня не надолго хватитъ, если я не буду спать по ночамъ. Вся игра моя на нервахъ, а если нервы не выдержатъ. А гдѣ же выдержать, когда работать приходится въ сумасшедшемъ домѣ. Коржиковъ уже подозрѣваетъ меня. Сорваться такъ легко! А между тѣмъ сегодняшній день далъ мнѣ такъ много. Они Русскіе всѣ. Русскіе, а не интернаціоналисты, Русскіе, а не коммунисты. Можетъ быть Гайдукъ, Шлоссбергъ, Дженни. Вторые два не въ счетъ — они сумасшедшіе. Но и Рахматовъ, и Голубь, и Осетровъ, и музыканты Буденнаго, и офицеры, они любятъ Россію и тоскуютъ по прошлому. И не смѣютъ ничего сказать, потому что нависъ надъ ними жестокій кровавый терроръ. Компанія негодяевъ подобныхъ Коржикову, держитъ ихъ въ вѣчномъ напряженіи страха такими выходками, какъ сегодня. Конечно, они сверхъ люди, они демоны и могутъ владычествовать надъ толпой. Мы должны стать, выше ихъ и сегодня это мнѣ удалось“.

Судорога отвращенія пробѣжала по его тѣлу. Представился ему трупъ и надъ нимъ дикая сцена Коржикова. „Надо особеннымъ родиться, особеннымъ воспитаться, чтобы дойдти до этого“.

„Въ казармѣ виситъ вѣчная площадная ругань. Поносятъ Бога и, особенно, Божію матерь самыми скверными словами. Такіе же пишутъ и стихи, такую создаютъ и литературу. Испуганные, постоянно трепещущіе за свою жизнь, ежедневно десятками разстрѣливаемые въ чрезвычайкахъ робко жмутся подлѣ красноармейцевъ офицеры и боятся всего... Боятся и все таки работаютъ, командуютъ, учатъ, дрессируютъ голодныхъ, оборванныхъ людей, ведутъ ихъ въ бой и умираютъ подъ красными знаменами! И никакъ не подойдешь къ нимъ, ничего не выпытаешь, ничего не узнаешь. Послѣ сегодняшняго и пѣсни пѣть не посмѣютъ. Ихъ держатъ Коржиковы, Гайдуки и десятки мерзавцевъ, въ вѣчномъ страхѣ. Вся Россія трепещетъ и въ дикомъ ужасѣ грабитъ, воруетъ, сладострастничаетъ и лукаво смѣется, сама ужасаясь своей мерзости".

Полежаевъ улегся спокойнѣе и повернулъ лицо къ окну. Окно свѣтлѣло. Короткая іюльская ночь приходила къ концу. Разсвѣтъ наступалъ. Холодкомъ тянуло отъ окна въ нетопленую и лѣтомъ сырую комнату. Полежаевъ лежалъ безъ сна и воспоминанія о событіяхъ послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ неслись въ воспаленномъ мозгу.

Длинное мучительное путешествіе сначала кочегаромъ на пароходѣ, потомъ грузчикомъ въ Одесскомъ порту. Томительный переѣздъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Случайная встрѣча съ шофферомъ Петровымъ, осторожный разговоръ съ нимъ и запись въ Петро-коммуну. Полежаевъ получилъ коммунистическій паспортъ и изучилъ коммунистическій катехизисъ. Отправка на польскій фронтъ. Здѣсь Полежаевъ увидалъ, что польская война для многихъ явилась выходомъ изъ тяжелаго, мучительнаго положенія быть насильно мобилизованными и воевать со своими за III интернаціоналъ. Польская война была національной войной. Офицеры, генералы и многіе

солдаты уже понимали, что самое существованіе Польши грозитъ самостоятельности Россіи и большинство шло къ границамъ Германіи въ разсчетѣ на то, что тогда Россія, соприкоснувшись съ Германіей, выздоровѣетъ и окрѣпнетъ. Полежаевъ за время пребыванія своего на западномъ фронтѣ сдѣлалъ цѣнныя наблюденія. Онъ раздѣлилъ красную армію на категоріи. Верхи — Троцкій и Ленинъ — несомнѣнно искренно стояли за III интернаціоналъ. Имъ нужно было разрушеніе Россіи, Польши, Германіи, — всего европейскаго міра, всей культуры, чтобы на мѣстѣ ея создать новый міръ, новую культуру. И они ни передъ чѣмъ не останавливались. Имъ нужны были такіе люди, какъ Дзержинскій, Петерсъ, Коржиковъ, товарищъ Дора, имъ нужны были люди не брезгавшіе кровью и опустившіеся до скотства и они ихъ ласкали.

Но уже слѣдующая ступень была только возмутительная человѣческая подлость. Клембовскій, Зайончковскій, Бончъ-Бруевичъ, Далматовъ, Пестрецовъ, Самойловъ — служили ради выгодъ и спасенія своей шкуры. Они разсуждали просто. Всегда, при всякомъ правительствѣ, есть высшіе и низшіе. Есть генералы, сенаторы, банкиры, имѣющіе свои дома, сытную жизнь, утѣхи любви — и есть плебсъ, стоящій съ протянутой рукой по глухимъ улицамъ, ютящійся по ночлежкамъ, умирающій отъ голоднаго тифа въ неурожайные годы въ Казанской, Саратовской, Самарской и другихъ губерніяхъ, разстрѣливаемый жандармами на Ленскихъ пріискахъ — это неизбѣжно при всякомъ правительствѣ, но для самихъ себя надо стремиться быть генералами, сенаторами и имѣть спокойную сытую жизнь. То, что теперь въ ночлежкахъ ночуютъ ихъ товарищи, люди ихъ круга, что разстрѣливаютъ интеллигентную молодежь, а не взбунтовавшихся каторжанъ, — это уже подробность. Для своего „я“ подробностью явля-

ется и самое названіе Россія и подъ краснымъ знаменемъ можно также хорошо устроиться, какъ и подъ двуглавымъ орломъ. И они оберегали свое „я“. Они съумѣли закрыть глаза на страданія ближнихъ. Когда имъ говорили, что жизнь стала невозможна, они отвѣчали „ничего подобнаго. За деньги можно все достать“. И у нихъ было: и молоко, и масло, и бѣлый хлѣбъ, и птица и они жили почти такъ, какъ раньше.

Когда имъ говорили о разстрѣлахъ, — они отвѣчали, что всякій переворотъ неизбѣжно требуетъ жертвъ. Если бы не было противодѣйствія совѣтской власти не было бы и разстрѣловъ. Разстрѣлы и чрезвычайки спасаютъ Россію отъ хаоса. Они усыпили совершенно свою совѣсть, составили свой кругъ единомышленниковъ и какъ преступники связались круговой порукою общаго преступленія. Когда порою просыпалась въ нихъ совѣсть, они говорили; — „мы это дѣлаемъ для будущей Россіи, чтобы спасти культуру для нея“. Ихъ было много. Полежаевъ съ ужасомъ узнавалъ про новыя и новыя фамиліи и имена, которыя служили Ленину не только за страхъ но и за совѣсть.

Бывая на вечеринкахъ, разъѣзжая по дѣламъ по совѣтскимъ учрежденіямъ, онъ встрѣчалъ множество знакомыхъ людей, людей свѣта, людей образованныхъ и культурныхъ, И не то ужасало Полежаева, что они служили третьему интернаціоналу: — Полежаевъ понималъ, что не служить они не могли, — сила солому ломитъ, а то, что уже находили они хорошее въ немъ, примирялись съ дикою, неестественною жизнью и видѣли плюсы, которыхъ Полежаевъ никакъ не видѣлъ. Особенно ужасала его молодежь совѣтской республики.

Одна барышня, милая, образованная, кончившая курсы, убѣжденно говорила Полежаеву, что

совѣтская власть все таки ведетъ къ чему то новому. Въ этомъ новомъ она видѣла хорошее.

— Возьмите, — говорила она, — положеніе женщины. Раньше она была рабыня. Сколько было унизительнаго въ этомъ гаданіи дѣвушки:— выйду замужъ, или нѣтъ, въ этомъ улавливаніи жениховъ. Отъ свахъ и отъ смотринъ мы недалеко ушли. Эти балы, вечера, куда зовутъ жениховъ — вѣдь это ужасъ! Теперь этого не нужно. Бракъ, благодаря большевикамь, сталъ такъ простъ, формальности для брака и для развода настолько примитивны, что дѣвушка не боится попробовать брака. Семейной драмы нѣтъ. Нѣтъ мукъ жизни съ нелюбимымъ человѣкомъ, нѣтъ унизительныхъ сложныхъ хлопотъ о разводѣ и море слезъ высушено разумными декретами народныхъ комиссаровъ.

Полежаевъ указывалъ ей, что этими декретами совершенно разрушена семья. Онъ говорилъ ей, что теперь пропала красота невинности, красота любви и осталась только грязь порока. Онъ говорилъ ей о томъ, что большинство дѣвушекъ стали проститутками, что многія больны нехорошими болѣзнями.

— Оставьте, пожалуйста, упрямо твердила барышня. — Да, это несчастіе, но это временно. Это вызвано тяжелыми условіями жизни, дороговизной, плохимъ пайкомъ. Вотъ кончится война съ бѣлогвардейцами, наладится транспортъ и все станетъ по иному. То, что вы видѣли въ бракѣ: — святость таинства, красоту невинности, — простите меня, это пошлость.

Она же восхищалась тѣмъ, какъ опростилась жизнь.

— Плотское отошло въ сторону. Раньше, казалось, безъ бѣлой булочки и чашки кофе работать нельзя. Мясо ѣли каждый день, надъ вегетаріанцами смѣялись. Теперь всѣ стали вегетаріанцами. И, знаете, отъ многихъ болѣзней из-

бавились. Мы дѣйствительно стали равны тѣмъ труженикамъ, которые раньше трудились для насъ. Почти каждый день проходишь пятнадцать, двадцать верстъ въ поискахъ муки или картофеля и ничего. Беремя дровъ снесешь на пятый этажъ, улицу расчистишь отъ снѣга. Вы посмотрите — я стала крѣпкая и здоровая.

Напрасно Полежаевъ указывалъ ей на умирающихъ отъ непосильной тяжелой работы, на профессоровъ, которые не могутъ читать лекцій, такъ какъ они то стоятъ въ очередяхъ, то рыщутъ въ поискахъ съѣстного, напрасно говорилъ онъ, что такой порядокъ развелъ опасное для страны тунеядство, никто ничего не дѣлаетъ и всѣ жаждутъ пайка, — она упрямо встряхивала подвитыми, коротко остриженными волосами и говорила: — „это временное, это только пока не наладится новая жизнь".

Другая, солидная дама восхищалась постановкою учебнаго дѣла у большевиковъ. „Дѣтей теперь не мучаютъ скучною теоріей, но наука поставлена практически. Малыши уже ознакомлены съ политическими партіями и лозунгами и они не попадутся такъ, какъ попались наши сѣдовласые администраторы. Ихъ не обманешь, какъ обманывало народъ Царское правительство».

И опять, какъ только Полежаевъ начиналъ говорить о томъ, что въ нетопленыхъ, холодныхъ классахъ, безъ учебниковъ и пособій, безъ карандашей и бумаги дѣти не занимаются, а шалопайничаютъ, что правительство готовитъ не гражданъ, а хулигановъ, что скверная ругань стономъ стоитъ въ классахъ съ самыми маленькими дѣтьми, что дѣтей ѣдятъ вши, что они покрыты паршами, что были случаи беременности двѣнадцати лѣтнихъ дѣвочекъ, его оппонентка не соглашалась съ нимъ и упрямо твердила: — „это единичные случаи. Это временно. Нѣтъ мыла, нѣтъ дровъ. Вотъ погодите, явится мыло, дрова, мы вымоемъ, прина-

рядимъ дѣтей и вы увидите, что даетъ свободная школа!“

Полежаевъ видѣлъ дѣтей на улицахъ. Плохо одѣтыя и обутыя они маршировали по грязнымъ Петербургскимъ улицамъ, пѣли революціонныя пѣсни и несли большія красныя знамена. Ихъ лица были блѣдны и зелены и не дѣтская дума залегала между бровями. Его ловили дѣти на улицахъ, предлагали купить то коробку спичекъ, то плитку шеколада, то золотое колечко. Въ сумерки лѣтняго дня, въ тѣнистыхъ аллеяхъ бульваровъ, его останавливали дѣвочки подростки, худенькія, блѣдныя, съ темными обводами кругомъ глазъ, смотрѣли на него тоскующими страшными глазами не дѣтскаго порока и ужаса и предлагали себя. По манерѣ говорить, по милой застѣнчивости, по проскальзывавшимъ французскимъ фразамъ Полежаевъ видѣлъ, что это дѣвочки хорошихъ, когда то богатыхъ семей.

Одинъ профессоръ при Полежаевѣ обрушился на Русскую интеллигенцію, укрывшуюся заграницей, называлъ ее саботажниками и говорилъ, что работатъ можно. Онъ восхищался тѣмъ живымъ интересомъ, съ которымъ его слушаютъ студенты изъ простонародья, но тутъ же сознался, что своего блестящаго курса онъ читать не можетъ, а долженъ популяризировать, такъ какъ больше половины его слушателей едва грамотны.

Полежаевъ вдумывался въ эти явленія и страшная мысль закрадывалась ему въ голову. „Это потому, что всѣ они: — и милая барышня, и дама, и профессоръ, боятся сказать правду. Они льстятъ и превозносятъ совѣтскій строй, боясь лишиться пайка, боясь попасть въ чрезвычайку, боясь обыска, разстрѣловъ“. Въ Полежаевѣ они видятъ офицера красной арміи, всемогущаго коммуниста и подмазываются и подслуживаются къ нему.

„О Боже мой!“ — думалъ Полежаевъ, — „но какая же это подлость! Въ какую пучину подлости и мерзости вовлеченъ Русскій народъ коммунистами“!

„А кто они?“

V.

Первую роль въ государствѣ и главную роль въ арміи играли коммунисты.

Коммунистами были — матросы, коммунистами считались латыши и китайцы, коммунистами были всѣ члены чека, — чрезвычайныхъ комиссій, красные юнкера — курсанты и вся внутренняя охрана, или „вохра“. Коммунисты были вездѣ и всюду. Они были самыми преданными слугами совѣтскаго строя.

Россійская совѣтская федеративная соціалистическая республика вовсе не была республикой. Ленинъ вернулъ Россію къ самымъ древнимъ временамъ и построилъ управленіе государствомъ по образцамъ чисто сказочнаго примитива. Во главѣ — царь Додонъ съ правомъ казнить и миловать, съ правомъ самодурствовать и приказывать все, что угодно. Подъ нимъ услужливая дружина и свора покорныхъ палачей и доносчиковъ. Таково было государственное устроеніе Р.С.Ф.С.Р., которому удивлялись и съ которымъ считались великія иностранныя державы. Для того, чтобы провести такое управленіе и имѣть возможность казнями и карательными экспедиціями подавлять возстанія и усмирять недовольныхъ Ленину нужны были коммунисты. Коммунисты — это была только вывѣска. Коммунисты были просто негодяи, преступники, босяки и хулиганы. Полежаевъ самъ записался въ коммунистическую партію и имѣлъ возможность присмотрѣться къ своимъ товарищамъ и хорошо узнать ихъ.

Одни изъ нихъ были люди съ уголовнымъ прошлымъ. Они переступили грань убійства, они сидѣли въ тюрьмѣ и имъ жизнь коммуниста казалась прекрасной. Въ нормальное время они сидѣли бы въ тюрьмахъ, въ исправительныхъ заведеніяхъ, арестантскихъ ротахъ, жили въ ссылкѣ, или на каторгѣ. За воровство, за грабежъ, за разбои, за убійства. Они знали свои вины, они знали, что имъ не избѣжать кары и они превозносили ту власть, которая не только отпускала имъ грѣхи ихъ, но ставила преступленія въ заслугу.

Другіе были юноши неудачники. Неврастеники съ изломанной нервной системой они въ нормальномъ государствѣ не смогли бы кончить гимназіи, выдержать экзамена на аттестатъ зрѣлости и томились бы писцами по канцеляріямъ, мелкими почтовыми чиновниками на захолустныхъ станціяхъ и была передъ ними жизнь сѣрая, скучная и томительно однообразная. Попадая въ коммунисты, они играли роль. Они становились начальствомъ и, конечно, совѣтскій строй имъ казался идеальнымъ и они готовы были на всякую подлость, лишь бы онъ оставался. Они сознавали, что дальше доносовъ, слѣжки, нахальной лжи, подхалимства, убійства безоружныхъ, затравленныхъ жертвъ по чердакамъ и подваламъ чрезвычаекъ они не способны идти,—и они составляли ту прослойку, которая давала возможность коммунистамъ высшаго порядка знать о всемъ, что думаютъ рядовые красноармейцы и обыватели. Они наполняли военныя школы, спѣшно оканчивали ихъ и обезпечивали себѣ паекъ и возможность шумной и сравнительно веселой жизни въ красныхъ полкахъ. Вина не было, но былъ кокаинъ, былъ морфій, эфиръ, были женщины съ самыми неожиданными изломами больной страсти. Была кровь, сумракъ чрезвычаекъ, стоны жертвъ, пытки палачей, вопли женщинъ, было безстыдство казни и все это опьяняло и окончательно ломало неда-

лекіе мозги. Эта молодежь мужского и женскаго пола наполняла чрезвычайныя комиссіи, становилась добровольными палачами, выступала на митингахъ съ истеричными рѣчами, писала статьи въ совѣтскія газеты, сочиняла стихи, богохульствовала, оскверняла церкви, наполняла театры и концерты и составляла шумную хвалебную рекламу совѣтской власти. Совѣтская власть съ нею не церемонилась. При малѣйшемъ подозрѣніи въ измѣнѣ лишала пайка и разстрѣливала. Главы совѣтскія называли ее сволочью, но искусственно разводили эту сволочь, потому что она облѣпляла все здоровое и парализовала его.

Третьи коммунисты были такого порядка, что съ ними, самой совѣтской власти приходилось считаться. Это коммунисты отъ природы. Въ Русскомъ народѣ всегда жилъ типъ бродяги, не помнящаго родства, безпаспортнаго Спиридона-поворота. Сильные физически, глубоко развращенные, никогда не имѣвшіе собственности и потому не признающіе ее они и Императорскому правительству создавали не мало хлопотъ. Они скитались по Волгѣ и по берегамъ Чернаго моря и Каспія, нанимаясь грузчиками на суда и работая сутками, таская тюки съ товарами. Они недѣлями пьянствовали по кабакамъ, спали на берегу моря, купались шумными ватагами въ синей влагѣ и голые созерцали красоты Божьяго міра. Они не знали страха ни передъ чѣмъ. По народному выраженію: — они были — прожженые. Прожгло ихъ тѣло южное солнце, прокалилъ морозъ, знали они и голодъ, и излишества, испытали всѣ превратности судьбы, бывали капитанами на каботажныхъ судахъ и умирали отъ голода въ портовыхъ ночлежкахъ. Среди нихъ были люди большой фантазіи, широкаго юмора, но юмора циничнаго. Если имъ случалось убить человѣка, они умѣли схоронить концы въ воду, они умѣли использовать украденное и, когда попадались,

умѣли смѣло лгать. Въ XVII вѣкѣ они пополнили бы собою дружины Стеньки Разина и совершали бы съ нимъ набѣги на Персію, на Астрахань, куда придется. Разбойничья пѣсня къ нимъ пристала. Коммунистическому строю имъ нечего было учиться, они всегда жили коммуною и собственности ни своей, ни чужой не признавали. Въ XX вѣкѣ ихъ удѣлъ было бродяжничество, шатаніе по участкамъ и далеко нелестное прозваніе босяковъ.

Для нихъ появленіе и проповѣдь Ленина, его внезапный успѣхъ явилось откровеніемъ. Они поняли великое значеніе для нихъ диктатуры пролетаріата и они стали диктаторами. Они именно были тѣмъ, что нужно было Ленину въ его задачѣ разрушить Россію. Эти босяки въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова, эти народные пустоцвѣты находились во всѣхъ географическихъ широтахъ Россійской Имперіи и во всѣхъ слояхъ общества. Босяки по убѣжденіямъ были и на верхахъ его. Изъ нихъ сами собой навербовались громадные кадры управителей Совѣтской Республики: — комиссары и предсѣдатели чрезвычаекъ. Всѣ видные, примѣчательные народные комиссары по идеологіи своей были босяками. Имъ на все было плевать. Они могли рядиться во фраки и въ модные въ республикѣ френчи, могли умѣть отлично говорить по французски и по англійски, но босяцкая душа у нихъ оставалась. Чѣмъ выше было ихъ образованіе, тѣмъ шире размахъ презрѣнія ко всему міру и больше заносчивость. До Ленина они скрывали свои истинкты, они считались нигилистами, въ обществѣ ихъ избѣгали, но ихъ и побаивались, потому что у многихъ было не одно нахальство, но и большая воля. Ихъ выходки при прочномъ имперскомъ порядкѣ не шли дальше подтруниванія надъ религіей, насмѣшки и сатиры по адресу правительства, того самооплеванія, которое все болѣе и болѣе входило въ моду и за-

мѣняло патріотизмъ. При Ленинѣ они почуяли широкое поле дѣятельности. Самъ Ленинъ носилъ въ себѣ слѣды такого же босячества, но прикрытаго идейностью. У сотрудниковъ его этой идеи уже не было. Насолить чему то крупному, ущемить большую націю, дать въ морду Англіи, насмѣяться надъ Франціей и сейчасъ же раболѣпствовать передъ ними, дарить краденое золото, пресмыкаться для того, чтобы дать новый ударъ, накопить новый сочный плевокъ. Комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ Чичеринъ, образованный Красинъ, наглый Литвиновъ, смѣлый Воровской, хитрый Коппъ,— это все были совѣтскіе вельможи съ замашками и природою самаго грязнаго босяка. Надуть, обмануть и не только надуть и обмануть, но тутъ же насмѣяться и нагадить. Они превзошли всѣ верхи нахальства и правительства Англіи и Италіи, и Ллойдъ-Джорджъ и изящный гр. Сфорца терпѣли ихъ, — потому что за ними стояли такіе же босяки, такіе же пролетаріи всего міра. Они обокрали весь Русскій народъ для того, чтобы на украденное золото купить прессу всего міра и во всѣхъ столицахъ Европы и Америки они имѣли свои газеты. Міровой пожаръ революціи, торжество пролетаріата, царство такихъ босяковъ, какъ они повсюду, было ихъ цѣлью не потому, что они вѣрили, что при такомъ торжествѣ пролетаріата станетъ лучше жить, — они въ это не вѣрили, потому что видали каково жилось въ Россіи, — но говорила въ нихъ удаль босяцкая, желаніе насмѣяться и напакостить. Кровь ихъ не смущала. Они говорили такъ же, какъ низшіе ихъ служащіе: — «Эхъ вы Пилаты! Крови испугались!» Слова дипломата, вообще честнаго слова у нихъ не было. Имъ было все позволено и надъ своею подписью на актахъ они смѣялись, какъ смѣется босякъ, давая показанія въ полицейскомъ участкѣ. Разорить Грузію, смутить сердца мусульманъ, поднять красное знамя возстанія въ Индіи, устроить безпорядки въ Ир-

ландіи, придумать забастовку въ Германіи — для чего? Какая цѣль, какая выгода? — Никакой! Просто озорство, просто для того, чтобы показать, что мы можемъ. Пусть при этомъ гибнетъ честь Русскаго имени. Это имъ все равно. Пусть при этомъ льется Русская кровь, расходуется на это сотнями вѣковъ скопленное достояніе Россійской имперіи: — въ высокой степени наплевать. Полежаевъ удивлялся лишь одному, какъ не раскусила ихъ еще Европа. Или и она уже находилась подъ страхомъ босяцкаго возстанія?

Во главѣ комиссаріата по внутреннимъ дѣламъ стоялъ Дзержинскій. Изломанный садистъ, почти умалишенный, съ глазами газели и душою дьявола. Онъ съумѣлъ собрать вокругъ себя самые гнусные подонки общества и создать изъ нихъ внутреннюю охрану и чрезвычайные суды. Казнь совершалась легко. Они дѣйствительно ее отмѣнили, замѣнивъ разстрѣломъ, знаменитымъ — «къ стѣнкѣ», выведеніемъ «въ расходъ». Казнь требовала извѣстной церемоніи, обстановки и мѣста. Большевистскіе разстрѣлы были просто уничтоженіемъ людей гдѣ попало: — на лѣстницѣ чрезвычайки, на дворѣ, въ сараѣ гаража, въ подвалѣ, на улицѣ, въ лѣсу, хотя у себя въ кабинетѣ и это не носило характера смертной казни и, странно, даже не устрашало. Просто уничтожали всѣхъ тѣхъ, кто не сочувствовалъ босяцкой жизни.

Полежаева удивлялъ не самый фактъ такой смертной казни и свирѣпость палачей, но его смущало равнодушіе къ этому жертвъ и окружающихъ. Какъ то разъ, тридцать красноармейцевъ, за попытку къ дезертирству, были приговорены „въ расходъ". Это были здоровые, сильные парни. Правда, они недоѣдали, но все таки были достаточно крѣпки. Ихъ обезоружили и повели съ двумя коммунистами въ лѣсъ. У коммунистовъ было по два револьвера на поясѣ. Одинъ шелъ спереди, другой сзади. Ведомыхъ на казнь было

тридцать, они были въ лѣсу, они могли напасть и обезоружить своихъ палачей. Они не напали и не обезоружили. Въ лѣсу ихъ остановили у большой сосны.

— „Ну становись ты что-ль, первый!“ — сказалъ строго чекистъ. Молодой парень поблѣднѣлъ и торопливо сталъ къ дереву. Чекистъ застрѣлилъ его изъ револьвера.

— „Оттащите, товарищи“, сказалъ онъ остальнымъ и тѣ покорно оттащили трупъ. — „Слѣдующій“, сказалъ чекистъ, и сталъ слѣдующій...

Они перебили такъ вдвоемъ тридцать человѣкъ, обошли еще дымяшіяся кровью тѣла и дострѣлили тѣхъ, кто еще шевелился.

Что же это такое! Какая сила съ одной стороны и какая страшная слабость съ другой!...

Какъ то, мѣсяцъ тому назадъ, Полежаевъ сидѣлъ въ гостяхъ у знакомыхъ на Гороховой. Въ коммунальной квартирѣ, гдѣ въ пяти комнатахъ гнѣздилось три родственныхъ семьи, и въ общемъ было восемнадцать человѣкъ, по протекціи совѣтскихъ служащихъ, а въ совѣтскихъ учрежденіяхъ служили почти всѣ, достали настоящій чай и сахаръ. Кто то принесъ съ дачи землянику, была мука и барышни напекли пирожныхъ. Былъ настоящій „буржуйскій“ чай. Шутили, смѣялись, даже пѣли подъ пьянино и гитару. Много было барышень, былъ пожилой господинъ, когда то страшный либералъ, написавшій цѣлый трактатъ противъ смертной казни. Ночь была бѣлая, свѣтлая, окна открыли и дышали свѣжей прохладой Петербургской ночи. Вдругъ не подалеку застучалъ на холостомъ ходу автомобиль и стали раздаваться рѣдкіе выстрѣлы.

— Кажется стрѣляютъ, — сказала одна барышня съ пирожнымъ въ рукѣ, садясь на подоконникъ.

— Да, опять, сказала другая, подходя къ пьянино.

— Мнѣ Коля говорилъ, что сегодня двадцать восемь офицеровъ назначили въ расходъ.

— Это ихъ вѣроятно, сказала сидѣвшая за пьянино и заиграла веселую пьесу.

Полежаевъ смотрѣлъ на нихъ. Лица всѣхъ были больныя и блѣдныя. У многихъ башмаки были одѣты на голыя ноги, потому что чулокъ не было въ заводѣ, онѣ были истомлены. Въ нихъ цѣпко притаилась жизнь и эта жизнь уже не чувствовала того, что рядомъ убиваютъ.

Полежаевъ вспомнилъ разсужденія Чеховскаго мастерового: — „заяцъ, ежели его долго бить может спички зажигать, а кошка при долгомъ битьѣ огурцы ѣсть . . .“

Добились значитъ того, что зайцы стали спички зажигать, а кошка огурцы ѣсть.

Но вѣдь это были люди! . . . Люди! . . .

Значитъ и съ людьми можно!

VI.

Полежаевъ былъ погруженъ въ пролетарскую литературу. Передъ нимъ лежали старыя Совѣтскія „известия“, „правда“, „красный солдатъ“ и пр. Передъ нимъ были сборники стиховъ совѣтскихъ поэтовъ, совѣтская беллетристика. Во главѣ этого дѣла стоялъ настоящій писатель — босякъ Максимъ Горькій, но и онъ уже не выгребалъ, болѣе сильные и разнузданные босяки его обогнали. Ловкій и наглый до нестерпимаго цинизма Луначарскій вмѣстѣ съ госпожею Коллонтай развращали души дѣтей.

Новый слогъ, новыя выраженія, крайняя разнузданность мысли, хула на Бога были въ каждой строкѣ. Тонъ газетныхъ заголовковъ, тонъ извѣстій съ фронта былъ гаернический, босяцкій.

Листая прошлогодния газеты Полежаевъ, самъ участникъ наступленія добровольческой арміи къ

Москвѣ, удивлялся, какъ лгали газеты. Въ іюнѣ 1919 года они занимали Харьковъ, а въ газетахъ республики писали: — „красный Харьковъ не будетъ сданъ. Имперіалисты всего міра обломаютъ зубы о Красный Харьковъ“...

Полежаевъ задумался. Красный Харьковъ былъ сданъ и политъ еще большею кровью. „Имперьялисты“ поломали не мало зубовъ и были разсѣяны по всему міру.

On ne périt que par la defensive,*) — сказалъ Наполеонъ.

Большевики всегда нападали. Они усвоили босяцкіе методы борьбы. Босяка городовой уже въ участокъ ведетъ, а онъ все куражится, все кричитъ площадную ругань и норовитъ въ ухо заѣхать городовому....

Съ глубокимъ презрѣніемъ отнеслись большевики къ Русской литературѣ и къ поэзіи. То, что читалъ Полежаевъ, не имѣло ни мысли, ни размѣра, ни риѳмы. Это былъ безпорядочный наборъ словъ, передъ которымъ фабричная частушка казалась изящнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Но этимъ восторгались. Объ этомъ писали серьезныя, критическія статьи, это разбирали съ глубокомысліемъ ученые старые люди. Въ былое время такую дребедень даже не удостоили бы напечатать въ „почтовомъ ящикѣ“ редакціи, а просто бросили бы въ корзину. Здѣсь, въ совѣтской республикѣ, это многимъ нравилось. Нравилась смѣлость мысли. Площадная ругань по адресу Божіей матери, поношеніе Бога — прельщали. Ихъ шопотомъ передавали другъ другу даже вѣрующіе люди, ихъ показывали изъ подъ полы и ими возмущались, но въ возмущеніи слышалось и восхищеніе передъ дерзнувшимъ. Озорство увлекало. Наглость слога, стихи по одному слову въ строкѣ казались достиженіями чего то новаго и великаго.

---

*) Погибаютъ только тѣ, кто обороняется.

Молодые люди и барышни зачитывались пролетарскимъ поэтомъ Маяковскимъ, цитировали стихи Демьяна Бѣднаго, бѣднаго и по формѣ и по мысли и преклонялись передъ Александромъ Блокомъ. Въ немъ видѣли апостола совѣтской власти. Его поэму „Двѣнадцать“ заучивали наизусть. Хула на Бога, грязная безпардонная похабщина, идеализація и преклоненіе передъ низменными инстинктами человѣка, все, что нужно было для великаго босячества — все это было въ поэмѣ „Двѣнадцать“.

Кто эти двѣнадцать? Босяки!

Въ зубахъ — цыгарка, примятъ картузъ,
На спину-бъ надо бубновый тузъ!
Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра—та—та!

Насиліе, убійство, грабежъ — все воспѣто и оправдано въ этой поэмѣ.

А Катька гдѣ? — Мертва, мертва!
Прострѣленная голова!
Что Катька рада? — Ни гу—гу....
Лежи ты, падаль, на снѣгу!....
Революцьонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Въ поэмѣ Блока отразилось и то презрѣніе къ Россіи, которымъ отличались босяки — Спиридоны повороты. Развѣ были когда либо они Русскими, или хотя-бы Россійскими? Они были непомнящими родства, губерніи небывалой, уѣзда незнаемаго, деревни безъимянной.

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь —
Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!
Эхъ, эхъ безъ креста!

Въ этомъ „безъ креста“ была вся сила босячества, въ немъ оказалась и сила большевизма.

„Запирайте етажи,
Нынче будутъ грабежи!
Отмыкайте погреба
Гуляетъ нынче голытьба!....

Гульба была приманкой для молодецкихъ ватагъ Степана Разина, гульба стала и главной приманкой большевиковъ. Запишись въ коммунисты, стань однимъ изъ этихъ „двѣнадцати“ и погуляешь и натѣшишься въ волю.

Ужъ я сѣмячки
Полущу, полущу....
Ужъ я ножичкомъ
Полосну, полосну!....
Ты лети, буржуй, воробушкомъ!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку....
Упокой, Господи, душу рабы Твоея....

Полежаевъ самъ испыталъ это чувство пьяной гульбы и добычи. Ему то, что происходило было противно, но своихъ товарищей онъ понималъ. Была долгая голодовка. Питались изъ котла какой то мутной похлебкой, носившей названіе супа и сваренной на мерзломъ картофелѣ. И вдругъ ворвались въ богатый, почти не разоренный войною польскій городокъ. Его рота, руководимая коммунистами, разбѣжалась по домамъ. Раздались крики, вопли, стоны, грянули одинъ, другой выстрѣлъ, потомъ все стихло. Улицы опустѣли. Все разошлось по домамъ. Прошло около часа, — красноармеецъ коммунистъ, красавецъ мужчина лѣтъ тридцати, типъ городского извощика лихача, веселый, разрумянившійся, лукаво ухмыляясь, поманилъ пальцемъ Полежаева.

— Пожалуйте, товарищъ командиръ.... Наши уже гуляютъ.

Весь коммунистическій цвѣтъ роты собрался въ богатомъ домѣ. Уже успѣли накрыть столъ. Растерянная прислуга металась, нося тарелки, рюмки, стаканы. Въ углу, на коврахъ, среди какихъ то шолковыхъ стуликовъ лежали и сидѣли пять молоденькихъ дѣвушекъ со связанными руками. Три были въ гимназическихъ платьяхъ съ черными передниками, двѣ въ чистенькихъ бѣлыхъ платьяхъ барышень. Онѣ были смертельно блѣдны и большими испуганными глазами оглядывались кругомъ. Онѣ уже не плакали, всѣ слезы были выплаканы.

Всѣмъ пиромъ распоряжался Осетровъ, товарищъ по полку Полежаева. Носили окорока, гдѣ то достанные, на кухнѣ торопливо жарили гусей и барановъ....

— Вино! женщины! пѣсня! — привѣтствовалъ Полежаева Осетровъ, — стоило повоевать, товарищъ!

На отдѣльномъ столѣ были свалены золотыя и серебряныя вещи: портсигары, часы, браслеты, кольца, брошки....

Оргія продолжалась трое сутокъ. Когда она кончилась и красноармейцы покидали городъ и домъ, гдѣ пировали, въ углу на коврахъ лежало три синихъ трупа дѣвочекъ гимназистокъ, двѣ дѣвушки постарше едва шевелились и стонали, безумными глазами провожая уходящихъ. Онѣ были испорчены и заражены на всю жизнь. Коммунисты, уходя говорили о томъ, какой пиръ они устроютъ, когда займутъ Варшаву и дойдутъ до Вѣны, Будапешта и Парижа!

... „И идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль“ ....

VII

Въ своихъ мысляхъ: — Полежаевъ не могъ вести никакихъ записокъ, такъ какъ зналъ, что вѣстовой былъ приставленъ къ нему не столько для услугъ, сколько для того. чтобы слѣдить за нимъ, объискивать карманы его платьевъ и всю переписку доставлять на просмотръ въ чрезвычайную комиссію, — въ своихъ мысляхъ, Полежаевъ разбилъ коммунистовъ на три разряда: — люди пожилые съ уголовнымъ прошлымъ; неврастеники, истерики, кокаинисты, морфинисты — словомъ полусумасшедшіе, дегенераты и, наконецъ, — бродяги и босяки, люди своеобразнаго таланта, большой силы воли, разбойники по природѣ.

Къ каждой изъ категорій примазалось очень большое количество людей, которые коммунистами вовсе не были, коммунистическимъ теоріямъ не сочувствовали, собственность чтили превыше всего, но пошли въ коммунистическую партію по разнымъ причинамъ. Одни потому, что, будучи людьми безпринципными, искали хорошихъ теплыхъ мѣстъ. сытной ѣды; другіе, потому что по природѣ были рабами и привыкли услуживать и подлизываться ко всякой власти, третьи для того, чтобы не умереть съ голода и избавиться отъ невыносимыхъ преслѣдованій обысками и угрозами разстрѣла, четвертые, чтобы спасти и сохранить до лучшихъ дней своей имущество, пятые для того, чтобы спасти и прокормить своихъ близкихъ: жену, дѣтей, родителей. Не только эти примазавшіеся къ коммунизму люди, но и настоящіе коммунисты не вѣрили въ то, что такой порядокъ можетъ долго продержаться. Но настоящіе коммунисты старались продлить его всѣми силами, примазавшіеся къ нимъ, напротивъ, нетерпѣливо ожидали, когда же все это кончится.

Примазавшіеся тоже распредѣлились по своему удѣльному вѣсу между всѣми тремя категоріями.

Бывшіе полицейскіе, охранники, сыскная полиція примкнули къ первой категоріи, интеллигенція жалась ко второй, усиленно пополняя своимъ умственнымъ багажемъ недостатокъ образованія недоучекъ, крестьяне, рабочіе и особенно много казаковъ примкнуло къ третьей воинствующей категоріи.

Коммунисты заполнили всѣ верхи Совѣтской республики. Они сидѣли во всѣхъ совѣтахъ, они „комиссарили“ во всѣхъ городахъ, они были предсѣдателями и членами всѣхъ комиссій отъ чрезвычайныхъ, занимавшихся сыскомъ и разстрѣлами, до продовольственныхъ и образовательныхъ, старавшихся кормить и учить несчастный Русскій народъ.

Яркимъ представителемъ первой категоріи являлся Дзержинскій. Своимъ садистскимъ отношеніемъ къ смертной казни и убійствамъ, своимъ умѣлымъ цинизмомъ по отношенію къ жертвамъ чрезвычаекъ онъ покорилъ сердца самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ и заслужилъ уваженіе всѣхъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ. Равнаго ему по количеству невинно пролитой крови нѣтъ въ міровой исторіи. Малюта Скуратовъ ничто передъ нимъ Французская революція не дала палача равнаго ему. Въ мрачные вѣка инквизиціи не было такого холоднаго отношенія къ мучимымъ жертвамъ. Дзержинскій былъ циникъ по природѣ. По существу онъ скорѣе принадлежалъ ко второй категоріи — неврастениковъ, но его постъ комиссара по внутреннимъ дѣламъ поставилъ его ближе къ суровымъ исполнителямъ приговоровъ и къ созданной имъ „вохра“. Дзержинскій драпировался въ тогу мученика, любилъ говорить, что казнить тяжелѣе, нежели быть самому казнимому и руководилъ самыми жестокими карательными экспедиціями и разстрѣлами, у него была фатальная внѣшность палача - декадента и, что поражало Полежаева, — эта личность, пропитан-

ная кровью, вся сотканная изъ слезъ и проклятій жертвъ пользовалась успѣхомъ у женщинъ лучшихъ фамилій.

Вторую категорію, возглавляли Луначарскій, Горькій и Радекъ.

Это Луначарскій съ госпожею Коллонтай, женою множества мужей, сладострастно присюсюкивая создавали „Детския села“ собирали и охраняли, дѣйствительно охраняли музеи и коллекціи, устраивали „соціализацію дѣтей“ и отнимали младенцевъ отъ ихъ матерей. Они холодными глазами смотрѣли на растлѣнныхъ мальчиками дѣвчонокъ, на гніющихъ въ сифилисѣ и дѣтскомъ порокѣ дѣтей и, захлебываясь восхищались быстрымъ усвоеніемъ дѣтьми коммунистическаго катехизиса, похабной руганью, воровствомъ и налетами, совершаемыми дѣтьми. Они уничтожали Россію подъ корень, они губили будущее Россіи и ихъ незамѣтная дѣятельность была самой страшной. Они тщательно вытравляли Бога изъ сердецъ дѣтей, готовя тѣмъ гибель Русскому народу.

Это ихъ поэты, драматурги, писатели и агитаторы разъѣзжавшіе на пестро раскрашенныхъ агіо-поѣздахъ, одновременно съ лекціями по сельскому хозяйству, творили хулу надъ Богомъ, надругались надъ религіей и вмѣсто любви вселяли ненависть.

Это по ихъ указанію переименовывались историческія названія и вытравливалось изъ души народной сознаніе великаго историческаго прошлаго. Окруженные толпою бездарныхъ кликушъ они создавали праздники и спектакли, на которыхъ странно смѣшивались во едино настоящая наука, настоящее искусство съ развратомъ самаго грубаго свойства. Они ставили Шекспира, Толстого, Тургенева, являлись меценатами истиннаго искусства, наполняли театры простонародьемъ, щелкавшимъ сѣмечки и мѣшавшимъ играть артистамъ,

они заставляли придворную капеллу играть и пѣть въ зимнемъ дворцѣ, они устраивали симфоническіе концерты для заводскихъ рабочихъ и красной арміи — и они же проводили черезъ ряды публики голыхъ вонючихъ дѣвокъ, чтобы распалить зрителей и усилить дѣторожденіе.

Они вмѣстѣ съ Горькимъ издавали классиковъ и сажали писателей въ пансіонъ, подобный дому умалишенныхъ, сажали ихъ на паекъ и не позволяли свободнаго слова. Они разстрѣливали поэтовъ и ученыхъ.

Клика неврастениковъ, упадочниковъ, декадентовъ слѣдовала за ними. Они расписывали заборы нелѣпыми рисунками, ставили памятники изъ кубовъ и пирамидъ и внѣдряли въ мозги народные превратное понятіе о красотѣ.

Ихъ подвиги въ этомъ направленіи трудно перечислить. Когда Полежаевъ думалъ о нихъ, онъ скрипѣлъ зубами. Ихъ дѣятельность была хуже дѣятельности Дзержинскаго и Петерса съ ихъ чрезвычайками и казнями, потому что они готовили въ прокъ, заготовляли разсаду будущихъ Дзержинскихъ и Петерсовъ... И что было обидно!!... профессора, академики, художники, люди съ европейскими именами повиновались имъ. Писали плакаты, статьи, стихи, пьесы, раболѣпствовали и восхищались новою властью, воспѣвали висѣлицу и пулеметъ!

«Заяцъ ежели его долго бить можетъ спички зажигать. Кошка при долгомъ битьѣ огурцы ѣстъ».

Но вѣдь это были не зайцы и не кошки, а Русскіе академики, профессора, ученые, художники, писатели, поэты! Они создавали коммунистическую литературу, они читали лекціи о творчествѣ Демьяна Бѣднаго, они славословили Ленина и ставили его выше Христа, Магомета и Будды...

Почти вся третья категорія коммунистовъ находилась въ красной арміи. Они и были ея силой. Они или составляли отдѣльныя части: были ма-

тросами на неплавающемъ флотѣ, служили въ отдѣльныхъ коммунистическихъ полкахъ и батальонахъ, слушали курсы техники военнаго дѣла, руководили латышскими, китайскими, венгерскими, финскими, башкирскими и казачьими частями, или служили на комиссарскихъ, офицерскихъ и, главнымъ образомъ, унтеръ офицерскихъ должностяхъ. Возглавлялъ ихъ Троцкій. Они боготворили Троцкаго за то, что онъ создалъ для нихъ привольную, полную разгула жизнь, они обирали плѣнныхъ, раненыхъ, убитыхъ и казнимыхъ. И на человѣка они смотрѣли, какъ охотникъ смотритъ на пушного звѣря. Войны, походы дѣлались ради добычи. Колчакъ, Деникинъ, Юденичъ — это было нѣчто въ родѣ собирательнаго городового, съ которымъ они всегда боролись и который имъ мѣшалъ грабить и убивать. На югъ шли за хлѣбомъ, шли грабить богатый Ростовъ и обирать богатыхъ казаковъ. Противъ Юденича шли для того, чтобы защитить красный Питеръ, гдѣ было ихъ воровское гнѣздо, гдѣ былъ главный ихъ притонъ. Сражались съ Миллеромъ, потому что съ нимъ шли англичане, которые могли возстановить порядокъ и прекратить ихъ вольную жизнь. Шли въ Сибирь за хлѣбомъ и за золотомъ. Шли на Польшу, надѣясь потѣшиться въ Варшавѣ и поприжать польскихъ пановъ.

«Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ,»

пѣли они и шли опредѣленно грабить на этомъ пожарѣ. Нормальнымъ арміямъ было трудно бороться съ ними. Они несли съ собою панику. Они разстрѣливали тысячами плѣнныхъ и раненыхъ, они сверхъ-естественными муками мучили офицеровъ и начальниковъ. Они раздѣвали до бѣлья на морозѣ тѣхъ, кого они щадили. Война шла на истребленіе. Они не признавали никакихъ Женевскихъ конвенцій, Краснаго Креста — все это были

для нихъ буржуазные предразсудки. Они грабили жителей, независимо отъ того сочувствовали они имъ, или нѣтъ, они насиловали женщинъ и дѣтей, надругались надъ храмами и издѣвались надъ трупами.

Это была армія Валленштейна, но безъ нѣмецкаго романтизма и рыцарскаго благородства, отличавшими Валленштейна. Это былъ сбродъ. Артиллерія ихъ плохо стрѣляла, пѣхота плохо владѣла винтовкой, конница не умѣла беречь лошадей. «Военспецы», приставленные къ нимъ страдали съ ними. Несмотря на жестокую дисциплину, на разстрѣлы за малѣйшую провинность — они проматывали казенное обмундированіе и напастись на нихъ сапогъ и одежды не было возможности. Они не чистили и не кормили лошадей, плохо берегли оружіе. Они имѣли карманы, полные золота, серебра и ассигнацій и бросали патроны. Они легко сами подвергались паникѣ и тогда бѣжали безъ оглядки. Они не умѣли нести сторожевую службу, не умѣли развѣдывать и заставляли казнями сторожить себя жителей и развѣдку замѣняли шпіонажемъ. Они не умѣли обороняться. При атакѣ на укрѣпленія они гнали впереди себя крестьянъ, рабочихъ, плѣнныхъ бѣлогвардейцевъ, а сами шли сзади съ револьверами и ставили пулеметы, изъ которыхъ безпощадно разстрѣливали тѣхъ, кто повернетъ обратно.

Красная армія не была арміей въ современномъ значеніи этого слова, но она была грозна для даннаго времени, потому что вся Европа устала отъ войны, всей Европѣ надоѣло лить кровь и нигдѣ не было настоящей арміи, которая могла бы противостать имъ. Европейскій солдатъ, солдатъ Добровольческой арміи были солдатами, но не убійцами. Они убивали по необходимости. Коммунисты красной арміи были убійцами. Они не только не видѣли въ убійствѣ грѣха, но видѣли удаль, а грабежъ и погромы считали нормальнымъ

явленіемъ. Кровь ихъ не страшила, слезы ихъ не трогали.

Въ Петербургѣ коммунистовъ водили въ только что отстроенный крематорій, гдѣ имъ показывали сквозь стекло, какъ сгораетъ трупъ. Это дѣлали съ тою цѣлью, чтобы окончательно уничтожить въ нихъ вѣру въ Бога, въ загробную жизнь и существованіе души и тѣмъ вселить въ нихъ безстрашіе и не боязнь преступленія.

Но эта армія была опасна и для самого государства. Троцкій понималъ, что онъ авторитетъ для арміи лишь до той поры, пока въ арміи хорошо, сытно и привольно живется. Стоило уменьшить паекъ и полки волновались. Подобно шайкѣ разбойниковъ красная армія могла жить лишь при условіи постояннаго интереса войны. Коммунисты третьей категоріи, заполнявшіе армію требовали сильныхъ впечатлѣній. Стояніе по гарнизонамъ томило ихъ, переводъ на положеніе трудовой арміи оскорблялъ ихъ и работали они плохо, казарма гнела ихъ. Они жаждали новыхъ походовъ, завоеваній, крови и добычи. Конкубинатъ съ дѣвицами коммунистками, послѣ потѣхи надъ женщинами высшаго общества, молодыми еврейками и польками былъ слишкомъ прѣсенъ и отзывалъ мѣщанствомъ и красная армія должна была постоянно воевать, усмирять и лить кровь.

Это входило въ планы Ленина и Троцкаго, потому что приближало начало міровой революціи.

Полежаевъ зналъ, что главный штабъ разрабатывалъ планы походовъ на Грузію и Малую Азію, что въ ближайшее время стояли на очереди — разгромъ Польши и Румыніи, движеніе черезъ славянскія государства въ Италію и Францію, — движеніе на Индію. Чѣмъ фантастичнѣе были планы, чѣмъ красочнѣе походъ, тѣмъ больше привлекалъ онъ красноармейскія сердца.

Товарищи Полежаева — Осетровъ, Гайдукъ Шлоссбергъ и самъ комиссаръ Коржиковъ мечтали

о парижанкахъ, о богатыхъ ювелирныхъ магазинахъ, о возможности самаго утонченнаго разврата въ этихъ экспедиціяхъ.

Полежаевъ зналъ, что Радеку дана задача развратить пролетаріатъ этихъ странъ и подготовить мѣстныхъ босяковъ для встрѣчи босяковъ совѣтскихъ. Полежаевъ зналъ, что на это были кинуты громадные запасы золота и драгоцѣнныхъ камней, отнятые у императорской казны, въ банкахъ, сейфахъ и въ частныхъ квартирахъ.

Товарищи коммунисты смѣялись между собою: — «недолго полежитъ это золото въ чужихъ странахъ. Скоро пойдемъ и себѣ заберемъ».

Эти наблюденія и связанныя съ ними мысли поражали Полежаева. Онъ видѣлъ грандіозную міровую воровскую организацію и онъ не спалъ ночей, думая, какъ все это разстроить и уничтожить.

VIII.

Во главѣ всей работы разрушенія Россіи стояли два крупныхъ мерзавца: Владиміръ Ильичъ Ульяновъ — Ленинъ и Левъ Троцкій — Бронштейнъ. Полежаевъ понималъ, что съ ихъ смертью и особенно со смертью Ленина, коммунисты босяки, — третья категорія, самая сильная и могущественная, почувствуютъ, что они лишились защиты, лишились того, кто покрывалъ собою кровь ими проливаемую. Ленинъ передъ всѣмъ міромъ оправдывалъ ихъ преступленія. Ленинъ былъ выше всего міра. Его планы — были: міровая революція, пожаръ и разрушеніе всего міра. И потому онъ для нихъ былъ выше Римскаго папы, выше англійскаго короля, американскаго президента, выше французсхой палаты, значительнѣе Вильсона, Ллойдъ-Джорджа, Мильерана, Фоша, не говоря уже о такихъ мелочахъ, какъ Пильсудскій. Ленинъ

плевалъ на нихъ и съ цинизмомъ Русскаго хама издѣвался надъ ними.

Про него разсказывали, что какъ то, послѣ его доклада „о международномъ моментѣ и противорѣчіяхъ Версальскаго мира“, Ленинъ пробирался сквозь толпу партійныхъ клевретовъ.

— Товарищъ Ленинъ! — воскликнулъ кто то въ рабскомъ восторгѣ, — вы и Вильсонъ нынѣ рѣшаете судьбы земного шара!

Обычная кривая усмѣшечка скривила полныя щеки идіотскаго лица Ленина. Узкіе глазки обратились въ щелки.

— Да, да, — бросилъ онъ на ходу. — Но причемъ же здѣсь Вильсонъ?

Ленинъ первый сказалъ имъ, что то, что они считали грѣхомъ: убійство, грабежъ, насиліе — не грѣхъ. Онъ развязалъ ихъ отъ грѣха, онъ успокоилъ ихъ совѣсть. Громко, на весь міръ, въ газетахъ, листкахъ, по радіо, на митингахъ онъ заявилъ, что убійство — не убійство, грабежъ не грабежъ, погромъ не погромъ и насиліе не насиліе. Онъ приблизилъ къ себѣ и окружилъ почетомъ убійцъ, громилъ и взломщиковъ. Грабители и мародеры его именемъ получали знаки отличія красной звѣзды. По его приказу ставили памятники разбойникамъ и предателямъ. Гдѣ то на Волгѣ умудрились слѣпить и торжественно открыть памятникъ Іудѣ Искаріоту съ веревкой на шеѣ... И предатели, и разбойники и всѣ заплечныхъ дѣлъ мастера обрадовались. И они могли разсчитывать на то, что если такъ пойдетъ и дальше, то и имъ кто либо поставитъ памятникъ.

Всѣ эти люди: — босяки, убійцы, громилы, какъ ни крѣпко уснула ихъ совѣсть чуяли, что они дѣлаютъ нехорошее. Они понимали, что настанетъ когда либо день, когда придется „отвѣтъ держать“ въ тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя они совершили, что явится кто то, кто по заслугамъ пожалуетъ ихъ — „среди поля хоромами высокими,

что двумя ли столбами съ перекладиною". Спасалъ ихъ отъ этого Ленинъ. И пока живъ былъ онъ, пока былъ онъ у власти—вся кровь была на немъ.

И потому то Ленинъ могъ не бояться ни за свою жизнь, ни за свое положеніе. Его берегли, какъ не берегли царя; его охраняли, для него слѣдили, за него брали заложниковъ и шпіонили другъ за другомъ. Безъ Троцкаго можно было обойдтись, Троцкаго можно было замѣнить, но обойдтись безъ Ленина было нельзя. Ленинъ былъ идейная вывѣска на грязномъ предпріятіи. Ленинъ разрушалъ Россію во имя блага всего человѣчества. Ленинъ дѣлалъ громадный научный соціалистическій опытъ, отъ успѣха котораго зависѣло: быть соціализму въ мірѣ, или не быть. Ленинъ насаждалъ соціализмъ и высшую форму его: — коммунизмъ и потому онъ этимъ научнымъ экспериментомъ покрывалъ все зло и всю кровь.

Съ гибелью Ленина — гибло главное: — идея и оправданіе всего. Все получало свои настоящія имена и настоящую окраску. Тогда являлся страхъ потерять награбленное и получить возмездіе за преступленіе и, какъ слѣдствіе этого страха, бѣгство изъ рядовъ коммунистовъ и разложеніе красной арміи. Тогда красная армія теряла свою свирѣпость, способность нагонять панику и становилась просто скверной арміей.

На Ленина было сдѣлано два покушенія, оба неудачныхъ. На каждое Ленинъ отвѣтилъ моремъ крови заложниковъ. Разстрѣлянныхъ не успѣвали хоронить и ихъ штабелями, какъ дрова складывали въ покойницкихъ и сараяхъ Московскихъ больницъ. У тѣхъ, кто намѣревался еще разъ попытаться убить Ленина опускались руки.

Уничтожить Ленина въ первые годы его царствованія могли только заграничныя войска и заграничное вліяніе. Въ 1918 и 1919 годахъ, когда

Полежаевъ былъ въ добровольческой арміи, достаточно было дружной помощи союзниковъ и красная армія сдалась бы и выдала Ленина. Союзники не помогли. Когда Полежаевъ былъ у Деникина, онъ думалъ, что союзники не помогли по чисто внѣшнимъ причинамъ. Солдаты ихъ устали и не хотѣли воевать, союзники надѣялись, что Русскіе сами справятся со своею внутреннею смутою, они не хотѣли вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, демократія Англіи и Франціи была обманута и вѣрила, что Ленинъ дѣйствительно стоитъ за народъ и за рабочихъ. Поступивши въ коммунисты Полежаевъ узналъ, что Ленинъ и большевики всегда упрямо говорили, что союзники не съ Деникинымъ и Колчакомъ, а съ ними, большевиками и Ленинымъ.

Одинъ серьезный разговоръ съ Рахматовымъ пріоткрылъ ему немного завѣсу, прикрывавшую причину успѣховъ Ленина.

Рахматовъ занималъ крупное мѣсто по красной кавалеріи. Это былъ опытный кадровый офицеръ, происходившій изъ хорошей старой дворянской семьи и во времена имперіи выдѣлявшійся своимъ талантомъ. Полежаевъ, какъ „военспецъ“ являясь главнымъ помощникомъ Голубя въ дѣлѣ обученія красныхъ офицеровъ часто встрѣчался съ Рахматовымъ. О политикѣ, о большевикахъ, о совѣтской власти они никогда не говорили. Боялись другъ друга.

Рахматовъ жилъ хорошо, сохранивши за собою свою квартиру со всею обстановкою. Онъ присталъ къ большевикамъ съ перваго дня переворота и сразу занялъ видное мѣсто при Троцкомъ. Онъ обучалъ Троцкаго ѣздить верхомъ, а когда генералъ Деникинъ съ казаками сталъ наносить ударъ за ударомъ краснымъ арміямъ, Рахматовъ доказалъ въ рев-воен-совѣтѣ, какую громадную роль играетъ въ гражданской войнѣ конница. Онъ добился рѣшенія создать красную конницу, съ

желѣзной энергіей объѣздилъ всю Россію, добылъ конскій составъ и создалъ нѣкоторое подобіе той блестящей кавалеріи, которая была въ Императорской Россіи. Это по его настоянію всячески заманивали на службу Саблина, у котораго въ дивизіи служилъ Рахматовъ и котораго онъ очень высоко цѣнилъ. Это Рахматовъ создалъ Дыбенко и Буденнаго и слава Буденнаго была славою Рахматова. Рахматовъ былъ уменъ и хитеръ. Онъ сразу понялъ, что рабоче-крестьянская власть Ленина и Троцкаго больше всего боится появленія Наполеона, что для нея самое страшное — появленіе кого либо сильнаго и волевого и онъ съумѣлъ скрыться на скромной роли „военспеца", прикрывшись Буденнымъ, Думенко и другими знаменитостями изъ народа.

За то Рахматовъ ни на іоту не измѣнилъ своимъ привычкамъ. Въ его квартиру не вселяли коммунистовъ. У него были старые лакеи и горничныя, онъ ѣздилъ по прежнему на своихъ рысакахъ, его автомобиль былъ въ исправности, онъ ѣлъ то, что хотѣлъ и въ его погребѣ были вина и коньяки. Онъ могъ покровительствовать кому хотѣлъ. И, закрывая глаза на внѣшнее безобразіе Петербурга, Рахматовъ у себя на квартирѣ могъ забыть о томъ, что дѣлается въ Россіи.

Рахматовъ полюбилъ Полежаева. Онъ часто приглашалъ его къ себѣ, показывалъ ему свои великолѣпные альбомы снимковъ кавалерійской жизни и коллекціи оружія и рѣдкостей и много и долго разсказывалъ ему о роли и значеніи конницы.

— Западная Европа спитъ и глупѣетъ день отъ дня, говорилъ Рахматовъ. Она говоритъ о роспускѣ армій, объ уничтоженіи войска, о вѣчномъ мирѣ. Ея солдаты стали нервными трусами и будетъ день, когда красная кавалерія погонитъ народы Европы.

Они сидѣли въ кабинетѣ Рахматова. На стѣнѣ висѣла громадная карта Россійской имперіи испещренная какими то кружками и точками, значенія которыхъ Полежаевъ не зналъ. Передъ ними стоялъ маленькій столикъ, уставленный бутылками съ ликерами. Печенье и свѣжая земляника лежали въ вазочкахъ.

— Ѣшьте, Николай Николаевичъ, — вы это можете получить только у меня, — подвигая землянику радушно сказалъ Рахматовъ.

Онъ тщательно раскурилъ дорогую сигару и задумчиво проговорилъ.

— Я знаю, что тѣ, которые сидятъ теперь у Врангеля, проклинаютъ насъ съ вами. Вѣдь я многихъ тамъ знаю. Дѣло Врангеля погибнетъ такъ же, какъ погибли Деникинъ, Колчакъ и Юденичъ.

Рахматовъ затянулся сигарой.

— Что не пьете, Николай Николаевичъ?, сказалъ онъ сердечно. Знаю, что томитъ васъ мысль о томъ, правильно ли вы поступили, ставши подъ красныя знамена. И меня томило. Думаете: къ жидамъ нанялись, Россію распинаемъ, Ленину служимъ..... Что Ленинъ?... Ленинъ, Николай Николаевичъ, подручный, наемникъ, прикащикъ;— самъ онъ ничто. Вы слыхали когда либо о масонахъ? Не о тѣхъ, которыхъ описываетъ въ „Войнѣ и Миръ“ графъ Толстой и которые залучили къ себѣ Пьера Безухова, нѣтъ, а о тѣхъ, которые правятъ міромъ и которые являются злостными врагами Христа. Вы, конечно, знаете о борьбѣ темнаго и свѣтлаго, вы слыхали о Люциферѣ, діаволѣ и о его тайныхъ, силахъ? Въ магазинѣ Тузова, въ Гостиномъ дворѣ, вмѣстѣ съ книгами, твореніями Аѳонскихъ старцевъ, разсужденіями епископа Ѳеофана вы могли купить толстую такую книгу „черная и бѣлая магія“. Тамъ и хиромантія, тамъ и заклинаніе духовъ, цѣлый отдѣлъ подъ страшнымъ названіемъ „демонологія“, и правила составленія

гороскопа и счастливые и несчастливые дни, и какой камень нужно кому носить и снотолкователь. Ерунда форменная. Кто то терпѣливо собралъ всѣ предразсудки и суевѣрія темнаго средневѣковья и напечаталъ ихъ мелкимъ грязнымъ шрифтомъ со многими рисунками на потѣху старымъ бабамъ....... Однако, дайте вашу руку.

Полежаевъ покорно подалъ Рахматову свою лѣвую руку. Рахматовъ взялъ лупу и сталъ разсматривать ладонь, перебирая ее своими сухими нервными пальцами. Лицо его становилось озабоченнымъ.

— Однако!, — сказалъ онъ. — Дайте правую. Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать пятый годъ идетъ, — сказалъ Полежаевъ.

— Какіе оригинальные пучки у основанія пальцевъ. . ., говорилъ какъ бы про себя Рахматовъ. — А такой складки на мизинцѣ я никогда не видалъ. Теперь 1920-й годъ. . . . Да. . . . 1922-й годъ сулитъ вамъ нѣчто очень крупное, какія то страшныя перемѣны въ вашей жизни. Все прогрессируетъ, но и тяжело, охъ, тяжело будетъ. . . . Надняхъ. . . . Вотъ тутъ, видите, полоска, — кровь. . . Но вы не убиты и не ранены. Какая оригинальная рука, какія странныя линіи!!. . . .

Рахматовъ оторвался отъ руки Полежаева.

— Вы знаете, что у человѣка нѣтъ свободной воли, — сказалъ онъ задумчиво, — Нашими дѣйствіями руководитъ или темная сила діавола, или свѣтлая — Бога. Такъ вотъ масоны то, знаете, и считаютъ, что темная сила—это Богъ, а свѣтлая—діаволъ. . . . Вы про нашего посланника въ Англіи Красина слыхали? Ученый, Николай Николаевичъ, человѣкъ. Математикъ. Такъ вотъ онъ, математическими точными выкладками доказалъ, что весь міръ неуклонно подпадетъ подъ большевизмъ, то есть, что то начало, которое противоположно христіанству восторжествуетъ. Никогда, Николай Ни-

колаевичъ, не слѣдуетъ идти съ побѣжденными. И онъ искренно пошелъ съ Ленинымъ. Ленинъ масонъ, но масонъ маленькій. Онъ исполняетъ приказанія политическаго центра и такъ и ведетъ себя.... Николай Николаевичъ — масоны вездѣ на верху и особенно въ Англіи и Франціи. Ллойдъ-Джорджъ — масонъ, Бріанъ — масонъ и слѣдовательно Ллойдъ Джорджъ и Бріанъ заодно съ Ленинымъ. Вы понимаете, какъ смѣялся Владиміръ Ильичъ, когда всѣ бѣлогвардейцы опирались на Англію и Францію. Чѣмъ кончилось? — наша красная армія была раздѣта и безоружна. Колчакъ, Деникинъ и Юденичъ вооружили и одѣли ее.

Рахматовъ взялъ бутылку съ коньякомъ и наливая рюмки себѣ и Полежаеву сказалъ:

— Посмотрите на фирму и запомните эту фамилію: Мартелль. Графъ де Мартелль видный масонъ. Не коньячный конечно, а генералъ... Онъ пріѣхалъ къ адмиралу Колчаку — и . . . чехо-словаки измѣнили, а генералъ Жаненъ предалъ на смерть Колчака. Настало время нажать кнопку, — ее нажали — и Колчака не стало. Передъ крушеніемъ Деникина Мартелль былъ у него. Теперь онъ ѣдетъ къ Врангелю и Владиміръ Ильичъ спокоенъ. Врангель не устоитъ. Масонамъ страшно казачество. Вотъ оно и служитъ у насъ — а оно не наше. Крѣпко сидитъ въ немъ Христосъ. Казакъ и въ коммунисты запишется, а все крестъноеитъ и ладонку съ родною землею и молитвою матери на груди держитъ. И, — помяните мое слово, масоны уничтожатъ казаковъ. Вы никогда не думали о сущности Версальскаго мира? Вѣдь это тоже масонская штука. Обезоружить весь міръ. Ну, а потомъ создается красная армія, послушная масонамъ, создается красная кавалерія въ сотни тысячъ полудикихъ всадниковъ и вся Европа летитъ кувыркомъ. Такъ вотъ, Николай Николаевичъ, во время этого то кувырка лучше оказаться наверху, нежели внизу. А потомъ явится

князь міра сего и онъ не забудетъ насъ, своихъ вѣрныхъ слугъ.

— Такъ, Дмитрій Александровичъ, придется повѣрить и въ евангеліе и апокалипсисъ, — сказалъ Полежаевъ.

— А кто же говоритъ, что не надо вѣрить? — сказалъ Рахматовъ.

— Но тогда и въ будущую загробную жизнь придется вѣрить и въ возмездіе за грѣхи.

— А что такое грѣхъ?, — тихо сказалъ Рахматовъ. Гдѣ Богъ — у масоновъ, или у христіанъ?

— Но почему христіане не уничтожатъ масоновъ?, — сказалъ Полежаевъ.

— Попробуйте.... Въ Россіи, среднимъ счетомъ казнятъ ежедневно восемьдесятъ человѣкъ и вся Европа молчитъ. Но, когда въ Венгріи попробовали казнить троихъ посвященныхъ, вся Европа заволновалась, наше правительство пригрозило казнью тысячи заложниковъ и венгерскіе коммунисты остались живы. Вы посмотрите, Николай Николаевичъ, — Русскіе люди обратились въ стадо обреченныхъ людей и они послушно творятъ волю масоновъ. Скоро пойдетъ и дальше. И вотъ, и вы и я, и всѣ мы, коммунисты, правы, потому что противъ силы не пойдешь.

Полежаевъ, чтобы скрыть охватившее его волненіе медленно пилъ изъ рюмки коньякъ. Сумерки бѣлой ночи входили въ окно. Странная тишина была кругомъ, во всемъ громадномъ городѣ.

IX

Весь ужасъ положенія Полежаева заключался въ томъ, что онъ постоянно былъ на людяхъ. Хотя ему и отвели три комнаты, но въ томъ же особнякѣ жили другіе люди, по службѣ Полежаевъ постоянно сталкивался съ людьми самаго различ-

наго состоянія и положенія и ни съ кѣмъ онъ не могъ откровенно поговорить. Въ этомъ страшномъ государствѣ никто не смотрѣлъ другъ другу въ глаза, никто не говорилъ того, что онъ думаетъ. Всякій слѣдилъ за другимъ и другъ не могъ ручаться за друга, отецъ не вѣрилъ сыну. И въ этомъ одиночествѣ среди толпы людей былъ величайшій ужасъ.

Совѣтская машина работала во всю. Масса различныхъ комитетовъ, управленій, союзовъ, комиссій было учреждено и всюду за столами съ машинками и безъ машинокъ сидѣли сотни совѣтскихъ чиновниковъ и чиновницъ. Они часами говорили, но впечатлѣніе было такое, что машина работала на холостомъ ходу, что стучали колеса, ходили озабоченно взадъ и впередъ поршни, стучали золотники, свистѣли маховики, но безжизненно висѣли передаточные ремни и вся оживотворяющая работу механика станковъ стояла мертво.

Люди мѣсяцами ходили и метались изъ учрежденія въ учрежденіе съ какими то бумажками, чтобы получить какой либо пустякъ. Свободная торговля была уничтожена, мѣшечниковъ пристрѣливали на вокзалѣ и на путяхъ и избивали прикладами, лавки стояли заколоченныя, съ магазиновъ были содраны вывѣски, а на Сѣнной и въ Александровскомъ рынкѣ цѣлыми днями гудѣла толпа и торговали чѣмъ угодно.

И походило все это на сумасшедшій домъ.

Такъ же было и въ казармѣ. Казарма напряженно жила цѣлый день, а на повѣрку выходило, что ничего въ ней, не дѣлалось.

На другое утро послѣ вечеринки у Коржикова, въ эскадронахъ поднимались вяло отъ тяжелаго долгаго сна. Іюльскій солнечный жаркій день давно наступилъ, безпокойно звенѣли цѣпями недоуздковъ лошади, теплый вѣтеръ порывами налеталъ на полковой дворъ и крутилъ пылью и старой соломой, а въ эскадронѣ — люди все

потягивались и не вставали. На голодное брюхо трудно было вылѣзать изъ постелей.

Два молодыхъ коммуниста тщетно ходили взадъ и впередъ по эскадрону и кричали звонко, какъ пѣтухи:

— Вставать! вставать, товарищи! на уборку!

Товарищи, кто кутался въ старыя рваныя одѣяла или шинели, кто сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ на койкѣ и озабоченно почесывался. Матерная ругань перекатывалась съ одного края эскадрона къ другому.

— Опять у меня кто то сапоги сперъ. Ну погоди, сукинъ сынъ, Ротовъ, ежели это ты я тебѣ задамъ!, хриплымъ голосомъ говорилъ рыжій красноармеецъ съ краснымъ въ веснушкахъ лицомъ и бѣлыми рѣсницами на узкихъ, какъ у свиньи глазкахъ.

— Чаво-жъ, товарищъ, на уборку идти не жрамши, — говорилъ блѣдный красноармеецъ, потягиваясь такъ, что изъ за поднявшейся рубашки показывалась желтая поясница и видѣнъ былъ провалившійся худой животъ.

Офицеръ остановился противъ него.

— Ты что же, сволочь; разсуждать, скулить теперь будешь. Дрянь паршивая!

Красноармеецъ сидѣлъ и молчалъ. Когда офицеръ отошелъ, онъ проворчалъ: — „отъ таковаго слышу! Ну погоди, чортовъ сынъ! придетъ срокъ разсчитаемся съ тобой? Ишь жидовскія звѣзды поналѣпилъ на рукава и куражится. Все одно, что царскій офицеръ.

— Царскій офицеръ по крайности дѣло зналъ, да баринъ былъ, а это что, — еврей портной, — сказалъ его сосѣдъ, худощавый солдатъ Переяровъ, одинъ изъ артистовъ оркестра генерала Буденнаго. — Вчора ночью, у Коржикова комиссара, играли мы. Да -всѣ пьяные, растерзанные. Вѣстовой его что то ему не угодилъ, онъ его тутъ же застрѣлилъ, дѣвку раздѣвать началъ, и тутъ же надъ

трупомъ скверное дѣло сдѣлалъ. Душа то вѣдь, поди, христіанская.

— Это, товарищъ, не совсѣмъ такъ, натягивая шаравары сказалъ его сосѣдъ по койкѣ Лобовъ. — Конечно то, что политкомъ сдѣлалъ нехорошо, въ разсужденіи вѣстового. Что касается, что душа, такъ я видалъ, какъ сгораетъ эта самая душа. Ничего, знаете, нѣтъ.

— Все таки, грязно.

— Вся жисть наша такая, со вздохомъ сказалъ Лобовъ. Погодите вотъ усмиримъ всѣхъ, по иному пойдетъ.

— Эхъ, помню я, сказалъ Переяровъ, служили мы въ Нижегородскомъ Его Величества полку, на Кавказѣ стояли. Развѣ такая жисть была! Утромъ встанешь, одѣлся, умылся, Богу помолился — и чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. На уборку идемъ — лошадь сытая стоитъ, ее и чистить не надо, съ овса и такъ блеститъ. Ржетъ, встрѣчаетъ тебя, къ рукѣ тянется, любовно такъ. Я всегда ей либо корку хлѣба, либо кусокъ сахара принесу. Вѣдь, — истинный Богъ, по шесть кусковъ сахара въ день давали! А гдѣ онъ, сахаръ то теперь?

— Что же подѣлаешь, товарищъ. Все бѣлогвардейцы, да казаки мѣшаютъ. Погоди, — вотъ Врангеля генерала усмиримъ — тогда сахара сколько угодно будетъ.

— Эхъ! слыхали мы! Нѣтъ, ты пойми! Сахара шесть кусковъ!!... А то въ Питерѣ мы были. Да... На Царскій смотръ насъ вызывали. Зашелъ я въ магазинъ бакалейный, а въ немъ, повѣрите-ли, — пастила четырехъ сортовъ. А? Каково!

— Что же, что пастила. А свободы не было!

— Да, а нонче какая свобода! Коли вѣстового и такъ, здорово живешь, на тотъ свѣтъ отправилъ.

— Да, поди, били тогда?, спросилъ съ другой койки молодой круглолицый парень, весь въ пят-

рахъ и прыщахъ со спутанными длинными волосами.

— Би-или!?, протянулъ Переяровъ, — Ну нѣтъ, товарищъ. Въ тѣ времена, ежели, кто тронетъ солдата — судебное дѣло. Солдатъ, значитъ, было имя знаменитое — первѣйшій генералъ и послѣдній рядовой носили имя солдата. Вотъ оно какъ было! Бывало, Государь Императоръ пріѣдетъ и солнышко надъ имъ! Оркестръ гремитъ, а кругомъ золото, золото!! Ахъ, было...

— Ну что скулите, товарищъ, злобно сказалъ Лобовъ. — Всегда такъ было, такъ и будетъ.

— Э-эхъ! съ тоскою сказалъ Переяровъ — тогда была Россія!

— А ну ее подъ такую!, — злобно закричалъ уже одѣвшійся Лобовъ. — Пропади она пропадомъ и съ вѣрою христіанской и съ Богородицею своею.

— Да, постойте, товарищъ! Вы это чего?, — сказалъ Переяровъ.

— Чего, чего? А ты самъ понимай чего? Ты что говоришь?..., послѣдовало крупное ругательство, — ты какъ это понимаешь?... А?... Какъ?... Что это по твоему, контръ революція, или нѣтъ?... Ты что вспомнилъ?... А?... Ты царя вспомнилъ?... Ты не иначе, какъ шпіёнъ и предатель трудового народа.

— Да, постойте, товарищъ Лобовъ. — Ну съ чего вы это взяли. Господи! Да, когда же я что либо противъ совѣтской власти?! Да вотъ истинный Богъ, съ чистымъ сердцемъ.

— А вы чего Бога поминаете! Плевать на вашего Бога-то, — задыхаясь кричалъ, не помня себя, Лобовъ.

— Постойте, товарищъ, блѣднѣя говорилъ Переяровъ. Да что я сказалъ? Что комиссаръ деньщика убилъ. Такъ туда ему паршивцу, и дорога. Ишь, значитъ, не угодилъ его. Что дѣвку то при всѣхъ осквернилъ — такъ на то его комиссарская воля. Да развѣ жъ... я... я... да Гос-

поди Твоя воля. Ежели что... Да противъ Совѣтской власти! Да, помилуйте, товарищъ, ну развѣ же я не понимаю, что это истинная рабоче-крестьянская власть и иначе нельзя...

Люди выходили на уборку. Перяровъ, поблѣднѣвшій и осунувшійся шелъ за Лобовымъ и растерянно говорилъ:

— Да, помилуйте, товарищъ, да что я... Царя то вспомнилъ?... Такъ ну его къ бѣсу!... Это такъ къ слову пришлось... Ну, когда же я, что либо такое подумать могъ. Господи, твоя воля... Вотъ напасть еще!

X.

Лошадей выводили на коновязь. Были онѣ, несмотря на лѣто, еще не отлинявшія, косматыя, худыя съ большими животами и выдавшимися у спины ребрами и шли онѣ, печально звеня цѣпями недоуздковъ, какъ кандалами. Многія были некованы, съ большими отросшимися копытами. Тѣ, которыя были кованы имѣли подковы, заросшія рогомъ и небрежно пригнанныя. Вездѣ была та же неряшливость, которая сквозила и во всемъ полку. Лишь изрѣдка, среди плохо содержанныхъ лошадей, появлялась нарядная, съ блестящей шерстью, хорошо кормленная лошадь — это были собственные кони коммунистовъ — разбойниковъ по профессіи. Чистить было нечѣмъ и люди ограничивались лишь тѣмъ, что обдирали съ лошадей деревянными скребками грязь и затирали ихъ пучками грязной ржавой соломы.

Командиръ полка Голубь, по старой вахмистерской привычкѣ, вышелъ на коновязь. Онъ былъ задумчивъ. Тяжелыя думы бороздили его мозги, но онъ даже и думать боялся, потому что думы его были: самая настоящая контръ революція, а онъ зналъ, что за это будетъ.

Солдаты эскадроновъ раздѣлялись на два класса: — солдатъ коммунистовъ и солдатъ — мобилизованныхъ. Голубь зналъ, что солдата коммуниста пальцемъ не тронь. Онъ на все сдачи дастъ, чуть что — комиссару скажетъ и тогда съ командирскаго мѣста можно въ рядовые слетѣть и въ чрезвычайку попасть на разстрѣлъ. Мобилизованные были быдло. Ихъ и въ морду били и пороли...

„А что толку съ этого", — противъ воли своей думалъ Голубь, — „когда все одно настоящаго обученія нѣтъ. Его въ морду вдаришь за контръ революціонность эту самую, а онъ норовитъ шинель, или сапоги на рынкѣ продать, а то и вовсе удеретъ. Въ полку три эскадрона — ну какой же это полкъ! Такъ и дивизьона то хорошаго не выйдетъ. Одна слава, что полкъ. За то знаменъ этихъ красныхъ добрый десятокъ и все съ надписями и одна надпись гаже другой. А на древкѣ замѣсто двуглаваго орла — Царя батюшки — антихристова звѣзда. Господи! и когда все это кончится! Вотъ я и командиръ полка — а что толку? Чистка къ примѣру... да въ прежнее время это понимать надо было. Лошади сытыя, играли, а теперь... Бывало эскадронный подойдетъ — скомандуешь: — „смирна"! и все это бросится къ задамъ лошадей и выстроится. Морды у людей гладкія, веселыя, фуражки на бокъ одѣтыя, отъ него сытостью этой такъ и претъ, красавцы писаные!... А теперь — эскадронный идетъ — никто и не глянетъ. Каждый изподлобья волкомъ мимо смотритъ. Фуражки на затылки сброшены, вида нѣтъ и звѣзда эта самая антихристова торчитъ, совѣсть смущаетъ. А кому служимъ? Интернаціоналу... А кто онъ такой этотъ самый интернаціоналъ, гдѣ онъ живетъ, кто его знаетъ? Вотъ смотръ, сказываютъ, на дняхъ будетъ, парадъ. Замѣсто Царя то батюшки, яснаго солнышка, Троцкій объѣзжать полки будетъ.

Конь подъ имъ плохой, сидитъ какъ собака на заборѣ, только что на головѣ колпакъ дурацкій. Господи! да какъ же это такъ вышло, что все кругомъ перевернулось! Да почему же это вся Россія въ ничтожество произошла?!“

Среди людей раздались голоса: — „комиссаръ!, комиссаръ идетъ“ ... Голубь поблѣднѣлъ отъ страха. Ему казалось, что комиссаръ прочтетъ и самыя мысли его.

Коржиковъ шелъ мрачный. Послѣ вчерашняго у него голова болѣла. Лицо было зеленовато блѣдное, подъ глазами — темные мѣшки. Никто не сказалъ бы, что ему шелъ всего двадцать пятый годъ. Заложивши руки въ карманы и, глядя прямо на солдатъ, онъ шелъ по коновязямъ. Вспоминая свое пребываніе въ Донскомъ полку Карпова, онъ думалъ, что тамъ лошади были другія и онъ не зналъ, что дѣлать. Дисциплина была. Красноармейцы передъ нимъ тянулись, даже коммунисты его боялись, а порядка не было. Что дѣлать? Составить росписаніе занятій?, но не будетъ-ли это отзывать контръ революціей, не будетъ ли это слишкомъ по старому, не озлобитъ ли это коммунистовъ? И такъ много говорятъ о томъ, что въ красной арміи тѣ же порядки, что и въ Царской, что офицеры много воли рукамъ даютъ, что солдаты забиты. Притомъ многаго не хватало.

Онъ проходилъ мимо грязной забитой лошади, смотрѣвшей на него большими прекрасными глазами. Она видимо видала иные дни. Рослая, широкостая съ тусклою вороною шерстью съ когда то короткимъ по рѣпицу стриженымъ, теперь неровно отросшимъ хвостомъ, она смотрѣла на Коржикова, выворачивая темные глаза до бѣлка. Коржиковъ невольно остановился. Онъ не зналъ и не понималъ лошади, но и онъ не могъ не замѣтить породистости кобылы.

— Это что за черная лошадь?, обратился онъ небрежно къ шедшему почтительно сзади него Голубю.

— Кобылица Леда... Это генерала Саблина лошадь.

— А..., сказалъ Коржиковъ и чуть было не добавилъ: — „въ расходъ"...

Лошадь смотрѣла на него и, показалось Коржикову, смотрѣла съ упрекомъ. Осталось, значитъ, кое что и отъ него. И онъ вспомнилъ про его дочь. Что же не присылаютъ изъ Москвы. Тогда, послѣ того требовалъ: — писали — тифомъ больна, послать нельзя. Потомъ Коржиковъ уѣзжалъ на всю весну, забылъ... Надо будетъ потребовать, коли жива... Теперь вотъ лошадь... и чего она смотритъ.

— Что она смотритъ? сказалъ Коржиковъ громко.

— Чего изволите, господинъ комиссаръ, — подскакивая къ нему, сказалъ Голубь.

— Ничего, — грубо сказалъ Коржиковъ и пошелъ отъ коновязи, пожимаясь плечами. „Лошадь Саблина", думалъ онъ... „Чортъ знаетъ что такое! Лошадь осталась! Не все ли одно и столъ остался и диванъ и портреты. Что же, что лошадь! А вотъ смотрѣла какъ!... Непріятно".

Коржиковъ пошелъ со двора. Когда онъ выходилъ его нагналъ красноармеецъ. Лицо его было блѣдное, глаза растерянно шмыгали по сторонамъ, просторный англійскій френчъ висѣлъ небрежно какъ на вѣшалкѣ.

— Товарищъ комиссаръ, — сказалъ красноармеецъ, нагоняя Коржикова, — позвольте доложить.

Они вышли на пустынную улицу. Здѣсь въ тѣни тянуло сыростью и сильнѣе пахло нечистотами. Красноармеецъ оглянулся кругомъ. Никого не было въ переулкѣ.

— Сегодня утромъ... На уборку, значитъ, мы собирались... Перeяровъ, красноармеецъ

призывной, безпартійный, при всѣхъ громко Царя сталъ поминать и прежніе порядки хвалить, Соблазнъ большой... Теперешнія дѣла хаилъ Сахару говорилъ, по шести кусковъ при Царѣ давали... Пастила четырехъ сортовъ... Вчерашнее происшествіе поминалъ. Говорилъ: — зря человѣка убили...

— Это который Переяровъ?, спросилъ останавливаясь Коржиковъ.

— Въ оркестрѣ товарища Буденнаго на кларнетѣ играетъ.

— А..., сказалъ Коржиковъ. — Я ему покажу!

Онъ повернулъ круто назадъ и, подойдя къ воротамъ, звонко, истерично крикнулъ: — „товарищъ командиръ, пошлите сегодня красноармейца Переярова въ чрезвычайку для опроса“...

Переяровъ уронилъ торбу съ рѣзаной соломой и опустилъ позеленѣвшее лицо на грудь. Кругомъ него всѣ красноармейцы притихли. Всѣ избѣгали на него смотрѣть. Переяровъ понялъ, что онъ обреченъ на смерть и слезы тихо побѣжали по его исхудалому, изможденному лицу.

XI

Троцкій смотрѣлъ на Марсовомъ полѣ войска Петроградскаго гарнизона. Онъ хотѣлъ выбрать части для отправленія на Крымскій фронтъ.

Погода была кислая. Темныя тучи обложили небо. Вѣтеръ дулъ сильными холодными порывами съ залива и пахло осенью, морскою водою и свѣжестью. Нева глухо шумѣла и сѣрыя волны бурлили и пѣнились у высокихъ каменныхъ устоевъ Троицкаго моста. Навѣшенная на памятникъ Суворова красная тряпка трепалась и была изодрана. Отъ шедшаго ночью дождя по Марсову полю были лужи и оно, грязное и истоптанное

людьми было красно-желтаго цвѣта. За Лебяжьею канавкой глухо, по осеннему шумѣли густыя липы и дубы Лѣтняго сада. Вѣтеръ рвалъ съ нихъ листья. Небольшая кучка любопытныхъ стояла у Инженернаго замка, ожидая прихода войскъ. Парадъ былъ назначенъ въ необычное время: — въ четыре часа дня, — военный комиссаръ утромъ былъ занятъ и ему некогда было заниматься парадомъ.

Народные комиссары любили парады, но стыдились показать эту любовь. И потому была какая то небрежность въ исполненіи всѣхъ церемоній парада.

Въ половина четвертаго дня по Садовой улицѣ раздались бодрые звуки стараго марша Русской гвардіи „подъ двуглавымъ орломъ“, показался мѣрно покачивавшійся рядъ пѣхотныхъ музыкантовъ, предшествуемый громаднымъ турецкимъ барабаномъ и за ними стройные ряды хорошо одѣтаго и отлично выправленнаго полка. Винтовки были подобраны и ровно лежали на плечѣ. На людяхъ была новая хорошо пригнанная аммуниція — это были — латышскіе стрѣлки. Командиръ полка, расшитый красными повязками и золотыми звѣздами ѣхалъ на небольшой, сытой, отлично вычищенной лошадкѣ. За нимъ ѣхалъ его адъютантъ и командиръ батальона. Полкъ шелъ, твердо отбивая ногу по неровной мостовой. Онъ, въ полномъ порядкѣ, перестроился во взводную колонну и сталъ выстраиваться на Марсовомъ полѣ у Екатерининскаго канала. Сухо, вѣско и отчетливо звучали команды на чужомъ для Русскаго уха языкѣ и солдаты выстраивались и выравнивались съ точностью автоматовъ.

Съ Мильонной улицы раздавалось дружное пѣніе молодыхъ голосовъ. Пѣли интернаціоналъ. Это шли красные курсанты. Отлично одѣтые, въ башмакахъ съ обмотками, въ большихъ блиномъ фуражкахъ не Русскаго, а какого то шофферскаго

интернаціональнаго фасона съ большою алою звѣздою на тульѣ, они бодро отбивали шагъ, выходя къ памятнику Суворова.

Вставай, проклятьемъ заклейменный.
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.
Весь міръ насилья мы разроемъ
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ. мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ!...

Весело и ярко звучала пѣсня. Батальонный командиръ, старый кадровый офицеръ ѣхалъ на бѣлой, косматой лошади и хмурилъ сѣдыя брови. Онъ хотѣлъ забыться и не могъ. Онъ хотѣлъ слышать другія пѣсни, онъ хотѣлъ не видѣть кровавыхъ звѣздъ позора на лбахъ прекрасной Русской молодежи. Молодые люди были блѣдны. Настоящаго боевого загара юности не было. Много лицъ было источено порокомъ, но пѣніе, звучавшая вдали, какъ красивый припѣвъ, музыка, бодрый шагъ въ ногу увлекали ихъ и они поднимали кверху головы и чувствовали себя героями. Они казались себѣ молодцами, способными завоевать міръ и стать „всѣмъ“....

За ними медленно подавался конный коммунистическій полкъ. Старая жилка строевого вахмистра помогла Голубю подобрать лошадей и скрыть изъяны сѣдельнаго убора. Непрерывною цѣлодневною руганью, а кое гдѣ и побоями онъ добился того, что лошади были вычищены, сѣдла скрыли ихъ худобу и только одного не могъ добиться Голубь это приличной посадки. Большинство сидѣло на короткихъ стременахъ, подражая казакамъ и стоило лошади зарысить, какъ они валились напередъ, болтая локтями.

Подъ сумрачнымъ небомъ на широкомъ полѣ выстраивались полки и оно покрывалось черными и сѣрыми квадратами. Строевые красноармейскіе

полки были одѣты пестро. Были роты, одѣтыя въ старые черные мундиры полковъ гвардіи съ золотыми гвардейскими пуговицами, замазанными красною краскою, были роты въ рубашкахъ, во френчахъ, были роты въ штатскихъ пиджакахъ съ рубашками безъ галстуха подъ ними и патронташами кое какъ обвязанными у кого на поясѣ, у кого черезъ плечо. Обувь была различная. Были части въ высокихъ Русскихъ сапогахъ, были части въ обмоткахъ и башмакахъ, были въ рваныхъ ботинкахъ, жалко утопавшихъ въ глинистой грязи. На лѣвомъ флангѣ грозно стояли ошарпанные танки, взятые у генерала Деникина, покрытые красными надписями гордыхъ лозунговъ и названій. Надъ стройными прямоугольниками колоннъ рѣяли большія красныя знамена, придавая параду какой то несерьезный видъ, Знаменъ было много и торчали они повсюду. Одни имѣли видъ громадныхъ хоругвей и висѣли на поперечныхъ палкахъ, другія были расперты на двухъ палкахъ и что то кричали своими жолтыми на красномъ полѣ буквами. Были знамена, сдѣланныя изъ тяжелаго шолка, были просто кумачевыя, бархатныя, плюшевыя, штофныя. Казалось, что ковры, портьеры, занавѣски, дамскія платья, едва ли не юбки пошли, какъ матерьялъ для хоругвей красной арміи.

Парадомъ командовалъ Пестрецовъ. Грузно сидя на большой лошади, чисто одѣтый въ англійскую аммуницію, съ большой похожей на пилотскую каской съ красной звѣздою на головѣ, онъ имѣлъ внушительный и важный видъ. Онъ объѣхалъ съ присутствовавшимъ на парадѣ генераломъ Самойловымъ ряды полковъ и остановился на правомъ флангѣ возлѣ латышскаго полка.

Мелкій дождь срывался съ неба и холодною капелью летѣлъ, гонимый порывами вѣтра. Латыши топтались сзади составленныхъ въ козлы ружей и перебранивались между собою. Сзади нихъ

какой то рабочій совѣтскій полкъ съ красноармейцами, одѣтыми въ пиджаки и въ опорки, съ посинѣвшими на вѣтру лицами совершенно разстроилъ ряды и начиналъ расходиться и офицеры и коммунисты бѣгали и сочно ругались, загоняя красноармейцевъ въ ряды.

На мосту у Лебяжьей канавки стояла группа лошадей, которыхъ держали хорошо одѣтые красноармейцы. Тамъ же былъ и Рахматовъ. Ожидали Троцкаго. Было уже пять часовъ, а онъ не ѣхалъ. Очевидно задержали на засѣданіи Цика, гдѣ онъ былъ съ двѣнадцати часовъ. Это никого не безпокоило, такъ какъ въ Совѣтской республикѣ аккуратность во времени тоже считалась буржуазнымъ предразсудкомъ.

XII.

Рахматовъ, стараясь обходитъ лужи и грязь, чтобы не запачкать щегольскихъ гусарскихъ лакированныхъ ботиковъ съ розетками на голенищѣ, подошелъ къ Пестрецову и поздоровался съ нимъ, отдавши честь Самойлову,

— А помните, Яковъ Петровичъ, сказалъ онъ, наши парады на этомъ самомъ полѣ? Вы тогда полкомъ командовали?

— Нѣтъ батальономъ, — хриплымъ простуженнымъ голосомъ сказалъ Пестрецовъ.

— Вонъ тамъ была трибуна, украшенная краснымъ кумачемъ съ бѣлыми подъ горностай подбоями и флагами трехъ цвѣтовъ. Тамъ вы и съ Ниной Николаевной познакомились?

—Она маленькой институточкой была,—сказалъ Пестрецовъ мечтательно улыбаясь.

— А какое солнце свѣтило тогда! Лѣтній садъ былъ еще черный съ малою прозеленью отъ набухающихъ почекъ и у лебяжьей канавки сочно зеленѣла трава и ярко цвѣли жолтые одуванчики.

Все поле было уставлено ровными, математически точными прямоугольниками пѣхоты. Красиво было . . .

Пестрецовъ молчалъ и подозрительно смотрѣлъ на Рахматова. — „Уже не провокація-ли", думалъ онъ. Но Рахматовъ говорилъ искренно.

— Не странно ли, Яковъ Петровичъ, — всего три года отдѣляетъ насъ отъ этого времени, а будто многіе, многіе вѣка прошли и совсѣмъ новая эра настала. А между тѣмъ, — вонъ посмотрите, на Волынскомъ полку еще тѣ же мундиры, а первая школа красныхъ юнкеровъ, — да отъ нея вашимъ роднымъ Павловскимъ училищемъ пахнетъ! Духъ старой Русской Императорской арміи витаетъ здѣсь.

— Я вижу этотъ духъ только въ тѣхъ славныхъ побѣдахъ, которыя сопутствуютъ всюду красной звѣздѣ, — пріосаниваясь и выпрямляясь въ сѣдлѣ сказалъ Пестрецовъ. — Красная армія, созданная товарищемъ Троцкимъ первая армія въ мірѣ.

Но Рахматовъ не понялъ его. Онъ отвѣтилъ безъ задней мысли.

— Единственная армія въ мірѣ, Яковъ Петровичъ, потому что Европа вступила на опасный путь разоруженія.

— А что вы скажете о польской арміи ?, сказалъ Самойловъ, проницательно глядя на Рахматова. Рахматовъ принялъ вызовъ.

— Польская армія, сказалъ онъ . . . Но ея побѣды — это побѣды красныхъ казаковъ Буденнаго, которые измѣнили намъ и перешли на сторону поляковъ. Это побѣда Русскихъ солдатъ и офицеровъ генерала Врангеля . . . А польская армія и французы тутъ не причемъ. Русскій солдатъ непобѣдимъ. Побѣждаетъ его только такой же Русскій солдатъ.

Пестрецовъ и Самойловъ молчали. Они думали и вспоминали тоже самое, что думалъ и вспо-

миналъ Рахматовъ. Марсово поле, уставленное войсками и гомонившее тысячами голосовъ имъ слишкомъ много напоминало и это многое было печальное и больное для нихъ.

— Вы помните, — неожиданно для всѣхъ и, главное, неожиданно для самого себя сказалъ Самойловъ, — какъ точенъ и пунктуаленъ былъ Государь. Ровно въ одинадцать! Минута въ минуту!...

Никто не отвѣтилъ. Пестрецовъ боязливо оглянулся и подозрительно покосился на уши своей лошади. Въ этомъ проклятомъ царствѣ доносовъ, казалось, и лошадь могла донести.

Всѣ трое тяжело молчали.

Къ нимъ подъѣхалъ растерянный полковой командиръ. На добродушномъ мужицкомъ лицѣ его была тревога.

— Ваше... Товарищъ генералъ, — сказалъ онъ, — N-скій полкъ отказывается дольше ждать... Люди въ конецъ промочили ноги. Многіе подметки потеряли. Говорятъ, это провокація одна, никакого Троцкаго не будетъ. Хотятъ уходить.

— Скажите, я латышей пошлю, черезъ десятаго въ расходъ!, — процѣдилъ Пестрецовъ.

— Да, кажется, ѣдетъ, сказалъ Самойловъ,

Рахматовъ побѣжалъ къ лошадямъ.

Тяжелый сѣрый броневикъ, съ выставленными пулеметами показался за Инженернымъ замкомъ, за нимъ ѣхалъ красный автомобиль. Въ автомобилѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ шинеляхъ и высокихъ каскахъ.

— Въ ружье!, крикнулъ Пестрецовъ и галопомъ поскакалъ на середину поля.

Поле всколыхнулось темными рядами. Красноармейцы стали разбирать ружья.

— Смир-р-на!, привычнымъ зычнымъ голосомъ забывая все командовалъ Пестрецовъ. Ему казалось, что старое Марсово поле слышитъ его, что сейчасъ проглянетъ яркое майское солнце и

онъ увидитъ ясное лицо Вѣнценосцаго Вождя Россійской Арміи.

— По полкамъ! Слушай! На кра-улъ! — командовалъ онъ въ счастливомъ восторгѣ. Старая, голодная Леда поджималась подъ нимъ. Въ ея лошадиной памяти вставали другія времена. Ей казалось, что на ней сидитъ не тяжелый мѣшковатый старикъ, а полный юнаго задора стройный Саблинъ, она напрягала свои больныя ноги, раздувая чуткія ноздри и готова была скакать, откинувъ хвостъ и выгнувъ спину, куда ей укажутъ.

Троцкій вылѣзалъ изъ автомобиля, протиралъ запорошенное дождемъ пенсне и неловко, неумѣло брался за путлище, доставая плохо сгибающейся ногой стремя сѣдла.

Офицеры свиты садились на лошадей.

XIII.

Троцкій объѣзжалъ полки. На его лицѣ было наглое самодовольство. Сбылось гораздо больше того, о чемъ онъ когда либо мечталъ. Остро и внимательно изъ за пенсне смотрѣли маленькіе глаза. Они видѣли стройные ряды людей, они видѣли молодыя лица юношей, видѣли поднятые на караулъ ружья и медленно склонявшіяся передъ нимъ алыя знамена, — но они не замѣчали что было хорошо и что плохо въ войскахъ. Онъ не видѣлъ обмотанныхъ тряпками, замазанными, грязью ногъ въ полкахъ рабочихъ, онъ не зналъ, гдѣ хорошо, гдѣ дурно пригнана одежда, у кого одѣтъ патронташъ, у кого таковаго не было. На блѣдномъ, одутловатомъ лицѣ съ небольшою бородкой было написано самодовольство и упоеніе властью и иногда въ глазахъ мелькалъ страхъ. Онъ боялся, что лошадь спотыкнется и упадетъ и потому сидѣлъ въ сѣдлѣ неувѣренно. Большая породистая темно гнѣдая лошадь шла вытянувъ

шею. Троцкій не могъ ее подобрать, шенкеля у него были слабые. Лошадь была на уздечкѣ и онъ держалъ поводья, всю силу управленія возлагая на нихъ. Поводья, оголовье, сѣдло были новыя, хорошія, взятыя съ чужой квартиры, но опытный кавалерійскій глазъ видѣлъ, что они чужія, что Троцкій на нихъ себя чувствуетъ нехорошо и неувѣренно, что лошадь для него чужая и что онъ не полководецъ и вождь, а просто проходимецъ и воръ, укравшій и лошадь и сѣдло и уздечку и недоумѣвающій, почему его не прогонятъ и не побьютъ.

Красноармейцы, курсанты, офицеры, даже коммунисты, смотрѣли на него со страхомъ. Блѣдныя лица поворачивались за нимъ и старые кадровые офицеры чувствовали, какъ морозъ отвращенія и страха пробѣгалъ по жиламъ при приближеніи этого всадника. Они знали, что кивка головы, недовольнаго взгляда было достаточно, чтобы схватили и уничтожили тутъ же на площади. Про смотры, кончавшіеся такими расправами, ходили легендарные разсказы. Страшное слово „контръ-революція“ висѣло въ воздухѣ и съ кровавыхъ знаменъ народные лозунги кричали о жестокой классовой борьбѣ и о смерти всѣмъ имъ, имѣвшимъ несчастіе имѣть когда либо собственность.

Ѣхалъ тотъ, кого многіе считали главной пружиной того, что дѣлается въ Россіи, ѣхалъ Троцкій, за побѣды и хорошее настроеніе частей даривщій офицерамъ золотые часы, бинокли и золотые портсигары съ надписями и вензелями прежнихъ владѣльцевъ и спокойно разжаловывавшій командировъ полковъ въ рядовые красноармейцы, безъ суда отправлявшій ихъ въ тюрьму и на тотъ свѣтъ.

Сзади него, навалившись большимъ животомъ на переднюю луку на прекрасной вороной лошади, круто подобравшейся на мундштукѣ ѣхалъ, опустивши шашку Пестрецовъ. Лицо его выража-

ло вниманіе и угодливость. Онъ нагибался впередъ, стараясь уловить, что скажетъ Троцкій и не пропустить ни одного его слова. Еще дальше ѣхала свита. Парадъ былъ въ мундирахъ, но Троцкій и чины его штаба были одѣты въ какія то плотныя англійскія, урсовыя пальто, штатскаго охотничьяго покроя. Большинство въ новыхъ, недавно введенныхъ уродливыхъ каскахъ съ большими красными звѣздами, всѣ безъ погонъ они производили тѣмъ не менѣе внушительное впечатлѣніе и въ связи съ тою кровью смертныхъ приговоровъ тысячъ людей, которою пахло отъ нихъ они казались войскамъ страшною толпою демоновъ.

Троцкій остановился посреди поля и началъ говорить рѣчь. Никто изъ двадцатитысячной массы собравшейся на полѣ не могъ слышать и разобрать ни одного слова изъ его рѣчи, вѣтеръ крутилъ его слова и холодный дождь струями бившій по лицу заставлялъ людей щуриться, но рѣчь настолько вошла въ обычаи новаго правительства, что безъ нея никогда и нигдѣ не могли обойдтись.

Окончивъ ее онъ продолжалъ объѣздъ.

Полежаевъ стоялъ передъ вторымъ эскадрономъ коннаго полка. Онъ съ ненавистью и отвращеніемъ смотрѣлъ на приближавшагося къ нему Троцкаго. Онъ оглянулся на своихъ людей. Лица красноармейцевъ, тупыя и голодныя, поблѣднѣли и страхъ былъ на нихъ. Ни тѣни восторга, любви, уваженія, ничего того, что подмѣчалъ Полежаевъ на лицахъ народа и солдатъ, когда проѣзжалъ мимо вѣнценосный вождь Русскаго народа — Божій помазанникъ. Полежаевъ вспомнилъ свой разговоръ съ Рахматовымъ о демонахъ и чувствовалъ, что бѣсовская сила держитъ его. Ему такъ хотѣлось бы броситься и изрубить въ котлеты это отвратительное надменное лицо, а онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на Троцкаго и не смѣлъ, не смѣлъ . . .

«О Господи! что же это за сила въ немъ», думалъ Полежаевъ. «Знаю, что и другіе, мнѣ подобные, пробовали и не могли, не удавалось. Не выходило».

Близко было блѣдное лицо, видна была рыжеватая торчащая впередъ бородка и маленькіе усы, видны мелкія капли дождя на усахъ и щекахъ, видно пенсне, на которое тяжело налегъ толстый бортъ высокой каски. Полежаевъ не видѣлъ глазъ Троцкаго. Троцкій не смотрѣлъ въ глаза своимъ красноармейцамъ, какъ всегда открыто, ясно и привѣтливо смотрѣлъ въ глаза каждому Государь. Троцкій смотрѣлъ мимо глазъ каждаго. Это проклятое глядѣніе мимо глазъ собесѣдника было во всей этой ужасной республикѣ, оно характеризовало республику...

Маленькою рысью, неловко трясясь и подпрыгивая въ сѣдлѣ проѣхалъ Троцкій къ серединѣ площади. Онъ не выскочилъ вихремъ, какъ вождь передъ свои войска, но прокрался какъ воръ, оглядываясь и боясь чего то и было во всемъ этомъ продвиженіи что то паршивое и гнусное.

Дождь усилился. На глинистой грязи полки устраивались для церемоніальнаго марша. Рѣзко грянулъ оркестръ латышскаго полка старый бодрый Царскій маршъ. Подъ этотъ маршъ, колыхаясь двуглавыми орлами, проходили мимо Императора полки его гвардіи. Отчетливо, утрированно отбивая ногу, но не давая той плавности хода и легкости, которой можно добиться только продолжительной муштрой и хорошей гимнастикой, шли мимо Троцкаго курсанты. Молодыя лица были повернуты на Троцкаго, блестящія подъ дождемъ красныя звѣзды сверкали. Курсанты шли короткимъ шагомъ, топоча ногами, какъ ходятъ молодые люди, играющіе въ солдатъ.

Пестрецовъ галопомъ, салютуя Троцкому заѣхалъ и остановился, почтительно наклонившись къ военному комиссару. Онъ хмурился. Онъ то, прослужившій почти сорокъ лѣтъ въ Императорской Ар-

міи видѣлъ, что вся эта красноармейская муштра не настоящая, онъ видѣлъ изломанныя поясницы, выставленные зады, согнутыя колѣни и морщился. «Такая выправка, такой шагъ, такая маршировка могутъ нравиться только жидамъ», думалъ онъ.

— Отлично идутъ? А?... Неправда ли, генералъ?, — кинулъ въ его сторону, чуть поворачивая лицо къ нему, Троцкій.

— Великолѣпно, товарищъ комиссаръ, — вытягиваясь сказалъ, салютуя шашкой, Пестрецовъ.

— Отлично, товарищи, визгливо крикнулъ курсантамъ Троцкій.

Батальонъ выждалъ лѣвой ноги и дружно, какъ въ былыя времени кричали: «рады стараться ваше императорское величество», прокричалъ, отчеканивая слоги:

— Служимъ народу и революціи!...

Полки шли за полками и эскадронъ Полежаева приближался къ мѣсту церемоніальнаго марша.

Полежаеву были видны то стройно идущіе ряды старыхъ Императорскихъ солдатъ, отчетливо отбивающихъ ногу, то черные ряды рабочихъ, не могущихъ поймать ногу, проходящихъ вразбродъ съ опущенными штыками и плоско лежащими ружьями и отовсюду слышалось это дружное и рѣзкое: «служимъ народу и революціи!».

Оно было непонятно Полежаеву.

«Если «служимъ народу», такъ отчего же такъ боимся этого народа? Отчего пріѣхалъ Троцкій, имѣя спереди и сзади себя броневыя машины съ пулеметами, готовыми стрѣлять въ толпу, отчего стоитъ онъ, окруженный видными чекистами, которые ни передъ чѣмъ не остановятся. Если «служимъ народу», отчего ненавидитъ ихъ этотъ самый народъ и красная армія вѣчно борется съ крестьянами и рабочими? Отчего не народомъ Русскимъ окружены Кремль и Смольный, а наемными латышами, китайцами и венгерцами? «Служимъ революціи» казалось еще болѣе дикимъ

и страннымъ. Что такое революція? Возмущеніе, бунтъ... Ну было возмущеніе и установился послѣ него этотъ дикій образъ правленія и первобытный образъ жизни, но если служить революціи — это значитъ служить новому возмущенію, которое должно свергнуть совѣтскую власть... Какая нелѣпость съ точки зрѣнія народныхъ комиссаровъ, а вотъ кричатъ же, восторженно кричатъ!».

Полежаеву казалось, что парадъ, подъ хмурымъ небомъ и на грязномъ полѣ, только тяжелый сонъ, что проснется онъ и, какъ призраки, разсѣются эти полки, четко отбивающіе ногу по жидкой растоптанной грязи и только будетъ въ ушахъ еще звучать бодрый пѣхотный маршъ Русской Императорской гвардіи.

Какъ во снѣ открылось передъ нимъ пустое пространство. Онъ увидалъ удаляющійся первый эскадронъ, за нимъ въ сѣрой дымкѣ тумана розовый домъ принца Ольденбургскаго и низко нависшія косматыя тучи. Онъ вынулъ шашку изъ ножонъ и скомандовалъ: — «маршъ» — эскадронъ тронулся и пошелъ за нимъ, приближаясь къ Троцкому.

На мгновеніе Полежаевъ забылся. Ему стало казаться, что онъ камеръ пажомъ ведетъ эскадронъ за собою, что сзади него нарядные солдаты съ розовыми румяными лицами. Онъ оглянулся. Голодныя лошади устало, вразбродъ. брели по грязи. Сѣрыя лица солдатъ хмуро глядѣли изъ подъ фуражекъ блиномъ, на которыхъ сверкали блестящія кровавыя звѣзды.

— Салютуйте! Салютуйте-же!, хриплымъ голосомъ крикнулъ ему Голубь. —

Полежаевъ машинально, деревяннымъ движеніемъ, поднялъ къ подбородку и опустилъ шашку. Онъ повернулъ голову. На фонѣ темный зелени Лѣтняго сада стояла группа всадниковъ. Сзади нея были двѣ броневыя машины. Изъ этой группы видѣлялся одинъ. Полежаевъ увидалъ большую

рыжую каску, какъ колпакъ лежащую на головѣ, и подъ нею маленькое лицо съ козлиной бородкой. Ему показалось, что онъ увидалъ демона, что каска прикрываетъ рога. Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу и Полежаевъ прошепталъ про себя:
— Господи прости! Прости и помилуй!

— Отлично! товарищи! — послышалось изъ свиты и сзади Полежаева красноармейцы отвѣтили: — «служимъ народу и революціи»!...

Полежаевъ проѣхалъ мимо Троцкаго и теперь видна стала кучка народа у берега канавы и по шоссе и деревья Лѣтняго сада.

У выхода съ Мильонной улицы на Дворцовую площадь батальонъ курсантовъ перегородилъ дорогу кавалерійскому полку и Полежаевъ остановился. Курсанты шли съ пѣснями. Въ одной ротѣ звонкій теноръ лихо заводилъ:

Нашъ могучій Импера-аторъ
Память вѣчная ему-у!...

И хоръ дружно подхватывалъ:

Самъ ружьемъ солда-атскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ...

Эта рота удалялась и голоса ея хора заглушали и покрывали звуки торжественнаго интернаціонала, который не пѣла, а ревѣла вся слѣдующая рота: —

Никто не дастъ намъ избавле-енья —
Ни Богъ, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожде-енья
Своей лишь собственной рукой!.....

Эта рота прошла, а слѣдующая дружно пѣла старинный, болѣе двухсотъ лѣтъ существующій въ Россіи Петровскій маршъ:

Русскаго Царя солдаты
Рады жертвовать собой,
Не изъ денегъ, не изъ платы,
Но за честь страны Родной!...,

„Какой сумбуръ, какой ералашъ теперь въ Россіи“ думалъ Полежаевъ. — „Разберись, что происходитъ въ умахъ этой молодежи“.

Сзади пѣвшей роты раздались свистки и громкіе крики: —

— Довольно! Къ чорту!... Къ......, непечатная ругань повисла надъ ротой.

— Пой похабную?.... Поха-абную!, — кричалъ кто то зычнымъ неистовымъ властнымъ голосомъ.

И хоръ грянулъ пѣсню про то, какъ принимали сваху.... Тоже не новую пѣсню, а старую, созданную изъ циничныхъ созвучій. Новыхъ пѣсенъ не было. Новыя были только частушки, а подъ нихъ нехорошо было ходить... Полкъ Полежаева тронулъ впередъ. Впереди перваго эскадрона игралъ „оркестръ генерала Буденнаго“ — двѣ гармошки. Кларнета не было. Кларнетъ полторы недѣли тому назадъ за контръ-революцію былъ „выведенъ въ расходъ“.

XIV

Былъ хмурый ноябрьскій вечеръ. За окномъ бушевала непогода. Нева выла и шумѣла подъ порывами западнаго вѣтра и гнѣвно плескалась о каменныя перила набережной. Дождь крупными каплями ударялъ въ стекла. Въ печахъ звенѣли вьюшки. Въ холодной нетопленой гостиной квартиры Полежаева было сыро и темно. Электричества не отпускали, дрова надо было беречь до настоящей зимы.

Полежаевъ сидѣлъ за прекраснымъ роялемъ и игралъ на память, стараясь забыться. Онъ прочелъ въ совѣтскихъ извѣстіяхъ о занятіи красными войсками Крыма, о „бѣгствѣ“ генерала Врангеля „съ капиталистами, попами, помѣщиками и бѣлогвардейцами“. Извѣстія были краткія, но ликующія. Газеты превозносили товарища Фрунзе,

но Полежаевъ зналъ, что Фрунзе тутъ былъ не причемъ. Онъ зналъ.....

Самъ Богъ былъ противъ нихъ. Богъ прогнѣвался на Русскій народъ и не хотѣлъ ни его спасенія ни избавленія. Слова Рахматова сбывались. Графъ де Мартелль былъ у Врангеля и дьявольское масонское колдовство совершилось. Пропала послѣдняя надежда и безцѣльной и ненужной казалась шестимѣсячная мучительная работа въ красной арміи и шестимѣсячный ежечасный рискъ своею жизнью. Что толка въ его развѣдкѣ, въ его знаніяхъ, когда никого не осталось, кому бы можно было передать свои знанія. Полежаевъ зналъ, что всѣ фонари на Севастопольской набережной были увѣшаны трупами повѣшенныхъ офицеровъ и рабочихъ, которые не успѣли уѣхать. Онъ зналъ, что Крымъ былъ отданъ Красной арміи и онъ понималъ все значеніе этихъ словъ. Тоска за Олю, за Павлика, за Ермолова томила его. Отчего онъ не съ ними? Живы-ли они? Полъ года онъ служитъ подъ красными знаменами, полъ года странствуетъ по совѣтской республикѣ и ни разу и нигдѣ не наткнулся на слѣды Тани Саблиной. Вѣроятно она погибла. Хорошо, если просто умерла, а если......

Страданія Полежаева были непередаваемы. Онъ часто хотѣлъ покончить съ собой. Спасеніе казалось немыслимымъ, Россія погибшей безвозвратно, обреченной на варварское состояніе рабовъ. Все гибло и разрушалось на его глазахъ. Та конница, которою такъ гордился Троцкій и которая весною должна была перебросить пламя пожара революціи въ Западную Европу гибла отъ безкормицы и плохого ухода. Не проходило дня, чтобы изъ эскадрона не вытаскивали конскаго трупа и голодныя собаки стаями дежурили у воротъ казармы. Развратъ и дурныя болѣзни дошли до крайнихъ предѣловъ въ полку. Вши появились въ эскадронѣ и, не смотря на всѣ принятыя мѣры,

размножались со страшною быстротою. Города гибли и Петербургъ становился все безлюднѣе и глуше. Жутко было ходить по улицамъ.

Молитва и музыка утишали душевную боль Полежаева. За роялемъ въ холодной гостиной, на память игралъ Полежаевъ цѣлыя оперы и оперетки, пѣлъ старыя пѣсни, фантазировалъ, окружилъ себя призраками прошлаго. Онъ часто читалъ въ газетахъ и слышалъ въ рѣчахъ истеричные выкрики: — „къ прошлому возврата нѣтъ," — онъ мечталъ объ этомъ прошломъ и къ этому прошлому онъ стремился.

Въ комнатѣ было темно. Но глазъ привыкъ къ темнотѣ и Полежаевъ различалъ диваны, стулья и кресла и окна безъ занавѣсей, за которыми въ темнотѣ ночи гнѣвно плескалась Нева.

Онъ игралъ и пѣлъ, и забылъ который часъ и не видѣлъ, какъ вечеръ смѣнился ночью и сталъ стихать порывистый вѣтеръ.

Дверь гостиной, какъ и всѣ двери квартиры бывшая безъ замка, отворилась и темная тѣнь высокаго человѣка скользнула въ гостиную и внесла съ собою запахъ лайковой кожи, дождя и воды и холодъ ненастной осенней ночи.

Полежаевъ пересталъ играть и вглядѣлся въ вошедшаго. Вошедшій самъ назвалъ себя.

— Осетровъ, сказалъ онъ. – Простите, что безъ зова. Сидѣлъ я у коммунистовъ надъ вами. Слушалъ, какъ вы играете. Томитъ меня тоска смертельно. Послушать пришелъ. Простите. Играйте что нибудь.

Полежаевъ сталъ играть на память ноктюрнъ. Осетровъ сѣлъ на кресло въ углу у хвоста рояля и темнота скрыла его. Полежаевъ совсѣмъ забылъ, что у него сидитъ гость. Онъ вздрогнулъ, когда услышалъ изъ угла тихій, непривычно мягкій голосъ Осетрова.

— Спойте, товарищъ, сказалъ Осетровъ, — ту пѣсню, что тогда у Коржикова пѣли. Вотъ про

разбойника,-то, который спокаялся и въ монастырь пошелъ.

Полежаевъ послушно заигралъ и запѣлъ въ полголоса:

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвѣстимъ,
Такъ въ Соловкахъ намъ разсказывалъ
Инокъ честной Никодимъ.
Жило двѣнадцать разбойниковъ.
Жилъ Кудеяръ атаманъ.
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ . . .

— Что, товарищъ, это правда, или такъ, — сказка одна, — сказалъ Осетровъ, едва Полежаевъ кончилъ пѣть.

— Народъ эту пѣсню сложилъ, — сказалъ Полежаевъ.

— Я думаю, правда . . . Ахъ, товарищъ, вѣдь если бы не правда — жить нельзя . . . Томитъ меня тоска смертельная . . . Ночью покоя нигдѣ не нахожу. Призраки меня преслѣдуютъ . . . Да . . . было дѣло такъ. Незадолго до революціи познакомилъ меня Кнопъ, офицеръ одинъ, еврей . . . Онъ солдатами убитъ. При Керенскомъ еще, когда офицеровъ избивали солдаты. Да. Познакомилъ меня съ женою моего полкового командира . . . Ну и влюбился же я въ нее безъ ума . . . Натѣшился въ волю. Она и пикнуть не посмѣла. Я и чекистъ теперешній, Гайдукъ, ею владѣли . . . Ну, только, пріѣхалъ генералъ Саблинъ и запряталъ ее нивѣсть куда. Сказываютъ — въ Финляндію. Въ прошломъ году, значитъ, Саблина замучили и разстрѣляли и лишилась, значитъ, она поддержки. Мужа ее еще раньше солдаты такъ, задарма убили. Тоже въ первую революцію, при Керенскомъ. А были у ней, значитъ, вещи, квартирная обстановка, на складѣ. Зналъ я про это. И вотъ сговорился я со Шлоссбергомъ и отдали мы приказъ отъ Вечека, чтобы, значитъ, если кто за

этими вещами придетъ, чтобы арестовать и намъ предоставить. Въ мартѣ этого года пріѣхала. Голодная, безъ денегъ, изъ Финляндіи, значитъ, прогнали. Дѣвочка съ нею, восьми лѣтъ, ничего нѣтъ. Одежонка плохая. Значитъ уже все продала, ничего у ней не осталось. Предоставили ее въ Вечека. Сговорились мы со Шлоссбергомъ, чтобы для допроса доставить къ Коржикову, ну и я тамъ былъ. Узнала она меня. А все такая же, прекрасная, бѣлая. Старая любовь то, значитъ, какъ говорится, не ржавѣетъ. Затрепеталъ я весь. Заперлись мы значитъ вчетверомъ. Коржиковъ, я, она и дѣвочка. Я притворился будто покаялся. Ну, только, она чувствуетъ, ничего не ѣстъ, а дѣвочку удержать не можетъ. Голодная, а такъ чистенькая, розовенькая, видно себѣ отказывала, а дѣвчонку кормила ... Мать! Коржиковъ смѣется надъ ней. Дѣвочкѣ конфеты суетъ и слова нехорошія заставляетъ повторять. Хулу на Бога и Богородицу говоритъ. Дѣвочка кричитъ на него; — „не смѣй, дядя, не смѣй это дѣлать. Нельзя про Боженьку такъ говорить“. Она мечется по комнатѣ, какъ разъяренная тигрица въ клѣткѣ. Плачетъ, руки ломаетъ. Молчитъ. Намъ это тогда очень все забавно казалось. Коржиковъ дѣвочку раздѣлъ, значитъ, повалилъ на диванъ, насиловать хочетъ. Она на него кинулась. Коржиковъ мнѣ говоритъ: — „подержите, товарищъ, пусть посмотритъ, она лучше тогда, страстнѣе будетъ, больше чувства вамъ дастъ“. Я схватилъ ее. Насилу справился. Сильная такая стала. Дѣвочка плачетъ, хрипитъ... Ну послѣ я на нее навалился. Только чувствую, холодная она. Гляжу — умерла ... И вотъ съ той поры, товарищъ, нѣтъ у меня покоя. Все она мнѣ мерещится. Вчора вошелъ я въ комнату ... Днемъ ... А она сидитъ въ креслѣ, простоволосая, волосы по спинѣ распущены, каштановые. Посмотрѣла такъ на меня и одними губами говоритъ: — „отдай дѣвочку! отдай Валю!“... и исчезла ...

И вотъ, товарищъ, сталъ я бояться... Спойте еще разъ эту пѣсню.

Полежаевъ заигралъ и запѣлъ еще тише, чѣмъ пѣлъ прежде.

Много добра понаграбили,
Много убили въ лѣсу,
Самъ Кудеяръ изъ подъ Кіева
Вывезъ дѣвицу красу.
Днемъ съ полюбовницей тѣшился
Ночью набѣги творилъ,
Вдругъ у разбойника лютаго
Совѣсть Господь пробудилъ...

— А есть это, знаете, — сказалъ Осетровъ задумчиво и помолчалъ... — Совѣсть, или вотъ это самое... Богъ-то... Я не вѣрилъ, а только. — Ну да вотъ разскажу, — судите сами. Помните приказъ такой вышелъ отъ народныхъ комиссаровъ, чтобы, значитъ, Александро-Невскую лавру ликвидировать. Имущество въ народную казну, а помѣщенія для красноармейцевъ забрать и въ соборѣ хотѣли, значитъ, театръ устроить. Пріѣхалъ и я туда съ матросами. Все такой бравый народъ. Орлы революціи. Забрали мы тамъ попика. Уже очень онъ народъ противъ насъ возбуждалъ. И такъ ничего особеннаго не было въ немъ. Простой такой, небольшого роста, сѣдоватый, бородка чуть раздвоенная вотъ, какъ Христа рисуютъ. Отецъ Василій его звать. Посадили его матросы въ автомобиль, а онъ, спокойный такой будто даже счастливъ чѣмъ. А чему радоваться? — на разстрѣлъ его везли. Тогда мы на Смоленскомъ полѣ больше разстрѣливали. Ему матросъ и говоритъ: — „батя, а ты знаешь куда и зачѣмъ тебя везутъ?“ — А онъ говоритъ: — „этого ни вы, ни я не знаете. Одинъ Господь Богъ это знаетъ“. Матросы захохотали весело такъ. — „Ишь“, говорятъ, „батя, — притворяется, разстрѣляемъ тебя и вся твоя недолга“. — А онъ опять свое: — „это, говоритъ, какъ Богъ укажетъ,

а безъ Его святой воли ни одинъ волосъ съ головы моей не упадетъ". И такъ, знаете, это твердо, сильно выговорилъ, что мы даже примолкли. И только отъѣхали — шина лопнула. — „Ничего", говорятъ матросы — „катай безъ шины". Ѣдемъ дальше. Трясетъ машину, кидаетъ. На Невскомъ у Думы вторая шина лопается. А автомобиль, надо вамъ сказать, новый былъ, недавно изъ царскаго гаража взятый. Постояли, походили, покрутили головами. Шофферъ говоритъ: „я за запасной шиной духомъ слетаю, тутъ недалече въ Михайловскій манежъ". — Матросы говорятъ — „не надо, валяй такъ". Не доѣхали, мы и до Мойки — лопается третья шина. Да, понимаете, — исторія. И вдругъ стало намъ всѣмъ очень страшно. Ну, какъ это отъ Бога? праведника веземъ. Одинъ матросъ среди насъ былъ, угрюмый такой дядя. Онъ собственноручно тридцать офицеровъ живьемъ потопилъ. Ядра къ ногамъ привязывалъ и въ воду бросалъ. Вотъ и говоритъ онъ — „ну, отецъ Василій, коли еще шина лопнетъ, или что случится, при на всѣ четыре стороны и я въ монастырь пойду, грѣхи замаливать стану"...

Поѣхали дальше. И, вѣрите ли, у Александровскаго сада, четвертая шина лопнула и магнето испортилось. Никуда машина стала. Вышли мы. Матросъ тотъ священника высаживаетъ. Шапку снялъ всенародно. „Благословите, батюшка", говоритъ. Руку ему поцѣловалъ и за нимъ всѣ матросы одинъ за однимъ подъ благословеніе подошли... Ну и я тоже. — „Идите, батюшка", — говорятъ, „простите насъ Христа рада". — „Богъ проститъ" — сказалъ отецъ Василій и пошелъ по Гороховой назадъ. — Вотъ какая исторія была. Мнѣ бы тогда образумиться, а то вотъ до чего дошелъ...

Осетровъ замолчалъ. Въ гостиной было тихо. За окномъ шумѣла Нева и грозно плескали волны и точно плакали, разливаясь о гранитныя перила.

XV.

— Вы меня простите, товарищъ, — тихо сказалъ Осетровъ, что такъ васъ утруждаю, а только моя къ вамъ просьба, спойте еще разъ. Мысли эта пѣсня во мнѣ освѣжаетъ.

Бросилъ своихъ онъ товарищей,
Бросилъ набѣги творить.
Самъ Кудеяръ въ монастырь пошелъ
Богу и людямъ служить.
Господу Богу помолимся
Древнюю былъ возвѣстимъ
Такъ въ Соловкахъ намъ разсказывалъ
Самъ Кудеяръ — Никодимъ...

Мягко звучала пѣсня, обрываясь тихими умиротворяющими аккордами. И послѣ, долго оба молчали. Прошло не мало минутъ. Глухо билась за окномъ плѣненная Нева и дождикъ падалъ на стекла.

— Приказалъ Ленинъ, — тихо заговорилъ Осетровъ, всталъ съ кресла, подошелъ къ Полежаеву и сталъ облокотившись на рояль. — Приказалъ Ленинъ въ Москвѣ, чтобы Иверскую снять, а икону Николая Чудотворца, что надъ воротами висѣла краснымъ кумачемъ завѣсить. 1-е мая тогда мы первый разъ подъ совѣтскою властью праздновали. Сдѣлали мы это все, согласно съ приказомъ. Занавѣсили ликъ угодника Божія съ ночи и ушли. Только утромъ, иду я съ нарядомъ красноармейцевъ и вижу: народъ толпится у воротъ и то тутъ, то тамъ вспыхнетъ пѣніе; „святителю отче Николае, моли Бога о насъ!“ Разгорѣлся я весь. „Ахъ“, думаю, „опять эти попы что либо устроили. Пакость какую либо, чтобы народъ смущать“. Кинулся туда. Гляжу — ликъ угодника ясно глядитъ, а кругомъ красная матерія въ клочья разодрана. — „Ахъ, ты“, думаю. — „Какой негодяй это сдѣлалъ!“ Достали мы снова лѣстницу, затянули кумачемъ, стали народъ раз-

гонять. А люди и говорятъ намъ: — „не безпокойтесь, товарищи, ангелы съ него вашу бѣсовскую тряпку снимутъ таки". Я остался. Пока съ народомъ говорилъ и на образъ не смотрѣлъ — ничего же не можетъ тамъ случиться. Только слышу: — „ вотъ онъ, батюшка нашъ заступникъ!" и опять, значитъ, запѣли: „святителю отче Николае". — Я глянулъ: — въ лохмотьяхъ — алая тряпка, а ликъ глядитъ на народъ. Доложили Ленину. Обругалъ насъ. „Вѣтеръ", говоритъ „о зубцы иконы разорвалъ кумачъ. Содрать ее совсѣмъ къ чортовой матери"... Вѣтеръ... много чего тогда было заворочено кумачемъ, да не содралъ вѣтеръ, а это вишь ты, — вѣтеръ. И никто не исполнилъ приказа Ленина, не снялъ иконы... Такъ вотъ, товарищъ, ежели все это есть, такъ значитъ и покаяніе есть.

Осетровъ замолчалъ. Молчалъ и Полежаевъ. Въ залѣ было сыро, холодно и тихо, какъ въ могилѣ. Треснулъ паркетъ и оба вздрогнули.

— А, если есть покаяніе, сказалъ Осетровъ, — есть и прощеніе.

Осетровъ чиркнулъ спичку и посмотрѣлъ на свои золотые съ бриліантовымъ двуглавымъ орломъ часы.

— Который часъ? спросилъ Полежаевъ.

— Шестого пять минутъ... Товарищъ, хотите, пойдемте въ церьковку одну. Богу помолимся. Никто теперь не увидитъ, Если встрѣтимъ кого, скажемъ, что изъ чечека возвращаемся, съ работы.

— Пойдемте, сказалъ Полежаевъ.

— Только дайте, товарищъ, мнѣ вашу шинель, а то въ кожаномъ платьѣ какъ то неловко идти въ святой храмъ.

Они вышли. На набережной было пустынно. Вѣтеръ стихъ, но взволнованная Нева еще плескалась о гранитъ и пѣной разсыпались волны о темные устои мостовъ. Нигдѣ не было ни души. Моро-

зило и улицы и троттуары были покрыты толстою ледяною корою. Идти было скользко. Осетровъ взялъ подъ руку Полежаева и повелъ его.

— Такъ легче идти, товарищъ, — сказалъ онъ.

Они вышли на Гороховую улицу и, когда пересѣкли Садовую, все чаще и чаще стали они обгонять одинокихъ пѣшеходовъ, шедшихъ въ одномъ съ ними направленіи. Шли старики и старухи, шла молодежь, гимназисты въ сѣрыхъ пальто, нѣсколько красноармейцевъ кралось вдоль стѣнъ и будто стыдились въ эти ночные предъутренніе часы своихъ короткихъ англійскихъ шинелей и красныхъ звѣздъ на фуражкахъ. Всѣ шли на дребезжащій медленный, робкій, но увѣренный, одинокій звонъ небольшого колокола. Онъ сталъ слышенъ едва только они вышли на Загородный проспектъ и звалъ ихъ на Звенигородскую. Въ линіи темныхъ домовъ съ темными пустыми окнами выдѣлилось жолтыми пятнами четыре большихъ окна второго этажа и жолтое освѣщенное пятно широкаго подъѣзда. Въ подъѣздѣ, у большой иконы Сергія Радонежскаго, горѣли сотни тонкихъ свѣчекъ. Яркіе огни неподвижно стояли и видны были колѣнопреклоненныя фигуры людей, подходили новые люди и ставили свѣчи у громаднаго бѣлаго паникадила.

Народъ поднимался по лѣстницѣ во второй этажъ. Тамъ былъ небольшой храмъ. Служба еще не начиналась, но церьковь уже была полна. Слышались тихіе шаги, осторожный шопотъ, вздохи, плачъ. Женщина въ черномъ, худая, болѣзненная, стояла на колѣняхъ у иконы Божіей Матери и устремила громадные сѣросиніе глаза на образъ. Крупныя слезы накоплялись въ нихъ, застилали, отражали десятки жолтыхъ огоньковъ, потомъ падали на щеку и медленно текли по синевато бѣлымъ больнымъ щекамъ и падали на потертую плюшевую шубку.

— Вдова одна, — прошептала женщина, кивая на нее и обращаясь къ подошедшему къ ней старику въ старомъ, но хорошемъ пальто. — Съ одной квартиры мы. Вчера ночью мужа ея, офицера, взяли. Кто то донесъ, что онъ офицеръ. Нашли приказы Деникина. Разстрѣляли. Она просила хотя тѣло выдать. При ней на куски разрубили, звѣрей кормить отправили. Теперь молится... Мальчонка у ней махонькій остался. А вещей только вотъ шубка, да и та потертая.

— А Февралевы здѣсь?, спросилъ старикъ.

— Здѣсь, за плащаницей стоятъ. Какъ ее Богъ носитъ, удивляться надо. Говорила съ ней, такъ и голоса уже нѣтъ. Экое горе! дочь ушла отъ нихъ, въ содержанки къ комиссару поступила. А ее ли не воспитывали? Господи! Музыкантша была, въ концертахъ играла?

— А Синицынымъ дѣтей не вернули?

— Нѣтъ еще. Сегодня пойдетъ къ самой Коллонтай. На колѣняхъ, говоритъ, умолять буду. Вѣдь все таки женщина она, ужели моего горя не пойметъ.

— Отсюда въ очередь?

— Да, сказывали, по полъ селедки сегодня выдавать будутъ на паекъ. Вчера хлѣба такъ и не добились, безъ ужина и спать легли.

— У насъ Митя жолудей въ Лѣсномъ набралъ, такъ мы варили, все будто кофей.

Горе и голодъ толпились здѣсь. Куда ни глядѣли Осетровъ и Полежаевъ всюду видны были блѣдныя лица, склоненныя внизъ головы, слезы, красныя вѣки глазъ, отовсюду слышались стоны и плачъ.

И вдругъ все стихло. Изъ за алтаря раздался чуть слышный голосъ священника. „Аминь“... поспѣшно отвѣтилъ чтецъ на клиросѣ и началъ читать псалтирь. Проскомидія начиналась.

Полежаевъ слушалъ отрывочныя фразы того, что читалось на клиросѣ, смотрѣлъ на толпу лю-

дей, наполнившую церковь и новыя мысли неслись у него въ головѣ. Въ полутьмѣ храма, озареннаго только свѣчами, теплящимися у иконъ и лампадками, въ темнотѣ глубокой зимней ночи ему казалось, что онъ отошелъ въ святыя времена древности, что это не съ ранняго дѣтства знакомый храмъ монастырскаго подворья на Знаменской, куда ребенкомъ ходилъ онъ съ матерью, братомъ Павликомъ и сестрою Олею и куда попалъ теперь при этихъ страшныхъ ужасныхъ обстоятельствахъ, а древнія катакомбы временъ христіанскихъ мучениковъ. Каждое слово молитвы, псалма, каждый возгласъ священника изъ темнаго алтаря пріобрѣталъ новое, глубокое значеніе, котораго раньше онъ не замѣчалъ.

Полежаевъ былъ сытъ, но онъ понималъ голодныхъ, потому что голодалъ не разъ. Онъ понималъ горе, потому что его личное горе, его забота, его муки совѣсти не имѣли предѣла. Нравственная пытка служить подъ красными знаменами и быть правовѣрнымъ коммунистомъ была сильнѣе всѣхъ пытокъ тѣла и даже ужаса смерти въ полутемномъ гаражѣ.

Молитва древности облегчала ее. Она давала надежду на спасеніе.

— Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, — читалъ чтецъ, — и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ . . .

Все это такъ отвѣчало мыслямъ и настроенію Полежаева и Осетрова.

— Окропиши мя ѵссопомъ и паче снѣга убѣлюся. Слуху моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя . . . Сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей . . .

— О, Господи, думалъ Полежаевъ, но когда же, когда же это будетъ!!

.... «Плещма Своими осѣнитъ тя»... «Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни... Падетъ отъ страны твоея тысяща и тма одесную тебе, къ тебѣ же не приближится... На рукахъ возмутъ тя, да не преткнеши о каменъ ногу твою: на аспида и василиска наступиши и поперепи льва и змія».

Надеждой и, вѣрой въ побѣду и спасеніе звучали эти смѣлыя слова и, Полежаеву казалось уже не столь страшнымъ и безвыходнымъ положеніе Россіи.

Кругомъ вздыхали и шептали слова молитвъ люди и никогда, никогда такой горячей молитвы не знала эта маленькая церьковь. Этимъ людямъ осталась только молитва. У нихъ новое рабоче-крестьянское правительство отняло все: отняло собственность, право на трудъ, свободу, честь, право любить, — имъ пока осталась молитва и молиться приходилось украдкой, раннимъ утромъ, когда послѣ кровавой бани спитъ наглое «вечека», когда палачи потягиваются на краденныхъ постеляхъ. И они молились и искали помощи у Бога.

«Господи помилуй, Господи помилуй»... сорокъ разъ повторялъ чтецъ и не было это скучно и непонятно, но и сто разъ повтори онъ эти два слова и послушно шептали бы за нимъ уста этихъ людей: — Господи помилуй! Ничего не оставалось больше!!...

Началась литургія. На правомъ клиросѣ пѣлъ небольшой, хорошо спѣвшійся хоръ. Тутъ были пѣвцы и пѣвицы изъ оперы, здѣсь на клиросѣ бѣдной церкви забывавшіе позоръ вечерняго служенія царствующему жиду, хаму и спекулянту, здѣсь пѣли гимназисты и гимназистки, бросившіе учиться, потому что увидали безплодность совѣтской науки...

Мягко начали пѣть «Единородный Сыне и Слове Божій», но когда дошли до конца, страстнымъ воплемъ по всей церкви раздалось — «спаси насъ! спаси насъ, спаси насъ!».

Вся церковь рухнула на колѣни. Въ полутьмѣ видны были плачущія лица, сгибались поясницы и люди падали лбами на землю — «Спаси насъ, спаси насъ»!, повторяли они...

— Пойдемъ, — прошепталъ Осетровъ Полежаеву, — я не могу больше!

И, когда спустились они внизъ по лѣстницѣ, переполненной молящимися, и когда проходили мимо образа внизу, сверху неслось трогательное, точно порхающее: — «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!»...

Чуть свѣтало. Мутно рисовались на противоположной сторонѣ низкія постройки казармъ Егерскаго полка. Наступалъ блѣдный холодный день. Небо зеленѣло на востокѣ. Полежаевъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что по лицу Осетрова текли слезы. «Хорошъ коммунистъ», подумалъ онъ. — «И Ленинъ смѣетъ говорить, что религія опіумъ для народа».

Они обогнали странную группу. Женщина везла на ручныхъ санкахъ полуобнаженный трупъ. Сзади бѣжала дѣвочка пяти лѣтъ. Санки скрипѣли по замершимъ камнямъ и ѣхали неровно толчками. Трупъ былъ привязанъ сахарными веревками къ нимъ и ноги въ какихъ то обмоткахъ волочились по мостовой. Лицо покойника было исхудалое и зеленовато бѣлое и та, которая везла его имѣла такое же зеленовато бѣлое лицо. Она часто останавливалась. Ей не подъ силу было везти покойника.

— Позвольте, сударыня, я вамъ помогу, — сказалъ, подходя къ ней, Осетровъ.

Женщина дикими озлобленными глазами посмотрѣла на Осетрова. Ея взглядъ скользнулъ на его алую звѣзду и она нервно воскликнула: —

— «Отойди отъ меня, сатана!» — и съ усиліемъ потащила санки.

Осетровъ вздохнулъ, опустилъ голову и быстро пошелъ впередъ.

XVI.

Дома Полежаевъ нашелъ записку отъ Коржикова.

«Товарищъ», писалъ ему Коржиковъ. — «Сегодня въ семь у меня соберется кое кто изъ нашихъ пообѣдать. Товарищъ Воротниковъ привезъ намъ съ Дона осетра. Сокрушимъ его. Приходите. Съ коммунистическимъ привѣтомъ Викторъ Коржиковъ».

Всѣ эти дни Коржиковъ былъ, какъ бѣшеный. Въ немъ шла какая то внутренная душевная работа, онъ испытывалъ непонятную сердечную тоску и заливалъ ее виномъ, кокаиномъ, развратомъ и кровью. Таню Саблину ему доставили, но доставившій ее на Гороховую чекистъ написалъ Коржикову, что дѣвица такова, что мараться не стоитъ. Худая, желтая, похожа на смерть. Коржиковъ отвѣтилъ короткою запискою: — «въ расходъ» и не поѣхалъ смотрѣть свою единокровную сестру.

Ему все надоѣло. Онъ все испыталъ, все перепробовалъ и во всемъ разочаровался. Хотѣлось чего то особеннаго. А особеннаго онъ ничего не находилъ. Онъ всенародно надругался надъ мощами: — совѣсть не томила его, онъ танцовалъ и творилъ непотребства въ церкви: — и испытывалъ только скуку. Все время передъ нимъ стояло блѣдное лицо Саблина и его смущало то, что слезы текли по нему, а стона онъ не издалъ и пощады не попросилъ. «И вотъ», думалъ онъ, — «такой же Полежаевъ. У нихъ есть сила большая чѣмъ у насъ. А почему не сопротивляются? Не пришло, что-ли время? А если придетъ?» Страхъ охватывалъ Коржикова. «Коммунистъ ли Полежаевъ? Чортъ его

знаетъ! Онъ дѣлаетъ такія дѣла и такъ разумно ведетъ свой эскадронъ, и смерти не боится, что отъ него всѣ въ восторгѣ. Его бумаги и письма провѣрены, нигдѣ онъ не бываетъ, дружитъ . . . Ни съ кѣмъ не дружитъ. Рахматовъ и Осетровъ отъ него безъ ума. Самъ Гайдукъ какъ то сказалъ: — «съ такимъ характеромъ, умомъ и волею, какъ у товарища Полежаева ему чекистомъ быть, а не въ красномъ полку сгнивать. То, что мы дѣлаемъ подъ кокаиномъ, онъ, если нужно, сдѣлаетъ въ полномъ владѣніи собой».

— А вотъ не дѣлаетъ же, — сказалъ нервно Коржиковъ.

— Значитъ находитъ это пока не нужнымъ, — сказалъ Гайдукъ. — Онъ бережетъ себя. Мы себя всѣ израсходуемъ, а онъ останется.

— Я заставлю его дѣлать!, прошипѣлъ Коржиковъ . . .

Полежаевъ все это зналъ. Онъ зналъ, что у Коржикова съ нимъ коса нашла на камень и чувствовалъ, что гроза нависаетъ надъ нимъ. Отъ него потребуютъ какую либо страшную гнусность и, когда онъ откажется дѣлать, его предадутъ въ чрезвычайную коммиссію по обвиненію въ контръ-революціи. У Полежаева было темное мѣсто. Гдѣ онъ былъ въ 1918 и 1919 годахъ? Онъ говорилъ, что работалъ на Волгѣ. Но теперь, когда армія Врангеля была разсѣяна и многіе изъ добровольцевъ взяты въ плѣнъ, могли найдтись люди, которые узнаютъ его. Дразнить Коржикова было опасно и Полежаевъ рѣшилъ идти на обѣдъ, гдѣ, конечно, вслѣдъ за осетромъ съ Дона пойдутъ какія либо гнусности въ родѣ тѣхъ, что были лѣтомъ на вечеринкѣ.

Коржиковъ въ ожиданіи гостей ходилъ по залу, гдѣ висѣли портреты предковъ Саблина.

Онъ былъ подъ кокаиномъ, возбужденъ и нервенъ. Ему опять казалось, что портреты слѣдятъ за нимъ глазами и поворачиваютъ головы. Какой

то генералъ въ шитомъ мундирѣ съ высокимъ, открытымъ на груди воротникомъ и съ галстукомъ, весь въ орденахъ, былъ какъ живой. Онъ раздражалъ Коржикова.

— Ты чего сволочь, — сказалъ онъ, останавливаясь противъ портрета. — Бѣлогвардеецъ, имперьялистъ, помѣщикъ... Эхъ! выдралъ бы я тебя по всѣмъ правиламъ классовой борьбы... Всѣхъ васъ перевести надо. Негодяи!

Онъ хотѣлъ стрѣлять въ портретъ, но вдругъ стало безконечно скучно и тоскливо. Эта скука и тоска, набѣгавшія на него по временамъ, отравляли ему жизнь.

— Ну тя въ болото!, сказалъ онъ уныло и пошелъ отъ портрета.

Портретъ смѣялся надъ нимъ. „Побѣждаютъ они насъ“, подумалъ Коржиковъ... „А что, какъ побѣдятъ!... Сволочи... буржуи!... Собственность... Товарищу Каменеву за побѣды надъ Деникинымъ домъ въ Москвѣ подарили... въ собственность... какой же это коммунизмъ?... комиссаръ Ерохинъ дѣвушку буржуйку въ жены взялъ, такъ вѣнчаться ѣздилъ въ Гатчино, съ попомъ, съ пѣвчими, со свидѣтелями вѣнчался... „Такъ“, говоритъ „крѣпче“... А коммунистъ!.. Ленинъ капиталистовъ изъ заграницы зоветъ, концессіи выдаетъ, гарантіи, „безъ этого“, говоритъ, „народъ подохнетъ съ голода“. — Какой же это коммунизмъ? А пусть его себѣ дохнетъ. Троцкій умнѣе и вѣрнѣе идетъ. Товарищъ Горькій старыя вещи скупаетъ, фарфоръ, бездѣлушки, коллекцію собираетъ — въ собственность тоже... Это коммунизмъ? Черти полосатые! Буржуи на изнанку... Нѣтъ, Бурьяновъ и Стоцкій не такъ учили.

И опять стало скучно. У Бурьянова собственная вилла и прислугу держалъ...

„Всѣ подлецы“, сказалъ Коржиковъ...

Въ эту минуту къ нему вошли первые гости· Любовинъ съ Беби Дранцовой.

— Чикъ, сказалъ Любовинъ, что имѣло изобрезить: — честь имѣю кланяться.

— Псъ — отвѣчалъ Коржиковъ. — что означало: прошу садиться, и сѣлъ самъ.

Вслѣдъ за Любовинымъ стали собираться приглашенные. Гвоздемъ обѣда былъ самъ Воротниковъ, пріѣхавшій съ Врангелевскаго фронта. Во времена Имперіи, Воротниковъ былъ лихимъ вахмистромъ въ гусарскомъ полку дивизіи Саблина. Это былъ красавецъ мущина саженнаго роста, молодчина и лихачъ, съ „полнымъ бантомъ", то есть съ Георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней на груди, рубака и ругатель, умѣющій угодить начальству и во время попасться ему на глаза. Когда то, послѣ атаки германской пѣхоты въ прорывѣ у Костюхновки, онъ подскакалъ къ Саблину, счастливый совершеннымъ подвигомъ и доложилъ ему, что онъ „четырнадцать зарубилъ". Тогда онъ былъ уже подпрапорщикомъ. Эскадронъ онъ держалъ въ порядкѣ и въ дни пріѣзда какого бы то ни было начальства, дежурнымъ, ординарцемъ, для встрѣчи, къ экипажу, чтобы проводить, неизмѣнно назначали Воротникова, потому что онъ умѣлъ угодить и импонировалъ своею полною солдатскаго благородства фигурою, ростомъ, медалями и крестами. Его изба, или землянка всегда была украшена портретами Царской семьи и ни въ одномъ эскадронѣ не умѣли такъ хорошо пѣть гимнъ, какъ въ эскадронѣ Воротникова,

У него была жена, полная хлопотливая особа, ходившая въ ковровомъ платкѣ и разводившая на эскадронномъ дворѣ свиней и куръ. Офицеры эскадрона были къ ней почтительны, сама она медовымъ голосомъ разливалась передъ эскадроннымъ командиромъ, уступала дорогу и низко кланялась полковымъ дамамъ. Воротниковъ держалъ ее въ трепетѣ и, когда они шли куда либо изъ

казармъ „въ городъ“, онъ шелъ впереди, а она сзади него. Солдаты ее не любили за то, что она умѣла заставить каждаго услужить ей и что либо сдѣлать. Тотъ вынесетъ ей ведро помоевъ, другой принесетъ соломы свиньямъ, третій загонитъ куръ. Она была хозяйственная дама.

Революція свернула Воротникову мозги. Онъ сначала долго держался, даже запрещалъ солдатамъ носить красные банты. Его выбрали делегатомъ на обще-армейскій съѣздъ въ Петербургъ и онъ вернулся оттуда другимъ человѣкомъ. На груди его былъ громадный алый бантъ, онъ пристрастился говорить рѣчи, полныя туманныхъ словъ, смысла которыхъ и самъ не понималъ и сталъ „партійнымъ“ человѣкомъ. Въ первый же день онъ явился отъ имени комитета къ начальнику дивизіи, не генералу Саблину, а другому и наговорилъ ему дерзостей.

— Насъ, господинъ генералъ, въ темнотѣ держали, страстно кричалъ онъ. Намъ ничего не говорили и ничего не объясняли. Въ Петроградѣ я узналъ, что такое истинная свобода и что есть завоеванія революціи и диктатура пролетаріата. Солдатъ долженъ эво... эво... эволюцировать и вся власть солдатамъ!

При той растерянности начальства, которая была въ полку, власть скоро перешла въ руки Воротникова и комитета. Начали проявлять ее съ того, что подѣлили денежный ящикъ, причемъ львиная доля досталась Воротникову, потомъ приравняли офицеровъ къ солдатамъ и заставили ихъ стоять съ котелками въ очереди у солдатской кухни, потомъ отобрали и продали собственныхъ офицерскихъ лошадей.

Воротниковъ влюбился въ Керенскаго. Онъ бѣгалъ слушать его рѣчи на фронтѣ, протискивался въ первые ряды, отвѣчалъ ему страстными рѣчами отъ имени всѣхъ солдатъ и „всѣй Арміи“, клянясь служить Керенскому и проклиналъ Царя.

Керенскій его произвелъ въ корнеты за его страстность и преданность революціи.

Когда прапорщикъ Крыленко держалъ свою рѣчь, которую окончилъ тѣмъ, что сорвалъ съ сеся ордена и погоны, Воротниковъ былъ первый, который въ неистовомъ восторгѣ сорвалъ съ себя колодку крестовъ и медалей и понесъ ее черезъ толпу Крыленкѣ.

— Къ чорту, товарищи, — вопилъ онъ своимъ могучимъ вахмистерскимъ голосомъ, — эти знаки царизма, поповъ и рабства! Одинъ англійскій крестикъ желаю сохранить за собою, потому, какъ Англія страна свободы и много способствовала революціи!

Въ дни большевистскаго переворота, когда всѣ, даже самые большевики носили еще погоны, онъ явился безъ погонъ, отрепанный, окрученный пулеметными лентами, съ тремя револьверами и изъявилъ свою преданность товарищу Ленину. Онъ былъ назначенъ на Южный фронтъ и очутился въ Саратовскихъ степяхъ.

Съ начала войны супруга его была послана имъ въ деревню, гдѣ должна была скромно жить при родителяхъ. Послѣ раздѣла денежнаго ящика она получила приказъ выдѣлиться и купить на селѣ домъ съ магазиномъ и жить торговлей. Ставши комиссаромъ Воротниковъ завелъ себѣ гаремъ „самыхъ аристократическихъ барышенъ", комплектуемый изъ гимназистокъ занимаемыхъ имъ городовъ, а женѣ послалъ тюкъ денегъ съ приказомъ „до поры бросить буржуазные предразсудки и торговлю, ибо торговля противорѣчитъ ученію коммунизма и карается разстрѣломъ, а скупать у крестьянъ потихоньку хлѣбъ и масло и мѣнять его „господамъ" на золото, брильянты и старыя „табатерки", „понсигары" и „меніатюры". „Ты, супружница наша", — писалъ Воротниковъ, — „по офицерскимъ квартирамъ бывала и должна понимать въ этомъ толкъ. Настанетъ настоящій

порядокъ и это все дастъ намъ и силу, и славу“ . . .

На обѣдъ къ Коржикову онъ явился во всей красотѣ, съ орденами красной звѣзды и краснаго знамени на груди, гордый послѣднимъ пожалованіемъ Троцкаго: — винтовкою на алой перевязи. Прежней скромности и оборваннаго вида, пулеметныхъ лентъ и револьверовъ за поясомъ не оставалось и слѣда. Онъ былъ изященъ. Его волосы были разобраны длиннымъ проборомъ и примаслены пахучей помадой, богатырскіе усы, такъ красиво когда то прикрывавшіе его ротъ съ прекрасными бѣлыми зубами, были острижены и торчали двумя кустиками надъ верхнею губою, на немъ былъ элегантный френчъ при англійской аммуниціи и дорогая кавказская шашка съ красными бантами на эфесѣ. На ногахъ были щегольскіе гусарскіе краповые чакчиры и отличные сапоги съ розетками. Онъ былъ гость хоть куда! На коммунистическихъ хлѣбахъ онъ раздобрѣлъ. Большія руки были выхолены и крупные твердые ногти, которыми онъ когда то нехуже отвертки выворачивалъ винты, были отшлифованы и отдѣланы опытной маникюршей. Крупный, здоровый, веселый онъ производилъ впечатлѣніе солдата, на солдатскомъ спектаклѣ вырядившагося англійскимъ джентльменомъ.

XVII.

Обѣдъ удался на славу. Коржиковъ пригласилъ для изготовленія его стараго великокняжескаго повара и приказалъ ему сдѣлать и подать, какъ великому князю подавали. Лакеи и посуда были достаны изъ дворца. Вина были присланы Воротниковымъ изъ лучшихъ винодѣлень Донскихъ казаковъ, коньякъ раздобыли отъ комиссара народнаго здравія. Гостей было тридцать чело-

вѣкъ. Послѣ жаренаго — великолѣпной телятины, подали шампанское.

Коржиковъ сидѣлъ въ головѣ стола. Онъ былъ мрачень, задумчивъ и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. По правую руку его сидѣлъ Воротниковъ, по лѣвую воен-спецъ — Рахматовъ. Рядомъ съ Рахматовымъ сидѣлъ Шлоссбергъ, дальше были Дженни, Полежаевъ, Беби Дранцова, Голубь, два молодыхъ офицера коммунистическаго полка, Гайдукъ, Мими Гранилина, и дальше Любовинъ, и офицеры, коммунисты полка Коржикова и ординарцы Воротникова.

Шлоссбергъ постучалъ вилкой по тарелкѣ, поднялся съ бокаломъ вина, окинулъ уже подвыпившихъ гостей внимательнымъ взглядомъ и съ манерами опытнаго оратора началъ свою рѣчь.

— Товарищи! сказалъ онъ. Какъ всегда, такъ и теперь наше первое слово о текущемъ политическомъ моментѣ. Онъ знаменателенъ этотъ моментъ. Мы чествуемъ героя Крымской побѣды, товарища Воротникова. Мы чествуемъ послѣднюю и окончательную побѣду пролетаріата надъ буржуями, капиталистами, имперьялистами и попами. Полтора года тому назадъ, когда мы боролись съ Колчакомъ на Ижевскомъ фронтѣ пришло сообщеніе объ одномъ достовѣрномъ, хорошо провѣренномъ и чрезвычайно знаменательномъ фактѣ. Когда тамъ, около Ижевска, атаковали насъ послѣднія группы бѣлогвардейцевъ, то впереди шли ударники, за ними оркестръ игралъ „Боже Царя храни“, а на знамени стояло: „да здраствуетъ Учредительное Собраніе!“ Недурной переплетъ, можно сказать! Подумаешь, чѣмъ беременна на самомъ дѣлѣ потаскушка учредилка? — Царемъ!

— Но, можетъ быть, это исключительный фактъ? Ничуть. Тогда же, московскія и петроградскія газеты сообщали о томъ, что было тогда въ Крыму. Тамъ власть захвачена меньшевиками и эсерами, тамъ знаменитые Либеръ, Рудневъ и

другіе господа стояли у власти. Разумѣется къ нимъ пришли на помощь буржуазные англичане и высадили небольшой дессантъ. А, когда у гавани собрались союзниковъ встрѣчать Либеръ, Рудневъ, меньшевики эсеры и кадеты — весь цвѣтъ тамошней, такъ называемой соціалъ-демократіи, — то подошедшій англійскій корабль привѣтствовалъ собравшихся на пристани соціалистовъ революціонеровъ и меньшевиковъ гимномъ „Боже Царя храни". Грянулъ гимнъ — и говорили тогда, что Либеръ и Рудневъ были нѣсколько смущены. Что то заговорило старое въ ихъ новой душѣ. Но мѣстный министръ иностранныхъ дѣлъ, кадетъ Винаверъ, произнесъ успокоительную рѣчь: англичане де знаютъ, что нѣтъ другого Русскаго оффиціальнаго гимна. Конечно—интернаціоналъ, — соціалистическій гимнъ, но вѣдь онъ принадлежитъ большевикамъ. Англичанамъ ничего не оставалось, какъ заиграть: „Боже Царя храни". И возможно, что Либеръ, Рудневъ и другіе соціалъ демократы вполнѣ удовлетворились этими научными объясненіями кадета Винавера, ближайшаго сподвижника господина Милюкова, который имѣлъ мужество, по крайней мѣрѣ, еще въ началѣ революціи, открыто объявить себя монархистомъ.

— Да, товарищи, такъ было всюду. Какъ ни отметались Деникинъ и Врангель отъ „Боже Царя храни" оно гремѣло и на Дону, и на Кубани, и въ Крыму. Таково положеніе было, товарищи, повсюду. Гдѣ у власти буржуи, ихъ лакеи — меньшевики и эсеры, соціалъ демократы стараго казеннаго толка, тамъ созываютъ, или дѣлаютъ видъ, что созываютъ, или готовятся созвать учредилку.

— Такъ было. И намъ нужно было уничтожить, стереть съ лица земли Донъ, Кубань, Кавказъ и Крымъ, намъ нужно обезкровить Сибирь, чтобы лишить царскихъ генераловъ и помѣщиковъ почвы, на которой они могли бы проповѣдывать Царя

подъ флагомъ учредительнаго собранія. — Теперь это достигнуто, товарищи. И въ лицѣ товарища Воротникова мы привѣтствуемъ одного изъ побѣдителей вреднѣйшаго врага рабочихъ и крестьянъ!

Всѣ встали и потянулись съ бокалами къ Воротникову. Кое кто неувѣренно и несмѣло крикнулъ ура.

Когда снова сѣли Коржиковъ мрачно уставился на Шлоссберга. Взглядъ его былъ такъ тяжелъ и упоренъ, что всѣ сидѣвшіе въ головѣ стола примолкли. На другомъ концѣ среди тишины слышался восхищенный молодой голосъ.

— Ну и лошадь, доложу я вамъ подъ нимъ была! Заглядѣнье! Прямо — царская лошадь!

Говорившій, почувствовалъ, что его голосъ одиноко звучитъ за столомъ, сконфузился и примолкъ.

— И все ты врешь, Шлоссбергъ! — мрачно выговорилъ Коржиковъ и тяжело уставился на Шлоссберга.

— То есть какъ это?, обиженно сказалъ Шлоссбергъ.

— Да такъ!, — сказалъ Коржиковъ, обводя весь столъ мрачными изъ подъ набрякшихъ темныхъ вѣкъ глазами. — Очень просто какъ! Поскоблить тебя — такъ и ты „Боже царя храни" запоешь, а что слушать станешь съ восторгомъ и шапку скинешь — такъ это фактъ!.. А товарищъ Воротниковъ хотя и усы сбрилъ и красную звѣзду нацѣпилъ, а все царскій вахмистръ и счастливъ былъ бы околодочнымъ около дворца стоять.... А, товарищъ, такъ то спокойнѣе, чѣмъ Вече-ка опасаться?... А вонъ тамъ сидитъ товарищъ Полежаевъ, — такъ изъ него Царь то этотъ самый, такъ и брыжжетъ изъ глазъ.... А крестьяне? Да не царя они боятся, а помѣщиковъ, что землю отбирать будутъ.... А рабочіе!... Эхъ вы коммунисты! — и Коржиковъ выругался трехъэтажнымъ Русскимъ словомъ.

— Но позвольте, товарищъ комиссаръ, сказалъ Воротниковъ. — То, что вы говорите, доказать надо.

— Доказа-ать, — протянулъ Коржиковъ.... Ну и докажу. Россіей то, товарищъ, могутъ править либо большевики, либо царь, — иного нѣтъ. Кабы Колчаки то, Деникины, Врангели, Юденичи съ царемъ шли, да гимнъ играли, да землю царскимъ именемъ давали — такъ вы бы съ ними не дрались.

Коржиковъ обвелъ глазами и показалъ рукою на портреты предковъ Саблина.

— Видалъ? — сказалъ онъ. — Они бы имъ помогали. Изъ могилокъ, значитъ, встали и пошли бы за ними. А то съ чѣмъ они шли? Съ пустымъ мѣстомъ. Съ рѣчами, да программами.... Хвастаетесь побѣдами. Не вы ихъ побѣдили, а мы.... Мы своими лозунгами. У насъ то это ясно... Что хочешь, то и дѣлай!

Коржиковъ отвернулся отъ Воротникова, замолчалъ и сталъ накладывать себѣ мороженое.

Голубь во все время рѣчи Коржикова слезливо моргавшій красными вѣками, чтобы выручить смутившагося непривычнымъ и рѣзкимъ тономъ хозяина Воротникова обратился къ нему и заговорилъ ласково и угодливо: —

— Помните, товарищъ, на Воронежскомъ фронтѣ, — мы съ вами ѣхали какъ то, два ординарца при насъ, а тутъ шестьдесятъ бѣлыхъ напали. Вотъ тутъ пришлось! Ну, все таки человѣкъ двадцать пять мы ихъ зарубили, а остальные разбѣжались.

Воротниковъ обрадовался такой поддержкѣ и бодро отвѣтилъ; — да, какъ же было... Было... Мнѣ такія передѣлки не въ первой. Помните, обратился онъ къ Рахматову, — въ Костюхновскомъ прорывѣ, при генералѣ Саблинѣ, я четырнадцать нѣмцевъ своеручно зарубилъ?... Эхъ!...

Онъ осѣкся и замолкъ.

XVIII

Послѣ обѣда игралъ и пѣлъ оркестръ Буденнаго. Коржиковъ то сидѣлъ въ углу у окна, то ходилъ по комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая.

Пѣлъ приглашенный знаменитый оперный пѣвецъ и могучимъ басомъ потрясалъ стѣны зала, оглашая ихъ звуками „революціонныхъ" пѣсень, то „Дубинушки", то „солнце всходитъ и заходитъ"....

— А „Боже царя храни" споешь?, — подходя къ нему и глядя на него въ упоръ сказалъ Коржиковъ. Полежаевъ былъ недалеко отъ пѣвца.

— Если прикажете, — вытягиваясь по солдатски сказалъ пѣвецъ, — все спою. Голодъ все заставитъ.

— Ну, ну, — болѣе ласково сказалъ Коржиковъ. — Я шучу. Вотъ онъ, — Коржиковъ, кивнулъ на Полежаева — онъ и сытый споетъ.

Коржиковъ пошелъ прочь.

Полежаевъ замѣтилъ, что Коржиковъ привязывается къ нему и понялъ, что сегодня случится то, чего онъ давно ожидалъ отъ Коржикова. То, что носитъ имя „провокаціи" и ведетъ неизмѣнно къ смерти. Но онъ былъ спокоенъ. Еще тогда, когда Полежаевъ поѣхалъ въ Совѣтскую республику онъ сознательно обрекъ себя на смерть и муки. И смерть и муки надвигаются. Можетъ быть сегодня начнется его страшный путь на Голгоѳу офицерскихъ страданій. Онъ ничего еще не сдѣлалъ. Нѣтъ, но онъ умретъ спокойный. Эти полгода жизни подъ красными знаменами сказали ему, что Россія жива. Она погребена заживо, она растерзана, изранена, измучена, но она встанетъ и скоро встанетъ — потому что жива вѣра христіанская, потому что сильна тоска по царю и порядку, по красотѣ и силѣ Русскаго имени въ народѣ. Большевизмъ, окраинныя государства это отъ Англіи и Франціи, это отъ Германіи, отъ лукаваго, можетъ быть, отъ масоновъ, если таковые есть.

Но..... Воздвигну церьковь мою и врата адовы не одолѣютъ ю!

Коржиковъ волнуется, Коржиковъ злится и трепещетъ — хорошій признакъ. Чуетъ свою гибель.

Коржиковъ подошелъ къ Гайдуку.

— Въ которомъ часу назначено?, спросилъ онъ.

— Съ двѣнадцати, — сказалъ Гайдукъ.

— У меня?

— Да, у васъ.

Коржиковъ посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти двѣнадцать.

— Товарищъ Осетровъ, сказалъ онъ, вы пойдете со мной.

— Слушаюсь, — нагибая красивую лохматую голову сказалъ Осетровъ.

Коржиковъ подошелъ вплотную къ Полежаеву.

— И вы, товарищъ, тоже съ нами!

Въ глазахъ Коржикова была незамѣченная раньше Полежаевымъ нѣжность и ласка.

— Куда?, спросилъ Полежаевъ.

— Въ чрезвычайку,—сказалъ нѣжно Коржиковъ.

— Зачѣмъ?, сухо спросилъ Полежаевъ.

— Вы никогда не видали большевистскаго провосудія. Это поучительно. Сегодня у насъ назначено восемнадцать офицеровъ бѣлогвардейцевъ и одна женщина. Дѣвушка общества. Царя спасти хотѣла. Въ Екатеринбургѣ раскопки дѣлала. Сестрица моя: — Татьяна Александровна Саблина. Такъ вотъ, посмотримъ, товарищъ, какъ это дѣлается. Мы ѣли и пили. Мороженое ѣли, шампанское пили — все это по буржуйски. Напьемся крови человѣческой — по пролетарски.

Полежаевъ былъ очень блѣденъ, но спокоенъ. Онъ предалъ себя волѣ Божіей. Онъ вспомнилъ вчерашній разговоръ съ Осетровымъ о священникѣ отцѣ Василіи и объ иконѣ Николая Чудотворца. И, если судьба сводитъ его съ Таней такимъ страннымъ образомъ въ чрезвычайкѣ на ея казни, если ему суждено умереть вмѣстѣ съ нею мучитель-

ною смертью — пусть это такъ и будетъ, но отъ позора онъ спасетъ ее.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Это даже любопытно. Близко я никогда не видалъ.

— Хочешь кокаина, — со страстью прошепталъ почти на ухо ему Коржиковъ. — Самъ попробуешь. Это такъ пріятно.... Волнуетъ. Мы Дженни возьмемъ. Хочешь?

— Не знаю, — протянулъ какъ бы во снѣ, самъ плохо слыша свой голосъ, Полежаевъ. — Можетъ быть.... Отчего не попробовать?.... Я думаю сильное ощущеніе.

— Да..., шепталъ Коржиковъ... — А то, хочешь... Мы ихъ, смертниковъ, поставимъ въ рядъ — и я лягу съ Дженькой, а ты съ сестрицей моей. А? А они пусть смотрятъ... А то ихъ заставимъ... Передъ разстрѣломъ.... Пусть побалуются!

— Что нибудь придумаемъ, — сказалъ Полежаевъ и самъ не слышалъ своего голоса.

— Товарищи, — сказалъ Коржиковъ, — ѣшьте, пейте, веселитесь, а мы васъ на полъ часика покинемъ. Хочется руку молодецкую потѣшить. Революціи послужить. Дженни, Гайдукъ, Осетровъ, Полежаевъ, идемте!

XIX

Гайдукъ все приготовилъ въ самомъ домѣ. У воротъ толпился нарядъ красной арміи. Легковой сильный автомобиль Рахматова стоялъ у подъѣзда. Коржиковъ съ сопровождавшими его прошелъ во дворъ; тамъ стоялъ грузовикъ и шофферы чекисты въ дорогихъ шубахъ-дохахъ возились подлѣ машины. Большой подвалъ, служившій когда то погребомъ и складомъ, былъ ярко освѣщенъ. Изъ маленькихъ низкихъ оконъ бѣлый электрическій свѣтъ лился потоками на дворъ и освѣщалъ обледенѣвшіе камни и узенькую въ одну

плиту панель. У входа въ подвалъ стоялъ красноармеецъ съ ружьемъ. Входъ былъ узкій съ крутыми ступенями. Все это почему то тщательно замѣчалъ и изучалъ Полежаевъ. Онъ замѣтилъ, что грузовой автомобиль загораживалъ входъ отъ наряда красной арміи, что ворота на улицу были открыты, что знакомый шофферъ Рахматова сидѣлъ на автомобилѣ. Полежаевъ замѣтилъ даже, что онъ былъ блѣденъ и взволнованъ. Шофферъ былъ юноша технологъ, пошедшій къ Рахматову, чтобы кормить свою мать и трехъ маленькихъ братьевъ.

Подвалъ былъ низкій, со сводами и двумя арками дѣлился на три части. Въ первой стояло человѣкъ тридцать красноармейцевъ. Они стали „смирно" при входѣ комиссара и чекистовъ. Во второй, средней части, чисто подметенной была поставлена софа, два кавказскихъ кресла, небольшой мавританскій столикъ чернаго дерева, выложенный перламутромъ, на столикѣ были двѣ бутылки и рюмки, вазочка съ печеньями и коробки съ сигарами и папиросами. Красноармеецъ съ ружьемъ караулилъ всѣ эти драгоцѣнности. Передъ софою лежалъ коверъ и были разбросаны вышитыя кавказскія подушки. Въ третьей части подвала, узкая шеренга худыхъ людей, одѣтыхъ въ грязное, истлѣвшее, оборванное бѣлье подъ присмотромъ красноармейцевъ большими лопатами рыли узкій и глубокій ровъ.

Коржиковъ былъ ненормально, не естественно возбужденъ, зеленовато блѣдная Дженни непрестанно нюхала кокаинъ и сейчасъ же подошла къ столику, нервнымъ движеніемъ налила рюмку коньяку и выпила его. Она морщила носъ. Въ подвалѣ пахло сыростью, свѣжими нечистотами и ѣдкимъ потомъ нездоровыхъ людей. Гайдукъ былъ блѣденъ, но спокоенъ и напряженно внимателенъ. Онъ былъ какъ бы на сторожѣ. Полежаевъ посмотрѣлъ на Осетрова. Обычно пьяный въ эти ночные часы пирушекъ, Осетровъ былъ

совершенно трезвъ, спокоенъ и полонъ какой то рѣшительности. Онъ внимательно и строго посмотрѣлъ на Полежаева и въ этомъ взглядѣ Полежаевъ прочелъ выраженіе дружбы и готовности помогать.

— Отлично устроено, — сказалъ Коржиковъ. — Я и не ожидалъ, что такъ выйдетъ. Одно нехорошо, что эта сволочь уже нагадить успѣла.

Онъ прошелся по ковру, закурилъ сигару и обращаясь къ Полежаеву сказалъ: —

— Сегодня вы мой гость и я хочу вамъ все показать. Съ вашими нервами изъ васъ хорошій чекистъ выйдетъ. Надо только руку набить: — это очень просто. Сдѣлаемъ смотръ нашимъ индивидуумамъ. — Смирно, тамъ! Перестать рыть, — крикнулъ онъ въ сторону стѣнки.

Рывшіе остановились и стали у стѣны. Это были люди, не походившіе на людей. Худые, изможденные, съ большими отросшими и колтунами торчавшими волосами они были въ одномъ рваномъ бѣльѣ. Правѣе всѣхъ стоялъ юноша лѣтъ пятнадцати съ лицомъ настолько исхудалымъ, что издали казалось, что на тонкой шеѣ сидитъ черепъ. Щеки ввалились, губы стали маленькими и обтянутыми. Сквозь дыры разорванной рубахи сквозило худое синевато жолтое тѣло, рѣзко выдавалась грудная клѣтка. Тонкія бѣлыя ноги жалко стояли на сырой свѣже накопанной землѣ. Онъ смотрѣлъ большими темными глазами, не моргая на Полежаева и Полежаеву казалось, что гдѣ то онъ видѣлъ этого высокаго худого юношу. Рядомъ съ нимъ стоялъ старикъ съ большимъ животомъ. Онъ былъ въ одной старой, хорошаго полотна, чистой рубахѣ. Толстая шея была обнажена и полныя короткія ноги были розовыя отъ апоплексическаго прилива крови. Маленькіе сѣрые глаза были устремлены на подходившихъ. Въ нихъ была странная смѣсь гордости и страха. Дальше былъ пожилой бородатый человѣкъ угрюмаго вида въ очкахъ, худой и не складный, за

нимъ стоялъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бравый, выправленный, смѣлымъ острымъ взглядомъ смотрѣвшій на подходившихъ. Онъ оправлялъ на себѣ рубаху и подштанники и какъ будто смущался небрежности своей одежды.

На противоположномъ концѣ стояла женщина. Уже пройдя полъ шеренги Полежаевъ распозналъ ее и теперь не сводилъ съ нея глазъ, постепенно распознавая милыя, дорогія черты. Отъ прежней Тани остались только ея васильковые глаза. Волосы были острижены во время тифа и теперь отростая торчали на полъ вершка надъ головою, какъ золотымъ сіяніемъ окружая прекрасное лицо мученицы. На лицѣ не было ни кровинки. Ноздри тонкаго, красиваго рисунка носа были гнѣвно раздуты. Блѣдныя опавшія щеки смыкались круглымъ упрямымъ подбородкомъ и губы были синеватаго оттѣнка, какъ у мертвеца. На всемъ этомъ бѣломъ лицѣ рѣзко выдѣлялись тонкія темныя крутыя брови и большіе глаза, окруженные черными тѣнями длинныхъ густыхъ рѣсницъ. Такъ же какъ и всѣ остальные она была въ одной длинной, простой, крестьянской рубахѣ. Но рубаха ея была чистая и лежала на исхудаломъ тѣлѣ, какъ хитонъ мученицы. Маленькія босыя ноги замазанныя землею нервно жались на холодномъ полу. Она дрожала внутреннею дрожью отъ холода. Глаза, устремленные къ небу, не видали подходившихъ. Она ушла въ молитву и маленькія руки съ тонкими пальцами были сложены на груди.

Полежаевъ пристально смотрѣлъ на нее и на его взглядъ она повернула свою голову и ихъ глаза встрѣтились. Полежаевъ былъ въ теплой солдатской шинели и шапкѣ съ большою алою звѣздою на тульѣ. Таня долго всматривалась въ него и тонкія брови хмурились надъ прекрасными глазами. И вдругъ ужасъ, отвращеніе и страшное леденящее презрѣніе показались въ прекрасныхъ синихъ

глазахъ, она вздохнула и отвернувшись подняла глаза къ потолку. Пальцы ея рукъ сжались въ отчаяніи и губы беззвучно зашептали что то.

О чемъ молилась она?

— Вотъ и сестрица моя единокровная, сказалъ Коржиковъ, но Полежаевъ перебилъ его.

— Ассортиментъ хоть куда, — сказалъ онъ, стараясь заслонить Коржикова отъ Тани. — Прямо мученики христіанскіе!

Коржиковъ посмотрѣлъ на него тяжелымъ взглядомъ и медленно, по слогамъ выговаривая слова сказалъ:

— Му-че-ни-ки и есть...

И сейчасъ же разсмѣялся. Было что то сумасшедшее въ его смѣхѣ и страшно тяжелое. Онъ круто повернулся и пошелъ къ дивану.

— Вотъ, товарищъ Полежаевъ, — сказалъ онъ, попыхивая сигарой, — обычная порція настоящаго чекиста. Сегодня даже маленькая порція. Бываетъ и тридцать и шестьдесятъ человѣкъ. Гайдукъ, помните, разъ было восемьдесятъ?

— Восемьдесятъ два, спокойно отвѣтилъ Гайдукъ. Это послѣ покушенія на Владиміра Ильича было.

— Есть разные способы приканчивать, — сказалъ дѣловито Коржиковъ, медленно снялъ съ себя шинель на дорогомъ мѣху и остался въ кожаной курткѣ. — Можно стоя, лицомъ или спиною къ стѣнкѣ ad libitum, на выборъ. Можно заставить ихъ лечь въ могилу лицомъ на землю и кончать выстрѣлами въ затылокъ... Ну можно и съ издѣвательствами, — вотъ какъ товарищъ Дора дѣлаетъ, можно съ надругательствомъ, какъ дѣлаютъ грубые красноармейцы... Вы знаете, товарищъ, нѣтъ гаже Русскаго простого народа. Онъ на всякую мерзость способенъ... Про себя скажу: мнѣ все это стало скучно... Главное я уже не могу возвыситься до страсти, не убивши кого либо. Мнѣ нравится ужасъ того, что люди назы-

ваютъ грѣхомъ. Я люблю что либо чрезвычайное... Вотъ что я придумалъ. Та женщина — моя сестра. Она мнѣ не нравится, уже очень святые у нея глаза. Не люблю этого. Дженни любовница Гайдука. Такъ вотъ сначала я убью нѣсколькихъ . . . Потомъ попробуйте вы. Это нетрудно . . . Потомъ я овладѣю своею сестрицей, а вы Дженни среди крови и труповъ и на глазахъ остальныхъ. Это будетъ недурно.

— Хорошо, сказалъ Полежаевъ, — я попробую.

У него уже началъ складываться планъ. Онъ посмотрѣлъ на Осетрова. Осетровъ ясно и твердо уперся въ него смѣлымъ покорнымъ взглядомъ доброй собаки и отстегнулъ крышку револьвернаго кобура.

XX.

Въ первой трети подвала глухо гомонили красноармейцы. Они дѣлили одежду, снятую съ казнимыхъ. Дженни лежала, задравъ ноги на оттоманкѣ и щурясь своими длинными узкими глазами смотрѣла на налитый въ хрустальную рюмку розовый ликеръ. Коржиковъ вынулъ большой Ноганъ и медленно пошелъ къ шеренгѣ людей. Полежаевъ безъ оружія слѣдовалъ за нимъ; за Полежаевымъ шелъ Гайдукъ, не спускавшій глазъ съ Коржикова. У Гайдука была отстегнута кобура и полувынутъ револьверъ, за нимъ шелъ Осетровъ съ револьверомъ въ рукѣ.

Длинный рядъ людей въ бѣльѣ сливался въ глазахъ Полежаева въ сплошное бѣлое пятно и въ немъ онъ видѣлъ только большіе синіе глаза Тани, устремленные къ потолку. Мертвая тишина была въ этой трети подвала. Ее не нарушала глухая ругань красноармейцевъ, ссорившихся изъ за каждой тряпки, изъ за каждаго стоптаннаго порваннаго сапога, креста или обручальнаго кольца.

— Заводи машину! крикнулъ Гайдукъ въ пространство.

Кто то у дверей, казавшихся въ туманѣ темнымъ пятномъ повторилъ хриплымъ голосомъ:

— Заводи машину!

На дворѣ глухо и громко застучалъ грузовикъ, заработавшій съ перебоями на холостомъ ходу.

Коржиковъ крадущейся кошачьей походкой, держа револьверъ за спиною подошелъ къ юношѣ. Юноша смотрѣлъ въ пространство и, казалось, не видѣлъ Коржикова. Сигара дымилась узкимъ длиннымъ тонкимъ синеватымъ дымкомъ въ зубахъ у Коржикова. Старикъ смотрѣлъ своими сѣрыми глазами на Коржикова. Въ этихъ глазахъ была мольба и ужасъ. Дальше колыхались, какъ тѣни мертвецовъ, остальные смертники.

— Ты, что смотришь, старикъ?, спросилъ Коржиковъ. Пощады не жди!

— Гто сынъ мой! Онъ ничего не сдѣлалъ!, прошепталъ старикъ. — Пощадите его. Не на моихъ глазахъ.

— Это можно устроить, господинъ генералъ, — усмѣхаясь сказалъ Коржиковъ, вынулъ сигару и ярко разгорѣвшееся пламя ея приложилъ сначала къ одному глазу, потомъ къ другому старика.

Сигара зашипѣла и потухла. Старикъ со стономъ привалился къ стѣнкѣ.

— Какая подлость!, сказалъ молодой.

— Молчи щенокъ!, сказалъ Коржиковъ и быстро выхвативъ изъ лѣвой руки револьверъ выстрѣлилъ молодому въ середину лба. Тотъ качнулся къ стѣнкѣ, ударился объ нее и сгибаясь въ поясницѣ рухнулъ къ ногамъ старика. Старикъ нагнулся къ нему и въ эту же минуту Коржиковъ убилъ его выстрѣломъ въ голый розовый затылокъ.

Бородатый человѣкъ въ очкахъ порывисто повернулся лицомъ къ стѣнкѣ и затрясся въ глухихъ рыданіяхъ, Коржиковъ долго принаравли-

вался, чтобы попасть ему въ трясущійся затылокъ, наконецъ рыстрѣлилъ ему въ плотную обтянутую грязной рубахой спину. Бородатый продолжалъ дергаться и Коржиковъ, брезгливо сморщившись, выстрѣлилъ второй разъ.

— Умираю за вѣру, Царя и Родину, твердо сказалъ высокій человѣкъ со смѣлымъ лицомъ.

— Ну и умирай, сволочь, сказалъ Коржиковъ и выстрѣлилъ ему въ ротъ.

Кто то истерично заплакалъ, но Полежаевъ видѣлъ, что это не была Таня. Таня устремилась въ молитву и Полежаеву казалось, что ея вытянувшаяся фигурка вотъ вотъ оторвется отъ грязнаго пола и понесется къ небу. Двѣ бѣлыхъ тѣни упали въ обморокъ.

Коржиковъ шелъ молча и стрѣлялъ. Полежаевъ считалъ пули. Седьмой выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ Ногана и Коржиковъ вложилъ его въ кобуру. Онъ досталъ громадный Парабеллумъ, любовно осмотрѣлъ его и протягивая Полежаеву сказалъ:

— Это мой любимецъ, не хотите попробовать.

Полежаевъ взялъ револьверъ. Онъ быстро обмѣнялся взглядомъ съ Осетровымъ. Тотъ по прежнему твердо и ясно смотрѣлъ ему въ глаза взглядомъ преданной собаки.

— Главное, не волнуйтесь, сказалъ Коржиковъ. — Надо чтобы рука была твердая. А и промахнетесь бѣда будетъ не большая.

— Я не волнуюсь, сказалъ Полежаевъ, но не слыхалъ своего голоса. Онъ слышалъ, какъ тонко стоналъ не добитый бородачъ и кто то кричалъ истерично! „этого не можетъ быть! Это кошмаръ. Я признаю Ленина! Отпустите меня! Я все сдѣлаю, что хотите“!

Изъ противоположнаго угла отъ красноармейцевъ сочно принеслась трехъэтажная ругань и грубый хохотъ. На дворѣ съ перебоями стучалъ автомобиль.

Полежаевъ быстро поднялъ револьверъ и въ упоръ, не глядя, выстрѣлилъ прямо въ лицо Коржикову.

Въ то же мгновеніе раздался второй выстрѣлъ. Осетровъ застрѣлилъ въ затылокъ Гайдука.

Полежаеву казалось, что послѣ этихъ двухъ выстрѣловъ наступила мертвая тишина и время остановилось. Но этого не было. Красноармейцы продолжали ругаться. Машина стучала съ перебоями и истеричный голосъ въ углу крикнулъ: — спасены!!

Полежаевъ въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ Тани и схватилъ ее. Она показалась ему очень легкой. Осетровъ накрылъ и закуталъ ее шинелью снятой Коржиковымъ и валявшейся на оттоманкѣ и они оба бросились къ выходу.

— Въ чемъ дѣло, товарищъ?, преграждая имъ дорогу сказалъ красноармеецъ стоявшій на узкой лѣстницѣ, ведшей въ подвалъ.

— Комиссару дурно стало, сказалъ Осетровъ, отталкивая его и помогая пронести закрытую комиссарской шинелью съ красной повязкой Таню.

На дворѣ продолжалъ стучать и шумѣть грузовикъ. У открытыхъ воротъ сидѣли и стояли красноармейцы. Шофферъ Рахматова сидѣлъ на автомобилѣ и смотрѣлъ въ одну точку.

— Товарищъ!, сказалъ ему Полежаевъ, кладя на дно автомобиля Таню, бывшую въ обморокѣ, — заводите машину и везите насъ скорѣе на мою квартиру.

Тотъ быстро поставилъ ключъ. Машина заводилась изнутри и сейчасъ же мягко застучала.

Осетровъ вскочилъ за Полежаевымъ въ автомобиль.

— Катай, Николай Николаевичъ, ко мнѣ лучше, сказалъ Осетровъ, обращаясь на „ты“ къ Полежаеву.

— У меня найдется для нея полное приданое и денегъ куча золотомъ, а тамъ сегодня же и дальше.

— Хорошо, Миша, — сказалъ Полежаевъ, этимъ уменьшительнымъ именемъ давая понять Осетрову, что ему все прощено и какъ онъ его любитъ.

Машина мягко тронула и почти безъ шума покатилась по ледяной мостовой.

Черезъ минуту кучка людей въ бѣльѣ вырвалась изъ воротъ и стремительно побѣжала по улицѣ, за ней бѣжали толпою красноармейцы, безпорядочно стрѣляли и кто то безумнымъ дикимъ крикомъ вопилъ.

— Комиссара убили! Комиссара ...... и сопровождалъ свой крикъ самой грубою руганью.

Въ подвалѣ было пусто. На вскопанной землѣ, подлѣ неглубокой канавы, лежало пять труповъ въ бѣломъ бѣльѣ, шестой тихо стоналъ и шевелилъ рукою.

На шагъ отъ нихъ, разметавъ руки, лежалъ Коржиковъ. Его лицо было разбито и обожжено и представляло кровавую дыру. Кто то изъ красноармейцевъ успѣлъ стащить съ него револьверъ и одинъ сапогъ. Рядомъ съ трупомъ Коржикова валялся трупъ Гайдука. Надъ нимъ сидѣла Дженни и сумасшедшими глазами глядѣла въ лицо убитаго.

Со столика исчезли коньяки, ликеры, печенья, сигары и папиросы. Самъ столикъ былъ опрокинутъ. Въ пустомъ подвалѣ ярко горѣло электричество.

На дворѣ два красноармейца торопливо навaливали на грузовикъ вынесенный изъ подвала большой коверъ. Шофферы пили коньякъ и ликеры прямо изъ горлышка. Въ освѣщенныя окна второго этажа видны были гости на квартирѣ Коржикова. Тамъ, подлѣ неубраннаго стола, кружились двѣ пары. Мими Гранилина и Беби Дранцова танцовали съ адъютантами Воротникова.

Грузовикъ шумѣлъ на холостомъ ходу.

Жизнь въ Совѣтской республикѣ протекала нормально...

XXI.

На холодномъ ночномъ воздухѣ Таня очнулась и пошевельнулась на днѣ автомобиля, поджимая свои босыя ноги. Полежаевъ заботливо укуталъ ихъ шинелью, приподнялъ ее и усадилъ на сидѣнье.

— Ничего барышня, — ласково сказалъ Осетровъ, — духомъ прикатимъ ко мнѣ и я вамъ все предоставлю. Боты сѣрые на кенгуровомъ мѣху у меня есть, пальто каракулевое самое настоящее, шапочка, платокъ, укутаемъ васъ во какъ! Одѣнемъ какъ принцессу и ай-да заграницу!

— Кто вы такіе?, — слабымъ голосомъ сказала Таня. Слова прозвучали такъ невнятно, что Полежаевъ только догадался, что она спросила.

— Мнѣ казалось, Татьяна Александровна, что вы узнали меня, сказалъ онъ.

Таня мучительно застонала. Широко открылись синіе глаза ея и тихо, но твердо она спросила:

— Какъ вы попали сюда, Николай Николаевичъ?

Всегда съ самаго дѣтства называла она его Никой, какъ и онъ звалъ ее Таней и теперь этимъ обращеніемъ по имени отчеству они клали между собою пропасть невыясненнаго, пропасть подозрѣнія и страха съ одной стороны, мольбы понять и простить съ другой.

— Богъ меня направилъ сюда и Богъ спасъ васъ... Богъ спасетъ и Россію, — сказалъ Полежаевъ.

Таня ничего не сказала. Упоминаніе о Богѣ успокоило ее. Она усѣлась удобнѣе и стала смот-

рѣть въ пространство. Полежаевъ видѣлъ, какъ въ темнотѣ ночи сверкали ея ставшіе большими глаза, видѣлъ ея бѣлое, какъ у мертвой лицо и чувствовалъ, какъ она дрожала въ теплой шинели Коржикова.

Автомобиль скоро остановился. Они пріѣхали.

— Погодите одну минуту, сказалъ Осетровъ. Мнѣ надо все у себя подготовить.

Автомобиль застылъ на обледенѣлой улицѣ. Полежаевъ прислушивался къ каждому шороху. Каждую минуту грозила опасность. Убійства комиссара и члена чрезвычайки уже должны были стать извѣстными на квартирѣ Коржикова и можно было ожидать преслѣдованія. Во второмъ этажѣ тусклымъ краснымъ пламенемъ засвѣтилась въ окнѣ свѣча и сейчасъ же упала темная штора. Осетровъ прибѣжалъ сверху и принесъ мягкіе ботики.

— Одѣньте, барышня, сказалъ онъ, — пока такъ что-ль, на босую ножку, а то на лѣстницѣ грязно и сыро.

Съ Осетровымъ къ автомобилю подошелъ красноармеецъ съ ружьемъ.

— Онъ покараулитъ покеля, — сказалъ Осетровъ. — А то кабы чего не вышло. -- Ты, — обратился онъ къ красноармейцу ежели кто станетъ идти, патруль какой, или толпа, выстрѣли вверхъ, понялъ?

— Понимаю, мрачно сказалъ красноармеецъ,

— Я останусь тоже при машинѣ, сказалъ Полежаевъ.

— И то лучше, сказалъ Осетровъ.

Онъ почтительно повелъ Таню подъ руку черезъ дворъ на черную лѣстницу. Она шла покорно съ нимъ. За это время она такъ привыкла повиноваться чужой волѣ, дѣлать то, что ей приказываютъ, что и теперь она шла, отдавая себя тому, кто ее велъ.

— Осторожнѣе, барышня, тутъ еще ступенька. — говорилъ Осетровъ.

Дверь на квартиру была открыта. Черезъ двѣ темныя комнаты виднѣлась третья, тускло озаренная свѣчою.

— Вотъ барышня, я сготовилъ вамъ, что могъ. Кушайте на здоровье. Сейчасъ чайку вамъ, какъ нибудь согрѣю.

Осетровъ поставилъ на столъ тарелку съ хлѣбомъ и небольшимъ кускомъ копченой воблы, затѣмъ онъ открылъ ящики громаднаго коммода и сталъ выбрасывать изъ него на диванъ вороха дорогого батистоваго и шелковаго бѣлья, дамскіе чулки, юбки, кофточки, бальныя платья.

— Выбирайте, что по вкусу, — сказалъ Осетровъ. Все одно — бросить придется. Да не мѣшкая и поѣдемъ. Будьте спокойны — сюда никто не войдетъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и заперъ за собою дверь.

Таня осталась одна въ этой большой комнатѣ тускло озаренной одинокой оплывшей свѣчей. Она сѣла на широкую низкую богатую постель корельской березы съ бронзовыми украшеніями, небрежно накрытую голубымъ стеганымъ на пуху дорогимъ одѣяломъ. Вороха платья и бѣлья лежали передъ нею на диванѣ и на полу, на коврѣ. На туалетномъ столикѣ съ кокетливымъ приборомъ и большимъ зеркаломъ, у котораго стоялъ мягкій пуфъ, въ видѣ двухъ подушекъ, разрисованныхъ акварелью, печально, въ грязномъ мѣдномъ шандалѣ, горѣла свѣча и на тарелкѣ лежало два ломтя стараго чернаго хлѣба и кусокъ вонючей воблы.

„Чья, чья была эта комната? Кто спалъ законнымъ владѣльцемъ на этой постели?“ — думала Таня, нервно разбирая чужое бѣлье, — „чье, чье было это бѣлье, чулки, платья“?

Обстановка воровского набѣга ее смущала. Ничего не было подходящаго для дороги и побѣга.

Всѣ эти нѣжныя расшитыя цвѣтами и узорами прозрачныя рубашки не одѣвали, а раздѣвали. Сюда тащили то, что годилось для разврата и страсти. Отъ вороха бѣлья шелъ пряный ароматъ старыхъ духовъ. Иныя рубашки были ношенныя, не стиранныя. „Съ кого, когда и гдѣ были сняты онѣ? Быть можетъ, въ такихъ же подвалахъ, передъ разстрѣломъ".

Маленькіе, огрубѣлые пальцы Тани дрожали. Наконецъ она выбрала три рубашки, не ношенныя, показавшіяся ей болѣе скромными и осторожно, спуская свою длинную рубашку - саванъ, надѣла ихъ одна на другую. Пріятно охватилъ исхудалое тѣло душистый батистъ и напомнилъ давно прошедшія времена.

Чулки были тонкіе, шелковые, цвѣтные, ажурные съ вышитыми стрѣлами и цвѣтами. Таня надѣла три пары ихъ и все не могла согрѣть застывшія ноги. Она обула высокіе сапожки, надѣла юбки, кофточку, пригладила торчащіе волосы, подтянула ихъ черепаховой гребенкой и стала спокойнѣе. Она взяла кусокъ хлѣба и стала ѣсть... Животная теплота побѣжала по жиламъ... Сномъ казалась комната, воровски освѣщенная одинокою свѣчою съ роскошной постелью и ворохами сладко пахнущихъ бѣлья и платьевъ.

Въ дверь постучали.

— Можно?, спросилъ провожавшій ее офицеръ за дверью.

— Войдите, сказала Таня.

— Чайку принесъ вамъ, — ставя на туалетный столикъ три чашки съ чаемъ сказалъ вошедшій Осетровъ. — Всѣ три вамъ. Для скорости. Каждая минута на счету. Пейте скорѣе и ѣдемъ.

Чай прояснилъ мозги Тани. Она уже въ полномъ сознаніи закутала свои плечи дорогимъ оренбургскимъ платкомъ, покрыла ихъ широкимъ собольимъ палантиномъ, поверхъ одѣла широкій сакъ изъ каракуля.

— Одѣвайте, барышня. — Все пригодится. Вамъ на это жить придется еще сколько годовъ впереди. А мнѣ ни къ чему, — говорилъ подавая то ту, то другую вещь Осетровъ.

По настоянію Осетрова Таня поверхъ всего этого надѣла пальто Коржикова и, едва двигаясь, пошла за нимъ. Осетровъ шелъ впереди и свѣтилъ свѣчою на лѣстницѣ. На улицѣ все еще было тихо. Блѣдный шофферъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Полежаевъ и Желѣзкинъ стояли подлѣ и вглядывались въ темноту ночи. Гдѣ то, квартала за три, раздались два выстрѣла и опять стихло. Громадный городъ притаился и застылъ въ ночномъ тревожномъ оцѣпененіи.

— Наконецъ то, сказалъ Полежаевъ,

— Ничего, товарищъ, я ей паспортъ на всякій случай захватилъ. И для насъ взяты.

— Никто не видалъ?

— Товарищи знаютъ. Да, теперь все равно. — Желѣзкинъ, ты съ нами?

— Съ вами, Михаилъ Сергѣевичъ.

— Ну съ Богомъ!

Это забытое Русское слово странно прозвучало въ ночной тишинѣ изъ подъ красной звѣзды, сверкавшей на фуражкѣ. Шофферъ обернулся и посмотрѣлъ на Осетрова.

— Катайте, друже, по Забалканскому къ Петергофскому тракту... До Ораніенбаума бензина хватитъ?

— Должно хватить, — сказалъ шофферъ и надавилъ ногою на рычагъ автомобиля.

XXII

Темный городъ несся на встрѣчу. Автомобиль съ тускло свѣтящими фонарями качался и прыгалъ на выбоинахъ разбитой мостовой. У казармъ шатались какіе то люди, слышался пьяный крикъ.

Какая то женщина, то плакала, то ругалась самыми послѣдними словами, отбиваясь отъ красноармейцевъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ окраинамъ, тѣмъ становилось безлюднѣе. На Обводномъ каналѣ, пустомъ, безъ лодокъ и барокъ, не было ни души. У Балтійскаго вокзала проскользнуло нѣсколько темныхъ тѣней съ мѣшками и котомками и хрипло и порывисто свисталъ за высокимъ заборомъ паровозъ. Потомъ пахнуло свѣжестью осеннихъ полей, гнилою капустой, мусоромъ, крѣпкимъ запахомъ воды, камыша и моря: автомобиль катился по Петергофскому шоссе. Пошли пустыри, каменные верстовые столбы, раскидистыя бѣлоствольныя голыя березы, ивнякъ глухо шумѣлъ по канавамъ, пахло болотомъ, показались сады, дачи, бѣлыя ворота Сергіевскаго монастыря, дорога стала лучше, крѣпче, лужи на выбоинахъ сверкали бѣлымъ пузыристымъ льдомъ и трещали подъ автомобилемъ, потянулись темныя деревья парковъ, дачъ, пожарная команда, каменный мостъ надъ шлюзами, гдѣ глухо шумѣла, низвергаясь водопадами вода, а влѣво темнѣло широкимъ просторомъ Стрѣльнинское озеро, потомъ опять были дачи, поля и шоссе обступили кусты и деревья Михайловскаго и Знаменскаго парковъ. Старинныя ворота двумя каменными столбами приняли автомобиль и по обѣимъ сторонамъ тѣсно стали деревья парка Александріи. Пахло мохомъ, елью, сыростью, потомъ автомобиль запрыгалъ по выбоинамъ Петергофской улицы, пошли дачи, дворцы, плацъ...

Какъ все это было знакомо Танѣ, съ дѣтства родное. Свидѣтели ея игръ и шалостей съ братомъ Колей проносились мимо нея. Сколько воспоминаній возбудили эти темныя лиственницы и пихты, эти таинственныя ели Петергофскихъ ремизовъ! Здѣсь каталась она верхомъ на маленькомъ пони съ отцомъ и матерью, здѣсь они ѣздили въ шарабанѣ и здѣсь она ребенкомъ научилась

свято чтить Царскую семью... Образы отца, матери, ихъ лошадей, ея прелестнаго пони „Ральфа", образы брата, какъ призраки обступили ее. Ихъ всѣхъ покрывалъ призракъ того, кто царилъ надъ всѣми ними. Образъ царя, образы царей вставали передъ Таней, когда она мчалась по шоссе, приближаясь къ Петергофу. И всѣ они умерли!

Какое это все было родное и милое!.... Здѣсь на плацу учились кадеты. И Коля и Таня ходили смотрѣть, какъ перебѣгали кадеты въ бѣлыхъ рубахахъ, какъ штурмовали они дачу Мурузи..... Здѣсь бывали смотры и Concours-hippique и черезъ высокіе валы и заборы прыгали офицеры на нарядныхъ лошадяхъ. Въ Троицынъ день и въ день Петра и Павла гулко звенѣли колокола высокаго квадратнаго коричневаго собора и на плацу, украшенномъ зелеными гирляндами и пестрыми флагами появлялись прекрасные полки гвардейской кавалеріи. Были праздники, гремѣла музыка, слышалась пѣсня, а подъ вечеръ, по улицамъ въ разстегнутыхъ мундирахъ съ алыми лацканами ходили пьяные уланы и конногренадеры, но они не были страшны. Они улыбались глупыми улыбками и они были славными, добрыми Русскими солдатами.....

Это было тогда, когда двуглавый орелъ висѣлъ надъ дворцами, когда онъ покрывалъ крыльями своими древки знаменъ, когда онъ былъ на вывѣскахъ аптекъ и сверкалъ на золотой, серебряной и мѣдной монетѣ, когда считали на копѣйки и рубли и всѣ люди были сыты и счастливы.

......Теперь.... Когда они стали править.... Теперь, когда сбылись золотыя мечты молодежи, не стало царя и во главѣ народа сталъ Владиміръ Ильичъ, страшный, кровавый, пахнущій трупами идіотъ и негодяй, вознесенный на престолъ, что создали они?.....

Передъ глазами Тани поплыли призраки недавняго прошлаго.... Убійство Царской семьи.

Обгорѣлая поляна въ глухомъ лѣсу и поиски хотя чего либо, что сказало бы ей, что тотъ ужасъ, о которомъ шопотомъ говорилъ весь Екатеринбургъ былъ неправдой! Что живы они! Что кто то ихъ спасъ! Что этого не было.....

Потомъ почти два года при арміи Колчака. Жуткое сознаніе, что и тѣ, кто шелъ спасать Россію, кто называлъ себя „бѣлыми" — говорилъ плохо о Царѣ и постоянно повторялъ: — „къ прошлому возврата нѣтъ!" — А что же должно придти на смѣну этому прошлому?

Колчакъ преданъ союзниками и чехословаками и звѣрски разстрѣлянъ. Подло, гадко.... Кругомъ кровь, измѣна и подлость. Жизнь украдкой въ сибирской деревнѣ и медленное путешествіе на югъ. Куда нибудь, гдѣ есть Россія не потаенная, не замученная, не заѣденная вшами, не больная гноійными ранами, не затравленная и залитая кровью, но Русь свободная, гдѣ гордо рѣютъ Русскіе флаги и гдѣ можно говорить о прошломъ.

У Тани былъ покровитель. Влюбленный въ нее солдатъ красноармеецъ, жалкое полудикое существо, съ широкимъ скуластымъ лицомъ, покрытымъ глубокими оспинами провелъ ее, какъ нянька черезъ всю бушующую страстями Россію и доставилъ въ Москву.

......Встрѣча съ Пестрецовымъ. Пестрецовъ ей сказалъ, что ея отецъ будетъ служить въ Красной Арміи. Жизнь у тетки въ кривомъ переулкѣ на Арбатѣ, въ уплотненной квартирѣ, жизнь подачками отъ Пестрецова и продажей вещей тетки.... И все бы ничего, если бы не била и не гнела на каждомъ шагу страшная, неотвязчивая мысль: „что они сдѣлали съ Россіей"!....

Потомъ былъ арестъ, скучное пребываніе въ обществѣ тридцати женщинъ и наблюденіе, какъ подъ вліяніемъ голода, падали одна за другой и уходили на службу совѣтской власти. Извѣстіе о мученической смерти отца. Оно не произвело

впечатлѣнія. Голодная, оборванная, холодная Таня сидѣла въ тюрьмѣ и мысль ея притупилась и когда узнала она подробности смерти отца была только одна мысль въ ея мозгу и мысль эта была радостная и гордая: „не сдался отецъ не предалъ Христа. Умеръ, какъ и жилъ — героемъ". Таня знала, что ее ждетъ смерть и готовилась къ смерти. И тутъ было что то такое нелѣпо дикое, что теперь, когда почти годъ прошелъ съ тѣхъ поръ Таня вспоминаетъ объ этомъ и не можетъ понять, какъ могло все это быть.

Однажды утромъ къ ней пришелъ ея обожатель, красноармеецъ Ѳома Сисинъ. И онъ похудѣлъ и постарѣлъ какъ то. Изрытое лицо его, круглое, скуластое, безбровое и безусое, бабье лицо стало еще некрасивѣе и безпросвѣтная глупость еще тоскливѣе сквозила на немъ.

— А я тебѣ, товарищъ, вошу принесъ, — сказалъ онъ, доставая коробочку. — Хорошая воша, тифозная. Я досталъ у товарища, за большія деньги. Она испытанная. Кого укуситъ, безпремѣнно заболѣетъ. Такая воша... Пять красноармейцевъ черезъ нее отъ службы домой уволили, я для тебя досталъ.

— Зачѣмъ мнѣ?, — содрогаясь сказала Таня.

Круглое бѣлое лицо близко придвинулось къ ней, широкій ротъ открылся и обнажилъ рядъ рѣдкихъ гнилыхъ зубовъ.

— Тебя приказано въ Питеръ доставить.... Слышь, комиссаръ тебя пожелалъ въ содержанки взять. Значитъ...... будетъ.... Ну, а я не хочу. Хочу, чтобы ты чистая была. И, коли не я, такъ и никто другой.

Сисинъ говорилъ не стѣсняясь, все называя своими простыми мужицкими именами, какъ въ этомъ государствѣ говорили всѣ, потому что давно условія жизни стали таковы, что понятіе о стыдѣ утратилось.

— А вотъ ты эту вошу пусти, и, значитъ, тифомъ заболѣешь, а тамъ ничего тебѣ и не будетъ....

Таня пустила этихъ вшей. Таня была больна тифомъ. Таня лежала въ госпиталѣ съ обритой головой, Таня была при смерти....

.....„Двадцатый вѣкъ... Культура... Она ѣдетъ на автомобилѣ... Къ ея тѣлу мягко прижимается вышитый шелками батистъ, дорогой мѣхъ окуталъ ея шею. По морю скользятъ лучи прожектора, видны мачты безпроволочнаго телеграфа. Страна, по которой она ѣдетъ, — провозглашена самой свободной страной въ мірѣ, въ ней нѣтъ собственности, это соціалистическій рай, еще недавно въ ней былъ знаменитый англійскій писатель и восхищался ея устройствомъ и въ ней, для того, чтобы освободиться отъ самаго гнуснаго рабства, отъ позора гаремной наложницы, нужно было пускать на себя зараженную тифомъ вошь!....

....Европа! Торговыя сношенія, признаніе совѣтской власти и вошь спасительница!!

......Кошмаръ?....

Нѣтъ, торжество соціализма!

„Милый, Ѳома Сисинъ, а вѣдь ты спасъ меня"!

„И сейчасъ... кто эти люди, которые спасли меня. Этотъ молодой офицеръ, солдатъ худой и длинный, юноша шофферъ? Почему они спасли меня? Почему Полежаевъ съ ними? И Ника-ли съ ними, или они съ Никой"??

Они ѣхали полтора часа и она и слова не сказала съ Никой. Она боялась узнать подробности, боялась услышать, что онъ, кого она такъ любила, былъ съ ними, служилъ подъ краснымъ знаменемъ, поклонился діаволу.

Она очнулась отъ думъ. Автомобиль стоялъ среди поля. Недалеко былъ морской берегъ. Порывами налеталъ вѣтеръ, вылъ и шумѣлъ въ ушахъ и глухо рокотали волны.

— Ну что, другъ, и вы съ нами?, — сказалъ Ника, обращаясь къ шофферу.

Шофферъ смотрѣлъ на Нику и лицо его было блѣдно. Борьба шла въ немъ.

— Нѣтъ, — глухо сказалъ онъ. — Не могу. Мать у меня тамъ... братья маленькіе.

— Что же вы будете дѣлать?, спросилъ Полежаевъ.

— Отпустите меня. Вернусь къ Рахматову, разскажу все, какъ было. До утра за вами не поспѣютъ, а тамъ вамъ все равно ничего не будетъ.

— Пусть будетъ такъ, сказалъ Осетровъ. — Мальчикъ правъ. Если онъ удеретъ, его мать прикончатъ. А такъ пусть показываетъ. Открутится. Вылѣзайте, барышня. И слушай, Николай Николаевичъ, посиди здѣсь съ барышней немного, а я съ Желѣзкинымъ пойду отыскивать Топоркова. Вмѣстѣ то пойдемъ, напугаемъ его. Вѣдь я его и такъ два раза арестовывалъ, да все онъ откупался. Онъ н а ш ъ... Перевозомъ занимается. Десять тысячъ царскими беретъ за персону... Перевезетъ, а потомъ пьетъ мертвую. А офицеръ былъ... Кадровый... гвардеецъ... Дворянчикъ... Буржуй... Такъ до скораго... Крикну! гопъ-гопъ! отзовитесь.

Автомобиль повернулъ назадъ и скрылся въ темнотѣ ночи. Полежаевъ и Таня остались одни...

XXIII.

— Ника, какъ вы попали къ нимъ на службу?, — спросила Таня, садясь на большой плоскій камень на берегу моря.

Ночь была кругомъ. Темныя тучи неслись по небу, разрывались и тогда сквозь нихъ блестѣлъ мѣсяцъ. На мгновеніе вспыхивало серебряными отраженіями взволнованное море, показывались гряды бѣлыхъ гребней волнъ, песчаный берегъ, поломанный, увядшій, черный камышъ, кусты съ оборванными листьями, пригнутые порывами холод-

наго, пропитаннаго влагой вѣтра и сейчасъ же исчезали въ темнотѣ. Новыя тучи надвигались на мѣсяцъ и заслоняли мятущееся море и черную встревоженную землю. Кругомъ была пустыня. Темный лѣсъ шумѣлъ неподалеку и выли черныя сосны, точно проклинали свою судьбу. Нигдѣ не было видно ни огонька и на морѣ не горѣли огни проходящихъ судовъ. Съ шумомъ и шепотомъ катились волны, вставали черныя, косматыя, покрывались пѣною, сгибались и неслись прямо на Таню и вдругъ падали и покорно шипѣли по песку у самыхъ ея ногъ. Въ шубкѣ было тепло и мягко сидѣть. вѣтеръ не могъ пробить шерсть платка и щеки подъ нимъ горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Таня слушала плавный разсказъ Ники о всѣхъ событіяхъ трехъ съ лишнимъ лѣтъ. Они разстались дѣтьми, встрѣтились стариками. Передъ Таней вставалъ легендарный походъ дѣтей на Кубань, подвиги братьевъ Полежаевыхъ и Оли, она слушала разсказы про казаковъ, про то какъ просыпались и вставали станицы на Дону и Кубани и освобождался югъ Россіи.

— Какъ ждали мы васъ тогда... Осенью 1918 года. Отчего, отчего, Ника, вы не пришли тогда и не соединились съ нами?, прошептала Таня.

Тихо звучалъ голосъ. Онъ говорилъ о разногласіи и соперничествѣ вождей, о задѣтыхъ самолюбіяхъ, о честолюбіи наверху въ штабахъ, а внизу лилась драгоцѣнная кровь Русской молодежи и дѣтей. Онъ говорилъ, какъ кадеты и гимназисты спасали положеніе на фронтѣ, а потомъ, брошенные грабили жителей для того, чтобы питаться. Ника разсказывалъ, какъ исполнялись требованія англичанъ и французовъ и какъ за каждую винтовку и патронъ, за каждую рубашку, которой смѣняли лохмотья раненыхъ платили кровью казаковъ и добровольцевъ. Голосъ Ники дрожалъ, когда онъ разсказывалъ, какъ уходили къ Новороссійску и какъ шли они по грязной степи, а ихъ

обгоняли поѣзда, груженые разными вещами. Слезы звучали въ его голосѣ, когда онъ разсказывалъ, какъ стояли на молахъ и по улицамъ Новороссійска казачьи лошади и какъ волною проносилось по ихъ рядамъ печальное ржаніе и какъ плакали казаки.

— Таня . . . я убѣдился, что пока мы опираемся на Францію и Англію мы не спасемъ Россію. Это не въ ихъ интересахъ. Они ссорили между собою вождей, они сознательно разрушали казачество. И Франція и Англія всегда боялись казаковъ. Одной, они грезились съ войны 1812 года, другая боялась движенія новаго Ермака черезъ Афганистанъ на Индію. И тѣ, кто первый поднялъ возстаніе противъ насилій большевиковъ, кто боролся въ передовыхъ рядахъ три года, затирались и унижались. И вмѣсто дружбы и любви были зависть и злоба... Я видѣлъ, Таня, что и Врангель погибнетъ, потому что онъ не могъ работать самостоятельно. Онъ долженъ былъ прислушиваться къ общественному мнѣнію Парижа и долженъ былъ исполнять желанія французовъ. И, еще находясь на островѣ Халкѣ, я понялъ, что спасти родину можно только работая въ Россіи. Заграница и эмигранты могутъ помочь. Они могутъ искусственно создать въ Россіи свободу слова, то, что такъ необходимо для нея, они могутъ сберечь и сохранить спеціалистовъ и знанія, которыя намъ такъ нужны. Но и только. Я пошелъ сюда. Я пошелъ на тысячи мукъ и страданій душевныхъ, на вѣчный рискъ быть узнаннымъ и замученнымъ. Но настойчиво и постоянно я будилъ здѣсь Русскія чувства и я напоминалъ погибшимъ заблудшимъ людямъ только одно: что они Русскіе... Таня! Вѣрьте мнѣ! . . . Еще немного времени и Россія спасется. Уже близка она къ покаянію . . . А черезъ покаяніе найдетъ она и спасеніе. Когда?.. Какъ? . . . Еще не знаю, но думаю, что сегодняшнимъ моимъ поступкомъ, спасая васъ я положилъ начало и спасенію Родины . . .

Тѣснѣе прижалась къ нему странная фигура въ солдатской распахнутой шинели и мѣховой шапкѣ, окутанной платкомъ. Большіе глаза устремились на него и были видны только они, да прямой бѣлый носъ. Они любили другъ друга три года тому назадъ и всѣ три года черезъ множество лишеній, испытаній, опасностей и мукъ они пронесли свою любовь. И теперь не знали каждый о себѣ: — сохранилась ли эта любовь? Осталось ли въ Никѣ прежнее чувство страстнаго обожанія, преклоненія передъ нею — Таней Саблиной! Тогда она была дочерью извѣстнаго храбраго генерала, богатой невѣстой, дѣвушкой одного изъ лучшихъ домовъ Петербургскаго свѣта, прекрасной въ свои восемнадцать лѣтъ... Теперь, — ея отецъ замученъ и разстрѣлянъ. У ней не только ничего нѣтъ, нѣтъ ни дома, ни квартиры, ни имущества, но у ней нѣтъ и Родины. Она нищая, одѣтая въ краденое платье и, можетъ быть, тамъ, заграницей, куда бѣгутъ они, узнаютъ ея каракулевое пальто, ея ботинки, ея бѣлье и привлекутъ къ отвѣтственности. Ея юное тѣло завяло отъ голода и тифа, ея роскошные волосы острижены и застывшая кровь не въ силахъ заиграть румянцемъ на впалыхъ щекахъ... Какая она невѣста!

Ника смотрѣлъ въ ея лучащіеся любовью глаза и думалъ, что онъ недостоинъ ея. Да, онъ спасъ ее. Да, можетъ быть, уже завтра они будутъ свободны и въ свободной странѣ, но Родина не свободна и къ какому алтарю поведетъ онъ ту, которую любилъ больше всего и гдѣ совьетъ онъ свое гнѣздо?

Ихъ сердца бились одинаково. Одинъ и тотъ же гимнъ любви звучалъ въ ихъ душахъ и души ихъ, измученныя, изстрадавшіяся, истосковавшіяся, избитыя этою ужасною жизнью, души подобныя загнаннымъ на горной скалистой дорогѣ молодымъ лошадямъ, съ разбитыми въ кровь колѣнями, со стертыми холками, со страдающими

слезящимися глазами — были молоды и все также жаждали любви и счастья. И какая эта совершенная была любовь! Они были молоды и страсть могла кипѣть въ нихъ. Но вмѣсто жгучаго пламени страсти ихъ сердца были полны такимъ нѣжнымъ обожаніемъ, такою духовною любовью, передъ которою быстро сгорающая страсть ничто.

Передъ ними было темное море. Непріютное, некрасивое, грозное, плоское море. Кругомъ была разлита печаль сѣвера. Стлались къ землѣ гибкія сучья ивы, побурѣвшая трава была мокра и печальна, сухо шумѣлъ черный камышъ и стонали въ лѣсу темныя сосны. Все было черно и мрачно. Глухая осень говорила о смерти и кладбищемъ казалась земля.

— Какъ хорошо! — сказала Таня... Милый, какъ хорошо! Какое великое счастье свобода!... Мы ушли, мы ушли отъ нихъ. Отъ вѣчнаго страха быть выданной, замученной, убитой. Мы ушли отъ издѣвательствъ толпы, отъ надругательствъ звѣря... Какъ славно шумитъ море!... Какой пріятный запахъ воды, простора и воли... воли!!...

Сквозь темное небо, прорѣзая его, скользнулъ серебряный лучъ прожектора. Заискрились и мертвыми блестками, какъ гробовая парча серебромъ, заиграли подъ нимъ волны. Онъ скользнулъ по водѣ, уперся въ небо, что то искалъ въ косматыхъ, стремящихся на востокъ тучахъ, потомъ быстро понесся вдоль берега, озарилъ яркимъ свѣтомъ сосны и сильнѣе стала видна темнота лѣса. Выдѣлились прямые розовые наверху, голубо-сѣрые внизу стволы и качающіяся вершины деревьевъ, сѣрый заборъ сталъ видѣнъ и низкая избушка. Лучъ бѣжалъ по берегу и оживали и вставали, какъ призраки, какъ видѣнія предметы: перевернутый дырявый челнъ, лайба на берегу о двухъ мачтахъ, камень, песокъ и приникшая, растерявшаяся подъ вѣтромъ низкая, плоская трава.

Лучъ остановился на нихъ. Ярко вспыхнули глаза Тани и стала видна ихъ васильковая синева. заблестѣли завитки каракуля изъ подъ разстегнутой шинели и черная плоская костяная пуговица заиграла какъ зеркало.

Ника и Таня бросились на землю. И обоимъ сразу пришла мысль, заледенившая ихъ сердца: — «неужели ихъ увидали?»... И прошло нѣсколько секундъ, лучъ оторвался отъ нихъ и побѣжалъ шарить по волнамъ, сверкая на бѣлыхъ гребняхъ, а они все сидѣли молча и не могли оправиться отъ охватившаго ихъ ужаса. Сознаніе робко говорило имъ, что на двѣнадцать верстъ нельзя увидать сидящаго среди камней на берегу человѣка....

— Гопъ-гопъ! — раздалось неподалеку за ними.

— Гопъ-гопъ! — отозвался Ника и всталъ.

Осетровъ, Желѣзкинъ и еще какой то высокій одѣтый въ мужицкое платье человѣкъ приближались къ нимъ.

XXIV.

— Товарищъ Топорковъ, — отрекомендовался сухой бритый человѣкъ. Онъ плюнулъ, лицо его искривилось больною улыбкой и онъ сказалъ: — тьфу... привязалось таки это подлое слово и со своими не могу иначе. Поручикъ Топорковъ.

— Ну что же, ѣдемъ, — сказалъ, пожимая ему руку Ника.

— Сегодня не могу, товарищъ. Поздно, — это одно. Свѣтло будетъ, когда мимо Толбухина пойдемъ. Кабы предупредили меня, у меня готово было бы. А то за снастями идти надо. И вѣтеръ силенъ, и волна. Зальетъ. Не могу.

— А завтра поздно будетъ, — глухимъ голосомъ сказалъ Ника. — Вамъ Осетровъ разсказывалъ въ чемъ дѣло. Мы не обыкновенные бѣженцы.

— Самъ вижу, что комиссары. Дѣло мнѣ понятное. А только тонуть мнѣ за васъ не приходится. Да и вамъ я думаю не охота.

— Но какъ же быть?... За нами погоня.

— И хуже бывало, да не найдутъ. Вонъ Осетровъ то съ цѣлой ротой два мѣсяца тому назадъ шарилъ, а не нашелъ ничего, а у меня пять семействъ тутъ три дня погоды ожидало. Идите за мной.

Топорковъ долго велъ ихъ лѣсною глухою тропинкой. Шли молча, спотыкаясь о невидные корни и пеньки. Никѣ казалось, что это обманъ и предательство, что Осетровъ испугался и выдалъ его и что ихъ ведутъ въ какое нибудь „губчека", или просто на красноармейскій пограничный постъ. Таня шла впереди него мелкими шагами. Она такъ обезсилѣла, что едва двигалась, у ней шумѣло въ головѣ, темнѣло передъ глазами и никакихъ мыслей не было въ мозгу. Одно было: — она вѣрила этимъ людямъ, вѣрила, что они спасутъ ее.

Узкая, мокрая, глинистая дорога съ глубокими колеями, о которыя споткнулась и чуть не упала Таня, пересѣкла ихъ путь. Они пошли по ней, потомъ сошли въ лѣсъ и очутились передъ небольшой чистой избушкой.

Топорковъ постучалъ въ окно. Окно сейчасъ же открылось и лохматая голова появилась въ немъ.

— Вы, ваше благородіе? — сказалъ кто то съ нерусскимъ акцентомъ и пошелъ отворять дверь.

Черезъ часъ Таня, напившаяся молока, съѣвшая большой кусокъ хлѣба съ масломъ и два яйца, лежала на постели на своей шубкѣ, накрытая шинелью и крѣпко, безъ сновъ, спала. Ея спутники спали тутъ же на полу. Въ избушкѣ было тихо и мѣсяцъ чеканилъ черезъ окно на полу замысловатый узоръ сквозь мелкій переплетъ оконъ, заставленныхъ бальзаминами и геранью. Въ избѣ

стоялъ крѣпкій запахъ мужика, овчины и махорки.

Таня проснулась поздно. Былъ ясный морозный день. Въ окно были видны освѣщенныя солнечными лучами сосны, жердяной заборъ и огородъ съ черными ископанными грядами картофеля и кочерыжками снятой капусты. Буря стихала, но вѣтеръ былъ силенъ и лѣсъ шумѣлъ кругомъ. Таня долго не могла понять, гдѣ она находится и что произошло. Въ трехъ шагахъ отъ нея за небольшимъ столомъ сидѣли за самоваромъ Ника, молодой офицеръ, длинный солдатскаго вида человѣкъ и пожилой, весь въ морщинахъ эстонецъ, съ льняными волосами и голубыми свѣтлыми глазами. Онъ держалъ на растопыренныхъ пальцахъ жолтое блюдечко съ чаемъ и упорно, старательно выговаривая русскія слова говорилъ:

— А я говорю: все это ерунда. Чушь одна. Что за штука такая — Эстія? Не можетъ она безъ Россіи быть —, вотъ какъ рука безъ тѣла не можетъ. И Царя надо! Прежде то знали мы одного Царя, да одного губернатора, а теперь, ѣду это я по Ревелю, мимо парламента. Парламентъ подумаешь! Я же ихъ всѣхъ знаю! Все воры проклятые, дармоѣды... Чиновниковъ расплодили,—а мы содержи! Что же это возможно? это хорошо? Куда не приди вездѣ чиновникъ, или барышня машинистка и все на наши деньги! Ну, скажи пожалуйста, а войско!? Вѣдь сколько народа взято въ войско и все мало! Чуть что скажешь: — сейчасъ и обида: — мы демократы, а это молъ черносотенство! Въ Ревелѣ грязь, пакость, порядку нѣтъ и все одно раболѣпствуютъ передъ совѣтскими, какъ раньше никогда не раболѣпствовали передъ губернаторомъ. И хоть бы это господа были! А то Петроградскую гостинницу запакостили, загадили и все спекулируютъ, воруютъ. Развѣ это государство! За англичанъ уцѣпились. Въ праздникъ англійскіе матросы пьяные шата-

ются, народъ задѣваютъ, а мы молчи! Раньше Россія была — все своя, знали мы ее, а теперь — тьфу! Англичане. И все крадутъ... Кругомъ царь необходимъ. Безъ царя порядка не будетъ... Эти такъ смотрятъ — наворовать и уйдти. Ты гляди, — кто дачу строитъ? — народный избранникъ. Кто лѣсъ скупаетъ? — членъ правительства. Онъ знаетъ: — у него только сегодня, а завтра у него нѣтъ. Пока выборный, сидишь въ правительствѣ, — бери, хватай, — потомъ уйдешь — ничего тебѣ не будетъ, другой возьметъ. Царь то надолго смотрѣлъ. У него наслѣдникъ, ему, значитъ, охота все передать, чтобы въ акуратѣ было, по настоящему. Онъ и глядѣлъ, чтобы не крали... А этимъ — только о себѣ и думаютъ. Господи! — посмотрѣлъ бы во что желѣзную дорогу обратили, дачи запакостили, да и дачника нѣтъ, вмѣсто него бѣженецъ сидитъ. А бѣженецъ извѣстно: сундуки уложилъ и ему горя мало. Зимою заборъ, да что заборъ— мебель тянетъ, печи топить. Ему что! Онъ бѣженецъ — здѣсь разоритъ, дальше побѣжитъ. И никто ничего не дѣлаетъ. Все соберутся, говорятъ, говорятъ, сначала будто и путное что: — огороды, молъ, будемъ разводить, на лѣсопильни пойдемъ, а потомъ пойдетъ программа, станутъ говорить о политикѣ, переругаются и разойдутся...

Эстонецъ шумно выпилъ чай осмотрѣлъ всѣхъ голубыми глазами и сказалъ: —

— И что за штука такая политика, господа, — понять не могу. Раньше политики не было, а былъ пор-радокъ! Была подать, былъ урядникъ, ну, кто платилъ — тому ничего, кто не платилъ, извѣстно, хорошаго мало. Взятки тоже брали, да не грабили, какъ теперь. А теперь на все налогъ. И ничего нѣтъ, а что есть не укупишь. За керосиномъ пойдешь; — керосина нѣтъ. Грузія, молъ, воюетъ съ Совѣтами, черезъ то керосина нѣтъ, — а я и не слыхалъ, что керосинъ грузин-

скій. За бѣлой мукой пошлешь — муки нѣтъ. На Украинѣ, молъ, безпорядки, не даетъ Украина муки. Сукна дешеваго нѣтъ: — Польша отдѣлилась, воюетъ, мороженаго мяса сибирскаго и не жди... Что такое стало, житья нѣтъ. Все равно, какъ въ мужицкомъ хозяйствѣ, пока недѣлены были, были богатѣями, а какъ, значитъ, подѣлились и ни у кого ничего не стало. У одного къ примѣру плугъ, а у другого лошадь, а у третьяго борона. Пахать надо, а тотъ плуга не даетъ, а этому лошадь, вишь, жалко стало.,. Плохая, господа, политика. И плохо отъ нея крестьянину... Нѣтъ, безъ царя намъ никакъ не обойтиться! Потому, порядокъ нуженъ и всю эту сволочь разогнать надоть, а то облѣпили казну со своими бумагами.

Ника замѣтилъ, что Таня проснулась и пригласилъ ее къ столу. Желѣзкинъ и Осетровъ ушли, эстонецъ досталъ яйца, масло и хлѣбъ.

— На, барышня, кушайте на здоровье сказалъ онъ. — Ишь какъ исхудали, да блѣдныя какія! А тоже, поди, и вы здѣсь по дачамъ живали. Видать изъ господъ.

Таня сѣла къ столу.

XXV

День прошелъ въ томительной тревогѣ и волненіи. Начинали говорить о чемъ либо и обрывался разговоръ и вяли на губахъ слова.

— Постойте, господа..... Вы ничего не слыхали?, блѣднѣя сказалъ Осетровъ.

Ника вышелъ въ лѣсъ, прокрался на дорогу. Солнце скупо свѣтило, жирныя глинистыя жолтыя колеи блестѣли подъ его лучами, бурый верескъ, набухшій отъ дождя набѣгалъ на дорогу. Сквозь тонкіе стволы частыхъ сосенъ привидѣніемъ стоялъ черный можжевельникъ. Бѣлка, ломая сучья,

прыгнула отъ шаговъ Ники. Онъ вздрогнулъ и долго смотрѣлъ и слушалъ. Мѣрно шумѣлъ лѣсъ, то притихнетъ, тихо шуршитъ древесными вершинами, то зашумитъ сильнѣе, послышится скрипъ древесныхъ стволовъ и долго что то говоритъ лѣсъ шумливыми голосами густыхъ сосенъ.... Нигдѣ, никого.

Въ избѣ притихшiе ждали Нику Осетровъ, Желѣзкинъ и Таня.

— Нѣтъ, сказалъ Ника, это такъ, послышалось.

— Мнѣ показалось, что кто то кричалъ команды, сказалъ Осетровъ.

— А я слышалъ будто автомобиль.

Эстонецъ покачалъ головою. —

— Какой тутъ автомобиль, — сказалъ онъ. Тутъ топь такая кругомъ, что и телѣгою не проѣдешь. А то автомобиль! Да, вы, господа, не бойтесь. Коли поручикъ за это дѣло взялся, такъ онъ его проведетъ. Онъ вѣдь тоже головою рискуетъ.

— А вы давно знаете поручика?, спросилъ Ника.

— Пятнадцать годовъ. Во какъ!. — сказалъ, вытряхивая пепелъ изъ трубки эстонецъ. — Фельдфебелемъ въ его ротѣ былъ шесть лѣтъ. Онъ вѣдь неудачливый поручикъ то нашъ. Разжалованъ былъ и снова служилъ. Онъ то горя намыкалъ не мало. Въ Красноярскомъ пѣхотномъ полку не было противъ меня сурьезнѣе фельдфебеля! Послѣ пять годовъ въ Петербургской полицiи околодочнымъ служилъ. Полный бантъ за войну имѣю! Меня къ эстонцамъ на офицерскую должность звали. Да чего не видалъ! Служилъ Государю, а больше никому служить не желаю. Хаму не поклонюсь никогда! Демократiя! Демократическое правленiе! Равенство! А какъ явился я къ нимъ, такъ службой въ полицiи попрекать стали! Эхъ! люди!....

Разговоръ умолкъ и снова сидѣли на лавкахъ и ждали, когда смеркнетъ день, когда наступитъ часъ освобожденія.

Солнце спускалось за лѣсъ. Длинныя потянулись тѣни отъ сосенъ и красными стали стволы подъ закатными лучами.

— Пойдемте, сказала Таня Никѣ. — Посидимте, немного на воздухѣ. Душно здѣсь въ избѣ.

Они вышли за избу и сѣли, — она на пнѣ, онъ подлѣ, на песчаномъ обрывѣ. Лѣсъ все шумѣлъ и говорилъ свою длинную сказку. Въ свѣжемъ воздухѣ пахло морозомъ и терпкимъ запахомъ можжевельника, смолы, хвои и терпентина. Лужи затягивало ледкомъ и онѣ морщились и тихо потрескивали.

— Вы помните, Ника, — тихо проговорила Таня, какъ любили мы съ Олей наступать на ледокъ на лужахъ и слушать, какъ хруститъ онъ подъ каблукомъ.

— Да, Таня, помню, — коротко сказалъ Ника.

— Ника, послѣ долгой паузы сказала Таня и широко раскрылись ея глаза и будто два синихъ василька глядѣли изъ черной опушки длинныхъ рѣсницъ, — Ника что же это такое!?.. Было.... Было.... Было..... Вся жизнь въ воспоминаніи. А что же есть, что осталось? Господи! какъ подумаешь! Ни одной карточки папы, или мамы, ни одного портрета, ни крестика, которымъ крестили, ни колечка, которое подарила мама, никакой памяти не осталось отъ того, что было. Все пропало.... И точно не было ничего. Мама, папа, Коля.... Ваша сестра Оля, Павликъ — по всему свѣту, на томъ свѣтѣ и ни письма, ни телеграммы.

— Все вернется Таня, — ближе садясь къ ея ногамъ сказалъ Ника.

— Вернется, говорите вы.... — сказала Таня. — Нѣтъ Ника не вернется. Эти три года я ходила по деревнямъ. Нигдѣ никто ничего не знаетъ. Ночью постучишь въ избушку. „Пустите, Христа

ради!“ — „Проваливай матушка. Христосъ подастъ!“ И такъ это холодно, жестоко, грубо! А гдѣ пустятъ, войдешь, темная изба, лучина въ ставцѣ чуть тлѣетъ, холодно въ хатѣ и на стѣнѣ вмѣсто образовъ картина.... Изъ города, изъ господскаго дома, достаная. И вижу, что имъ она не нужна, вижу, что и имъ холодно и голодно живется. И молчимъ. Иногда всю ночь переночуемъ у нихъ, — и слова не скажемъ. Точно и не Русскіе люди это.... Ахъ Ника! что же это такое!

—Погодите.... Вернется, — глухо сказалъ Ника, и слезы клубкомъ стояли въ его горлѣ.

— Вернется.... А помните.... Глухою осенью у васъ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ.... Я ночую у Оли. И вышла раннимъ утромъ. На окнахъ каплями насѣлъ туманъ. Недвижныя стоятъ жолтыя березы, красный кленъ и лапчатый каштанъ наполовину потерявшій листья. Ахъ! какъ тихо кругомъ! Мокрый песокъ хруститъ подъ ногами. Туманъ стоитъ надъ землею и тонутъ въ немъ деревья парка, чуть намѣчается ограда его и густая стѣна жолтой акаціи. Царское Село еще спитъ. На улицахъ тихо, шоссе уходитъ вдаль и въ туманѣ черными силуетами стоятъ раскидистыя ели, за ними лугъ, тамъ дальше едва блеститъ маленькое озеро. И такъ хорошо, хорошо на сердцѣ. Такъ тихо! О Боже, какъ я любила тогда васъ всѣхъ, и папу и маму. Какъ я любила Царское Село!..... Теперь оно... Дѣтское село...... И я, не та.

— Таня!, — сказалъ Ника.

— Что дорогой мой?, поворачивая къ нему свое худое блѣдное лицо спросила Таня.

— Вы все та же.

— Ахъ нѣтъ, — нервно кутаясь въ платокъ сказала Таня..... Развѣ вытравишь изъ памяти позавчерашнюю ночь?..... А вотъ.... не помню. Какъ ярко, отчетливо стоятъ въ моей памяти воспоминанія далекаго дѣтства и какъ туманно то, что было такъ недавно. Какъ въ кошмарномъ снѣ я

вижу ярко освѣщенный низкій сарай, или погребъ, сыро, гадко и кругомъ люди. Жалкіе, нечистые люди. И я такая же.... Ногамъ холодно. Въ глазахъ рябитъ. Я не видала ничего. Я не знаю кого убили, кого нѣтъ.

— Вы молились, Таня?

— Молилась... Горячо молилась, Ника.... Ника, объ этомъ не говорятъ.... Я была тогда близка къ смерти и я почувствовала.... что смерти нѣтъ, есть безсмертіе.

— Вы ничего не видали.

— Нѣтъ.... Ничего... Но я чувствовала, какъ что то сладкое и сильное заливало мое сердце и я уносилась куда то изъ этого міра. Я не боялась мученій и тутъ увидала васъ.

— Вы узнали меня?

— Узнала и не повѣрила, что вы. Такъ было тяжело! Ника, Ника, еще разъ скажите мнѣ, что вы не были съ ними душою, ни одной минуты.

— Ни одной секунды, Таня.

— Вы думали этимъ путемъ спасти Россію?

— Я разочаровался спасти другимъ путемъ.... Таня.... Я хотѣлъ вамъ сказать.... Вы помните тотъ вечеръ въ Царскомъ Селѣ, когда Павликъ, Оля, я и вы мы поклялись спасти Государя....

— И не спасли.

— На все Божья воля!

Они примолкли. Красные лучи солнца уже поднялись по стволамъ и освѣщали только самыя вершины сосенъ. Внизу стлался туманъ. Сталъ слышенъ запахъ гніющаго камыша и моря.

— Таня, — прижимаясь лицомъ къ ея ногамъ, сказалъ Ника. — Видитъ Богъ, Таня, что я всегда былъ вѣренъ ему. Таня простите меня.

— Что же прощать?.

— Ахъ все... Всю жизнь... О! что это за жизнь была! Звѣриная жизнь... Таня, но теперь.. По новому, но мы вернемъ старое...

Таня вы одни и я одинъ. Гдѣ всѣ люди!.. Таня, будемъ вмѣстѣ и какъ только можно будетъ, мы обвѣнчаемся Таня... Милая, дорогая моя Таня...

— Куда уже мнѣ! Да развѣ можно любить такую, какъ я! И съ этимъ ужаснымъ прошлымъ.

— Прошлое забудется и будетъ, будетъ жизнь! Вѣдь, если не вѣрить и не ждать, то и жить нельзя.

— Что то завтра?, сказала Таня.

— Ахъ, что бы ни было!.. Но уже хорошо, что мы вмѣстѣ. Какъ я искалъ васъ, какъ ждалъ, какъ томился и вотъ случай... Этотъ... Но не буду вспоминать о немъ.

— Осетровъ хорошій человѣкъ, сказала Таня. — А вы знаете, я его видала разъ въ Царскомъ Селѣ, въ эти ужасные дни правленія Керенскаго. Я была съ Олей и миссъ Прокторъ. Онъ мнѣ показался отвратительнымъ.

— Онъ былъ такимъ. Онъ покаялся...

— Въ покаяніи спасеніе — такъ вѣрилъ Русскій народъ, задумчиво сказала Таня.

— Таня!

— Что дорогой мой?

— Таня. Я жду вашего отвѣта.

— Отвѣта... А развѣ нуженъ отвѣтъ? Если вы еще любите меня? Развѣ не сковала насъ жизнь и развѣ не буду я вамъ вѣчно благодарна за то, что вы меня спасли?

Она нагнулась къ Никѣ. Было уже совсѣмъ темно. Близко приблизились къ Никѣ ставшіе большими и темными глаза, маленькія руки охватили его шею и онъ почувствовалъ, какъ къ его губамъ прижались мягкія теплыя губы.

— Я была ваша, я осталась ваша, и я буду вашей, прошептала Таня... Да... да... дорогой мой?!

Она встала и быстро выпрямилась.

— Когда нибудь, — нервно сказала она, — мы разскажемъ нашимъ внукамъ, какъ, гдѣ и при

какихъ обстоятельствахъ вы сдѣлали мнѣ предложеніе... А-а, — простонала она... Но природа всегда прекрасна! Сосны... верескъ... Грязная, подмерзшая дорога, хрустящій ледокъ... И небо... вѣчно прекрасное небо... Зажглась звѣзда... Ночь наступаетъ!.. Холодно!.. Милый! Спасите, спасите меня. Избавьте меня отъ нихъ!

Таня упала на сильныя руки Ники и шатаясь, опустивши усталую голову ему на плечо тихо пошла къ дому.

Съ противоположной стороны къ дому подходилъ Топорковъ, онъ несъ на плечѣ палки, обмотанныя парусомъ.

XXVI.

Когда луна поднялась и засверкало и заискрилось въ ея лучахъ море, отчалили. Садились съ берега. Мущины, разувшись, брели до лодки по ледяной водѣ, Таню Ника донесъ на рукахъ. Ей было хорошо на его сильныхъ рукахъ. Ей казалось, что она маленькая и блаженное чувство свободы и безопасности охватило ее. На лодкѣ былъ мальчикъ чухонецъ. Онъ расперъ парусъ длинной тонкой косою райной и бросилъ веревки черезъ головы усѣвшихся на днѣ пассажировъ. Топорковъ устроился на кормѣ и взялся за румпель.

— Готово, господа, — сказалъ онъ. Ничего не забыли?

— Готовы, сказалъ Осетровъ.

— Ну, съ Богомъ.

Топорковъ снялъ фуражку и перекрестился, и всѣ за нимъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

Топорковъ подтянулъ парусъ и лодка дрогнула и напряглась. Ее поддало снизу набѣжавшей волной, еще и еще ударили по ней волны и разсыпались дождемъ, обдавши пассажировъ ледяными

брызгами. Серебристая струя пузырьковъ воздуха понеслась лучась и извиваясь за кормою, вздрогнула лодка подъ напоромъ вѣтра, заскрипѣла своими бортами, выпрямилась, еще и еще разъ вздрогнула и наконецъ окончательно повалилъ ее вѣтеръ, она легла на правый бортъ, накренилась, нагнулась и пошла, расплескивая носомъ шипящія волны. Быстро убѣгалъ берегъ. Кругомъ были черныя, шипящія волны, вспыхивающія въ лунныхъ лучахъ бриллiантами, кругомъ былъ мракъ и хаосъ и жутко становилось Танѣ.

Таинственный лучъ яркаго бѣлаго свѣта побѣжалъ откуда то издалека, вспыхнулъ на волнахъ, перебросился на берегъ и невидныя въ серебристомъ сумракѣ сосны вдругъ встали ослѣпительно яркія, волшебныя, не похожія на сосны. Берегъ оказался гораздо ближе чѣмъ думали. Лучъ быстро бѣжалъ по нему, соскользнулъ къ небу, точно и тамъ хотѣлъ что то отыскать и снова спустился на море и тамъ, куда онъ упадалъ, видна была кипѣнь волнъ. Онѣ казались громадными. Лучъ скользнулъ по лодкѣ, освѣтилъ на секунду блѣдныя напряженныя лица и снова покрылъ волшебнымъ покровомъ сверкающія, страшныя волны. И тамъ, гдѣ не было его свѣта, волны казались черными, тяжелыми, громадными, неживыми, застывшими. Онѣ непостижимо вставали и падали, черныя, жуткія, готовыя поглотить въ свою пучину и лодку и людей.

— Не найдутъ, — сказалъ спокойно Топорковъ, когда снова по лодкѣ скользнулъ лучъ прожектора. — Раньше, года два тому назадъ, звѣрями рыскали по морю, дѣйствительно опасно было. А теперь матросъ не тотъ. Дьявола забылъ, къ Господу Богу обратился. Въ Андреевскомъ соборѣ полно. Недавно архiерея изъ Петербурга вызвали. Поѣхалъ, Богу молился, думалъ, — на расправу. Толпы народа, цвѣты какiе набрали бросаютъ, карету прислали, покатили въ Соборъ. Въ Соборѣ

матросы, оркестръ „Коль славенъ“ играетъ. Послѣ службы всѣ подъ благословеніе. Стараго-то матроса разбойника почти не осталось. Кого на фронтѣ перебили, а кто нажился, разбогатѣлъ и въ деревню поѣхалъ свое хозяйство заводить. Теперешній матросъ и самъ не знаетъ, что онъ хочетъ. „Царя“, говорятъ, не хотимъ, — „а только и жиды намъ надоѣли на смерть. Хотимъ, чтобы совѣты были, но только безъ коммунистовъ“. При такомъ то настроеніи иной разъ мимо брандвахты въ ста шагахъ пройдешь, часового видать — вотъ онъ — рукой подать можно, а онъ и не крикнетъ ничего.

На днѣ лодки, у самаго основанія мачты, на подосланной шинели Коржикова сидѣла Таня. Полежаевъ сѣлъ рядомъ съ нею, заслоняя её отъ волнъ и вѣтра. Тѣсно прижалась къ нему худенькая дѣвушка и укутанная сѣрымъ платкомъ маленькая головка ея упала ему на плечо.

— Спитъ, — тихо сказалъ Топорковъ, глазами показывая Полежаеву на Таню. — Устала сильно, да и наволновалась вѣрно, дамочка ваша.

Полежаевъ посмотрѣлъ на Таню. Близко, какъ ребенокъ къ матери, довѣрчиво прижавшись къ нему, сидѣла, подогнувши подъ себя ноги Таня и крѣпко спала. Брызги волнъ упадали на шерсть ея каракулеваго сака и замерзали свѣтлыми бриліантами и отъ нихъ онъ казался серебрянымъ панцыремъ.

— Сестра?, спросилъ Топорковъ.

— Невѣста, тихо прошепталъ Ника.

— Давно знакомы?

— Съ дѣтства.

— Пусть спитъ, — сказалъ Топорковъ. — Это хорошо. Значитъ свободу почуяла. А вѣрно страдала въ коммунистическомъ раю не мало. Въ лицѣ — ни кровинки.

Шипѣли и пѣнились волны. Мрачную пѣсню пѣлъ вѣтеръ, свисталъ въ вантахъ мачты и разсказывалъ о далекихъ странахъ запада, гдѣ нѣтъ

диктатуры пролетаріата, гдѣ нѣтъ ни тюремъ, ни казней, нѣтъ ни холода, ни голода, но въ свободномъ трудѣ живутъ свободные люди.

Лодка трещала, падая на волны и серебряныя капли дождемъ разсыпались изъ подъ ея киля. За кормою сверкалъ, безконечной дорогой уходя въ тьму ночи, бѣлопѣнный слѣдъ, змѣился и вился по волнамъ. Тьма была кругомъ. На небѣ въ лунномъ сіяніи чуть намѣчались блѣдныя звѣзды и черное облако ползло по нему, подходило къ лунѣ и растворялось въ лунномъ свѣтѣ и сверкающими облачками нѣжно вилось подлѣ луны, золотымъ вѣнцомъ окружая ее.

Весь міръ для Ники замкнулся на одной квадратной сажени прыгаюшей по волнамъ лодки. У ногъ Топоркова, прижавшись къ лѣвому борту сидѣли Осетровъ и Желѣзкинъ. Топорковъ раскуривалъ трубку и, когда чиркалъ спичку, нагнувшись и закрываясь отъ вѣтра, вспыхивали и выступали изъ мрака блѣдныя лица Осетрова и Желѣзкина. Они сидѣли, не шевелясь и темные глаза ихъ неподвижно смотрѣли вдаль.

Далекимъ, скучнымъ и мрачнымъ казалась казарма коммунистическаго коннаго полка, загадочный, всегда на сторожѣ, непонятный Рахматовъ и наглый, смѣлый, самоувѣренный Коржиковъ. Третьяго дня ночью... Да,... и сорока восьми часовъ не прошло съ тѣхъ поръ какъ былъ этотъ кошмаръ... Онъ, Ника Полежаевъ, шелъ сзади Коржикова, а тотъ пристрѣливалъ блѣдныхъ, людей. Третьяго дня былъ живъ этотъ жалкій старикъ генералъ въ грязной рубашкѣ, съ розовыми голыми ногами, который, слезливо моргая, просилъ за сына... Былъ живъ офицеръ, нервно обдергивающій подштанники и старающійся сохранить горделивую осанку... Третьяго дня шумѣлъ за стѣною грузовой автомобиль, ярко горѣли электрическія лампочки, кто то истерично кричалъ, кто то плакалъ и черная текла кровь

изъ разбитыхъ череповъ. Таня стояла въ углу у стѣны и васильковые глаза ея, устремленные къ небу горѣли неземнымъ огнемъ. Съ плечъ свѣшивалась длинная рубашка и маленькія ножки пожимались на грязной землѣ. Надъ нею золотомъ сверкалъ вѣнецъ ея волосъ и казалась она иконой, написанной въ темномъ углу подвала... Третьяго дня отъ убилъ человѣка. Выстрѣлилъ ему въ лицо въ упоръ и не видѣлъ даже, какъ онъ упалъ.

Да было-ли это? Могло ли быть, чтобы на оттоманкѣ, покрытой дорогими коврами, задравши ноги лежала Дженни и щуря длинные косые глаза смотрѣла на рюмку съ ликеромъ, а подлѣ лежали убитые люди. Могло ли быть, чтобы заглушая стоны и хрипы умирающихъ людей въ двадцати шагахъ ругались и ссорились изъ за ихъ одежды Русскіе мужики красноармейцы!... Сонъ... Кошмаръ... Не могло этого быть, никогда не могло этого быть на яву...

Тамъ, куда онъ причалитъ и гдѣ спокойно и мирно живутъ люди онъ разскажетъ все это и ему не повѣрятъ... Да, не повѣрятъ, потому, что такъ невозможно все это.

А вѣдь было... И Коржиковъ былъ, и Дженни, и Рахматовъ, и старикъ, генералъ и его сынъ, и офицеръ въ одномъ бѣльѣ. Все это было и все это есть. На глазахъ у всего міра творится ужасное надругательство надъ людьми и міръ молчитъ.

Ника вздрогнулъ.

Нѣтъ — не надо думать объ этомъ! Было вѣдь и другое. была же опушка лѣса, осіянная золотыми лучами заходящаго солнца, были золотыя сосны, сѣрыя внизу и красныя на верху, синее гаснущее небо, свѣжій здоровый запахъ сосны и моря и тихія слова ласки. Вѣдь это — счастье!...

Счастье...

О! несмотря на всю яркость его, какое это блѣдное, одинокое счастье! Они только двое... И гдѣ отецъ, и братъ, и сестра, и гдѣ будутъ они счастливы? Среди чужихъ, холодныхъ людей, не дома, не на Родинѣ, не въ Россіи! Царь ихъ и его семья, тѣ, кто неразрывными узами съ дѣтства были связаны съ ними — кого учились почитать одновременно съ родителями умерли, какъ мученики, страдали безъ стона и думали только о Россіи. Россіи нѣтъ. И новое гнѣздо придется вить... Гдѣ?... Гдѣ придется вить? Кто приметъ ихъ, лишенныхъ самаго святого — Родины. Какъ отнесутся къ нимъ?!

Но гдѣ бы ни было это — онъ всю свободу используетъ на то, чтобы спасти Россію, освободить ее отъ дъявольскаго навожденія.

Онъ свободенъ... Онъ можетъ говорить все, что знаетъ, онъ можетъ, онъ долженъ разсказать все то, что онъ видѣлъ. Онъ своимъ именемъ назоветъ тѣхъ, кто уничтожилъ Россію!...

Шумитъ вѣтеръ, поетъ пѣсню въ вантахъ, шипятъ и плещутъ волны, а на душѣ покой и жажда скорѣе вступить на берегъ и почувствовать себя свободнымъ человѣкомъ.

XXVII.

— Берегъ видѣнъ!...

Полежаевъ вздрогнулъ и проснулся. Эти слова произнесъ хриплымъ утреннимъ голосомъ Топорковъ. Таня не спала и тихо сидѣла, оберегая сонъ своего жениха.

Мракъ отходилъ куда то вдаль и клубился туманами на горизонтѣ, стало дальше видно. Волны были графитоваго цвѣта, мельче и не на каждой шипѣлъ пѣнистый валъ. Лодка не рыскала и не билась по волнамъ, а шла ровно, чуть вздра-

тивая и вода шипѣла у ея носа. Впереди мутно сѣрѣла полоса берега, покрытаго снѣгомъ.

— Въ Финляндіи уже зима, сказалъ Топорковъ внимательно вглядываясь вдаль. Мальчикъ чухонецъ лежалъ на носу и смотрѣлъ подъ лодку.

— Камней много, — сказалъ Топорковъ, — приставать приходится гдѣ попало.

Бѣлый берегъ съ лѣсомъ, осыпаннымъ снѣгомъ надвигался и становился отчетливѣе. Сладко пахло зимою и хвоей и мертвая тишина была на берегу. Волна стала совсѣмъ мелкая, подъ килемъ заскрипѣлъ песокъ, лодка остановилась. Топорковъ свернулъ парусъ. Мальчикъ разулся и прыгнулъ въ воду. Ему едва закрыло колѣни. Онъ подтащилъ лодку ближе къ берегу и пошелъ къ лѣсу.

— Какъ мы попали . . . Туда-ли? Финляндія-ли? спросилъ Осетровъ.

— Анти пошелъ на развѣдку, сказалъ Топорковъ.

Прошелъ часъ ожиданія на берегу у вытащенной лодки. Потомъ пришли финны съ Анти и всѣ пошли въ какую то деревушку, а оттуда на военный постъ. Мрачный солдатъ въ нѣмецкой шинели, небрежно одѣтый, хрипло, по чухонски ругался и все поминалъ какого то лейтенанта. Было совершенно свѣтло. Блѣдное небо висѣло надъ лѣсомъ, вдали шумѣло море, ставшее темно синимъ, кругомъ былъ молодой чистый снѣгъ и звонко раздавались голоса людей въ морозномъ воздухѣ. Ребятишки шли въ школу и кидались снѣжками. Мохнатая собака прыгала за ними, виляя хвостомъ. Полежаевъ, Таня, Желѣзкинъ и Осетровъ сидѣли въ маленькой хатѣ, противъ нихъ сидѣлъ солдатъ и курилъ трубку. Въ небольшое окно виднѣлся снѣгъ, лѣсъ, голубое небо и синее море.

„Неужели свобода“?, думалъ каждый изъ нихъ. „Неужели въ прошлое отходитъ грязь и

мусоръ, голодъ и холодъ, вонь и мерзость существованія въ Россійской соціалистической федеративной совѣтской республикѣ, неужели не будетъ больше казней, разстрѣловъ, чрезвычаекъ"? Было жутко. Непріятенъ былъ солдатъ, хмуро и съ презрѣніемъ глядѣвшій на нихъ. Шли минуты, слагались въ часы, а ничто не измѣнялось въ ихъ положеніи. Наконецъ пришелъ лейтенантъ. Онъ былъ чисто одѣтъ, былъ молодъ, красенъ отъ мороза и свѣтлые глаза его нагло смотрѣли на „бѣженцевъ". Онъ притворялся, что очень дурно говоритъ по русски.

— Ню, эт-та глюпости совсѣмъ, — говорилъ онъ.—Паспорта подавай . . . виза... Надо пропускной постъ. Идите обратно. Откуда пришли. Я не могу пускайтъ. Тутъ и такъ все полно.

Осетровъ перемигнулся съ Полежаевымъ и увелъ финна въ другую комнату. Слышенъ былъ за дверью горячій голосъ Осетрова: — „я съ вами какъ офицеръ съ офицеромъ говорю . . . Дочь свитскаго генерала . . . Вы понимаете . . . Да . . . Да" . . .

Лейтенантъ быстро что то отвѣчалъ и говорилъ на чистомъ Русскомъ языкѣ. Часто слышались слова: „марки", „дороговизна жизни", „я бы купилъ", „если что либо цѣнное. Черезъ полчаса оба вернулись. Лица у убоихъ были красныя и довольныя.

— Ну, пойдемте господа, — сказалъ лейтенантъ. — Наша страна свободная и мы люди культурные. Мы понимаемъ, что надо спасать . . . Разстрѣлы, казни . . . Да, да . . . Это ужасно. Тутъ, господа, мы васъ устроимъ въ карантинѣ, а тамъ вы добудете визы и куда угодно . . . Только въ Гельсингфорсъ очень трудно . . . Ну да для васъ. я могу и это устроить. Я другъ Русскихъ. Я служилъ въ Русской арміи. Я люблю Россію!

Усталыхъ и голодныхъ путниковъ провели на большую дачу. Дача была населена. Изъ трубъ

валилъ дымъ. Какая то дама въ сѣромъ шерстяномъ платкѣ наставляла на крыльцѣ самоваръ. Два маленькихъ гимназистика выбѣжали имъ навстрѣчу.

— Изъ Совдепіи?, кричали они. — Давно оттуда? А кто такіе будете? А про Кормилицыныхъ ничего не слыхали? Купецъ такой. Онъ тоже бѣжать былъ долженъ.

Еще черезъ часъ, они уже освоились съ новою полусвободной жизнью паріевъ культурнаго міра — Россійскихъ бѣженцевъ. Пили за общимъ столомъ чай, складывались въ „коммуну" для довольствія, узнавали гдѣ и какія вещи можно продать. Таню помѣстили въ одной комнатѣ съ толстой дамой, раздувавшей самоваръ и оказавшейся богатой женщиной, дочерью генерала Мартова. У нея были крупныя деньги заграницей и родственники въ Гельсингфорсѣ, но она не могла получить визы, а родственники не могли пріѣхать за нею и она второй мѣсяцъ сидѣла на дачѣ, занимая по грошамъ у проѣзжавшихъ и услуживая имъ,— наставляя самоваръ, подметая комнаты, починивая бѣлье.

Комната у нея была маленькая, но въ ней было двѣ постели и одну она предложила Танѣ. При дачѣ былъ „комендантъ", котораго нѣкоторые называли „комиссаромъ", на что онъ обижался. Онъ подозрительно осмотрѣлъ Осетрова, Полежаева и Желѣзкина и сказалъ: — „ежели черносотенцы и монархисты, то воздержитесь, товарищи, отъ пропаганды. Я народный соціалистъ. Я крѣпко усвоилъ, что къ прошлому возврата нѣтъ и держусь завоеваній революціи. А между прочимъ позвольте представиться: штабсъ капитанъ Рудинъ".

Онъ помѣстилъ всѣхъ въ одной большой комнатѣ рядомъ съ комнатой Тани. Свободная постель была только одна: — ее отдали Полежаеву. Она стояла у большого окна безъ занавѣсей. Осе-

трову и Желѣзкину предоставили устраиваться на полу, на своихъ вещахъ. Кромѣ нихъ было еще три постояльца, ждавшихъ паспортовъ и визъ. Сѣдой старикъ купецъ, пожилой полковникъ и юноша офицеръ красной арміи, горделиво называвшій себя „дезертиромъ красной арміи". Онъ былъ болтливъ, пѣлъ частушки, собранныя имъ, какъ онъ говорилъ, со всѣхъ частей свѣта, аккомпанировалъ себѣ на балалайкѣ и говорилъ не умолкая.

— Обломки Россіи, Россійскій хламъ — говорилъ онъ. Здѣсь собрался камышъ поломанный волнами бури. Хмъ!, съ позволенія сказать — „Россійская республика". Онъ хмыкалъ носомъ и продолжалъ: — завоеванія революціи, чортъ возьми! Видали нашего комиссара, штабсъ капитана Рудина ?! Соціалъ-предателя: Комрайбѣжъ, что означаетъ комиссаръ Райяоккскихъ бѣженцевъ... А по моему помощникъ комиссара по морскимъ дѣламъ лучше, сочнѣе... Помкомпомордѣлъ... А? И вѣдь правда есть такой. Я вѣдь служилъ у нихъ.

Его никто не слушалъ. Онъ ерошилъ свои по коммунистически, съ челкой, остриженные волосы, принималъ идіотскій видъ и пѣлъ на всю дачу:

Прежде красились мы
        Бриллiантами,
А теперь мы живемъ
        Эмигрантами!...
Куда яблочко спѣшишь,
        Куда котишься,
Никогда ты домой
        Не воротишься.
Лагерь тутъ, лагерь тамъ,
        Всѣ мы Русскіе,
Молодцы стерегутъ насъ
        Французскіе!...

Было что то безобразно тяжелое, томительное въ этой пѣснѣ, она рвала сердце на части. День проходилъ безтолково, въ суетѣ, толчеѣ, ничего не

дѣланіи. Читали старыя газеты, разсказывали кто, какъ бѣжалъ, кого разстрѣляли, кто остался живъ. Пожилая дама знавала Саблина, была знакома съ Мацневымъ.

— Варвара Николаевна Мартова, представилась она Танѣ, добрыми глазами глядя сквозь очки съ большими круглыми стеклами. — Я вашего папу молодымъ офицеромъ знала. Онъ бывалъ у насъ. Я переписывалась въ нимъ. Я вѣдь лѣвая была. Соціалистка. Вѣрила во все это. Въ народъ ходила. Школьной учительницей была. учила народъ Царя ненавидѣть и въ Бога не вѣрить. Вотъ я какая была! А я вѣдь добрая была, хорошая... А такъ вотъ увѣрили меня, что такъ надо. Вотъ теперь вижу я, какъ ошибалась... А Мацнева на моихъ глазахъ убили. На границѣ. Онъ бѣжалъ. Жену его въ заложницы взяли, на Гороховую посадили. Она сознательно на подвигъ пошла, чтобы спасти его и дѣтей. Дѣти удачно прошли, а Ивана Сергѣевича по недоразумѣнію часовой застрѣлилъ... Да.., вотъ она революція, а какъ мечтали мы!...

Въ три часа дня обѣдали. Всѣ сидѣли вмѣстѣ за столомъ и двѣ барышни бѣженки подавали свою стряпню: Щи съ мясомъ и картофель. Потомъ до глубокихъ сумерокъ пили чай, разговаривали и строили планы — и все сводилось къ одному: когда же, наконецъ, можно будетъ вернуться въ Россію. Вихрастый молодой человѣкъ опять пѣлъ:

Куда яблочко спѣшишь
Куда котишься,
Никогда ты домой
Не воротишься!...

Дамы кричали ему, чтобы онъ замолчалъ.

— Что это Сеничка! Да бросьте вы! Эта пѣсня несчастіе приноситъ. Какъ споете ее сейчасъ у красныхъ какая либо удача будетъ.

— Серьезно, Семенъ Дороѳѣевичъ, — сказалъ пожилой господинъ въ очкахъ, съ черной бородой густо заросшей его щеки и подбородокъ, — бросьте, не до пѣсень вашихъ.

— Пою отъ радости, Александръ Александровичъ, — сказалъ смутившись юноша. — Радуюсь свободѣ.

— Ахъ и свободѣ не радуешься, — сказалъ пожилой господинъ. — Вотъ я, господа, инженеръ и инженеръ, не хвастаясь скажу, — съ именемъ. Бѣлолипецкій, — можетъ быть, вы слыхали? Бѣжалъ я и, какъ вы всѣ, и я свободѣ радовался. Прошелъ день, другой... И что же? Кровавые призраки замученныхъ жертвъ потянули меня на Родину. Они требуютъ возмездія. Тамъ мать моя, братья... Развѣ можно жить, развѣ можно дышать, смѣяться, пѣть, когда тамъ, за заливомъ, потоками льется Русская кровь, и шайка интернаціональныхъ мошенниковъ и жидовъ распродаетъ Россію оптомъ и въ розницу, а другая шайка такихъ же мошенниковъ заграницею покупаетъ ее, со всею ея кровью? Не знаю, какъ у васъ, господа, а у меня обрывается дыханіе, смѣхъ мретъ на устахъ, пѣсня не идетъ на умъ. Да вѣдь, если бы гибли только люди! О что люди! Люди смертны и имъ все равно, часомъ раньше, часомъ позже — это подробность. Нѣтъ гибнетъ то, что казалось вѣчнымъ. Санктъ-Петербургъ, мой родной городъ пустѣетъ, вымерзаетъ, разрушается. Гибнетъ старая Москва. Творчества нигдѣ, никакого. Все застыло и умираетъ. Историческія Русскія имена замѣнены крикливою пошлостью неистовствующаго хулиганства. «Проспектъ 25-го октября», «улица кровавыхъ зорь», «Дѣтское село», «улица Розы Люксембургъ», «Красноармейскъ» — Боже! до чего все это пошло! И вездѣ надменная хулиганщина топорщитъ и выявляетъ свою пошлость. Хулиганы отъ профессуры надругались надъ Русскимъ языкомъ, языкомъ Тургенева и Пушкина и заборная грамотность приви-

вается молодому поколѣнію. Хулиганы отъ литературы изощряются въ хвалебныхъ гимнахъ палачамъ и убійцамъ... Какъ жить! Боже сильный! Что же дѣлать, когда вернуться туда нельзя, — это вѣрная смерть, а оставаться здѣсь — умереть съ тоски по Родинѣ, по милому Невскому, по царственной Невѣ, по волшебной красавицѣ Ялтѣ, по всей горячо любимой, несравненной ни съ чѣмъ, великой Россіи! — И гдѣ же ея спасеніе? Какъ оно будетъ... И мнѣ кажется порою, что погибла она безвозвратно и не встанетъ никогда. И такъ горько, такъ тяжело... Нѣтъ, не пойте, Семенъ Дороѳѣевичъ, вашихъ пѣсенокъ намъ. Не до пѣсень. Погибла Россія.

Всѣ притихли. Глубокій, отъ сердца идущій голосъ трогалъ. Сумерки ползли въ комнату. Варвара Николаевна перетирала стаканы, сидя за самоваромъ. И вдругъ изъ глубины комнаты раздался мягкій спокойный голосъ.

— Нѣтъ Россія не погибнетъ. И она скоро спасется, сказалъ незамѣтно вошедшій священникъ.

— А, отецъ Василій! — раздались привѣтствія. Отецъ Василій! Ну разскажите, разскажите намъ какъ же спасется Россія?

XXVIII.

Варварѣ Николаевнѣ Мартовой казалось, что она не сорокапятилѣтняя старая дѣва, прожившая свою жизнь и бѣженкой сидящая за большимъ столомъ на холодной дачѣ въ Райяоккахъ, а молодая 20-ти лѣтняя курсистка Варя Мартова. И кругомъ нея не потрепанные жизнью и лишеніями, несчастные бѣженцы безъ Родины, безъ денегъ, оторванные отъ своего дѣла, а та шумливая, спорящая, лихая молодежь, что когда то смѣло рѣшала вопросы въ ихъ домѣ на Николаевской улицѣ и стремительно атаковала молодого корнета Саблина и съ налета уничтожала армію.

Такъ же молодо, шумно гремѣли голоса безпринципнаго, безконечнаго Русскаго спора, такъ же рѣшительны были сужденія и такъ же безцеремонно тянулись къ ней допитые стаканы.

«Какъ странно», думала Варвара Николаевна,— «вѣдь мы добились того, чего хотѣли въ тѣ молодые годы. Мы уничтожили Царя, уничтожили армію, мы подѣлили землю трудящимся, мы дали всѣ свободы народу — и вотъ сидимъ у разбитаго корыта. Мы мечтали объ интернаціоналѣ, о всемірномъ братствѣ народовъ и создали вмѣсто единой Россіи — всѣ эти Финляндіи, Эстіи, Латвіи, Польши, Бѣлоруссіи и другія государства, гдѣ съ нами обращаются, какъ съ паріями и держатъ насъ за рѣшоткой»....

Столъ былъ полонъ гостей. Изъ окрестныхъ дачъ пришли бѣженцы, узнавшіе, что есть еще перебѣжавшіе изъ Петербурга.

Споръ разгорѣлся отъ того, что батюшка, отецъ Василій, сказалъ, что Россія только тогда будетъ Россіей, когда она вернетъ себѣ Царя. Онъ сказалъ это тихимъ спокойнымъ голосомъ, самъ не ожидая въ какую бурю споровъ выраститъ его заявленіе, казавшееся ему неоспоримымъ.

— Нѣтъ уже это: — ахъ, оставьте, — завопилъ бѣженскій комендантъ, штабсъ капитанъ Рудинъ. — Этого никогда не будетъ! Народъ крѣпко станетъ на сторону завоеваній революціи и главное завоеваніе революціи: это уничтоженіе Царской власти.

— А кто пришелъ на смѣну?, грозно спросилъ его Бѣлолипецкій и придвинулся къ нему.

— Народъ, — не смущаясь сказалъ Рудинъ.

— Народъ!... народъ... народъ!..., передразнилъ его Бѣлолипецкій. — Да вы знаете, что такое народъ? А? Вы живали съ нимъ? Вы работали съ нимъ? Я то его, голубчика, знаю насквозь. Я помѣщикъ и инженеръ такъ и рабочаго и крестьянина

то повидалъ достаточно. Какіе его интересы, какія у него понятія, вы знаете?

— Что же развѣ виноватъ онъ въ томъ, что его держали въ темнотѣ столько вѣковъ, сказалъ Рудинъ.

— То то теперь онъ просвѣтлѣлъ! На митингахъ управлять государствомъ научился, — горячо сказалъ Бѣлолипецкій.

— Да, позвольте, господа, о чемъ вы спорите,— вмѣшался въ разговоръ помѣщикъ, сосѣдъ Ники по койкѣ. О какомъ народѣ вы говорите, я не понимаю васъ. Гдѣ это народъ у власти въ Россіи? Государя Императора смѣнило Временное Правительство во главѣ съ княземъ Львовымъ. Тамъ ни одного человѣка отъ народа не было. Все интеллигенція. На смѣну Временному Правительству явились народные комиссары, а тамъ, почитай все жиды. Гдѣ же народъ?

— Господа! господа! — съ возмущеніемъ въ голосѣ сказалъ невысокаго роста полный человѣкъ, рыжій, въ очкахъ и съ рыжей бородкой клинушкомъ. — Ужели и теперь вы будете утверждать, что евреи виноваты въ несчастіяхъ Россіи.

— Но, Абрамъ Іосифовичъ, факты на лицо, — сказалъ Бѣлолипецкій. — Въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ три четверти — евреи. Самодержцы Россійскіе: — Ленинъ — подъ сомнѣніемъ, а Троцкій и Зиновьевъ — евреи. Брестскій миръ заключилъ еврей Іоффе, иностранную политику дѣлаютъ и Россію продаютъ оптомъ и въ розницу Радекъ и Литвиновъ — евреи. Карлъ Марксъ — еврей. — Кажется довольно.

— Это, — сказалъ печально рыжій человѣкъ, — выродки еврейства. Силу народныхъ комиссаровъ составляетъ ихъ красная армія и чрезвычайныя комиссіи — безъ нихъ комиссары были бы давно сметены народными возстаніями. Но создавали и укрѣпляли красную армію Русскіе генералы и офицеры, въ ней за власть Ленина и Троцкаго

борются Русскіе солдаты и казаки. Во главѣ трибунала стоитъ не еврей, а полякъ Дзержинскій и подъ рукою у него палачи Петерсъ и Эйдукъ — латыши, а не евреи.

Никто ничего не сказалъ и на минуту въ комнатѣ наступила тишина. Голосъ рыжаго человѣка сталъ еще болѣе глубокимъ и скорбнымъ.

— За грѣхи этихъ выродковъ еврейства— евреи заплатили небывалыми въ исторіи погромами. Они разсѣяны изъ Россіи. Они, а не Русскіе, боролись активно съ народными комиссарами. Палача Урицкаго убилъ еврей Канегиссеръ и въ рядахъ добровольческой арміи не мало евреевъ отдало свою жизнь, сражаясь за Родину.

— Все это вѣрно, Абрамъ Іосифовичъ, сказалъ старый полковникъ, но долженъ вамъ сказать, что евреи — это то бродильное начало, это тѣ, такъ сказать, дрожжи, на которыхъ поднимается всякій Русскій бунтъ, всякое броженіе. Русскій народъ, какъ мука. Налейте воды и размякнетъ и дастъ тѣсто, ну пошумитъ тамъ что ли, но ничего не сдѣлаетъ, ну, а разъ появился, вы меня простите, я прямо скажу — жидъ — и забродилъ, поднялся и пошелъ очертя голову рубить сукъ, на которомъ сидитъ. Вы думаете: — Царя сослали бы? Да никогда! Самъ по себѣ Русскій народъ милостивый и великодушный. Не будь тутъ подъ бокомъ еврейскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, не будь этого ублюдка Керенскаго, — да князь Львовъ честь честью отправилъ бы Государя съ Семьею въ Англію и не сидѣли бы мы теперь у разбитаго корыта. А вы думаете безъ жида то Свердлова, безъ жида Юровскаго посягнули бы Русскіе люди на Государя?... Знаете, всякую пакость сдѣлали бы — а не это. Потому что Русскій народъ знаетъ, что все это временное... И придетъ Хозяинъ.

— Истинное слово, — воскликнулъ Осетровъ.

Ника съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Осетровъ даже всталъ отъ волненія и прошелся по

комнатѣ, встряхивая своими молодецкими кудрями. Варвара Николаевна не спускала съ него восхищеннаго взгляда, даже Таня любовалась имъ.

— Истинное слово, товарищъ!

Осетровъ смутился.

— Ну это я такъ. По привычкѣ. Извиняюсь.... Истинное слово. Я народъ Русскій доподлинно знаю. Выросъ съ нимъ. У папеньки извозчиковъ, да конюховъ человѣкъ до полутораста бывало. И съ разныхъ губерній. А я завсегда съ ими. Опять теперь въ красной арміи три съ лишнимъ года одною жизнью прожилъ, сколько народа повидалъ, со сколькими говорилъ. Русскій народъ — удивительный народъ. Батюшка! Отецъ Василій, помните, какъ чудомъ вы насъ добили?... А, дыкъ какъ же! Это, господа, очень даже замѣчательная исторія. Везли мы, значитъ, отца Василія, вотъ что съ нами сидитъ здѣсь, на разстрѣлъ. А онъ и яви чудо намъ. Автомобиль совсѣмъ поломался... Да, батюшка, вѣдь мы тогда Бога то почуяли. А Тереховъ то, матросъ, и правда, на Аѳонъ, въ монахи подался... Вотъ какъ... Ну это, къ слову. А я такъ понимаю... Вдругъ узнали бы люди, что Государь Императоръ Николай II живъ. Да... И, значитъ... Вотъ такъ же солнце заходитъ, закатъ золотитъ румяныя сосны и изъ дремучаго лѣса, съ Уральскихъ горъ выходитъ, значитъ, Государь. Босой, въ рубищѣ, опоясанный веревкой и какъ странникъ идетъ къ деревнѣ. И вотъ тамъ — ну, узнали его. По примѣтѣ что-ли какой такой неоспоримой. Такъ вотъ тогда то, — головою ручаюсь — взяли бы на руки, да народомъ то такъ до самой Москвы, до Московскаго Кремля и вознесли бы его. И всѣ ему поклонились бы. И красноармейцы стали бы на колѣни передъ нимъ. Царь Мученикъ! Да.... Ну... а явись онъ, или кто другой изъ Царской Семьи, опять съ генералами и помѣщиками во всей славѣ своей...

Осетровъ примолкъ, опустилъ голову и тихо отрывисто сказалъ.

— Убьютъ его снова... Потому: — не надо этого!

— Намъ, сказалъ вставая Желѣзкинъ, — своего Царя надо. Простого мужицкаго. Чтобы горе наше гореваньице понималъ. Онъ то, Николай Александровичъ въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ много горя повидалъ и чистымъ остался. Россіи, значитъ, ни капельки не измѣнилъ. Сказываютъ, нѣмцы за нимъ посылали, чтобы спасти его, а онъ и не поѣхалъ. Не захотѣлъ Россію покинуть. У насъ въ полку красноармейцы говорили:—«Коли объявится нашъ святой страдалецъ Царь — всѣ ему подъ присягу пойдемъ. Потому безъ царя намъ и земли не видать»....

— Вотъ, господа, именно это то я и хотѣлъ вамъ сказать, — проговорилъ изъ угла отецъ Василій, да вы мнѣ помѣшали.

— Говорите, батюшка, будемъ слушать, — сказалъ Бѣлолипецкій.

XXIX.

— Революція наша, или бунтъ, какъ хотите, такъ и называйте, — началъ отецъ Василій — возникла изъ: — утомленія войною и жажды мира во что бы то ни стало, во первыхъ; желанія крестьянъ захватить и овладѣть землею, на что болѣе ста лѣтъ ихъ натравливали баснями о томъ, что земли мало и куренка выпустить некуда — во вторыхъ, и въ третьихъ изъ за того, что рабочимъ внушили, что заводчики и фабриканты имѣютъ вслѣдствіе войны сверхъ-прибыль, а рабочіе голодаютъ и утѣснены. Сверженіемъ Государя и установленіемъ учредительнаго собранія надѣялись получить миръ, землю и капиталъ. Результаты вамъ извѣстны. Послѣ Брестскаго мира Русскаго солдата заставили воевать на двадцати фронтахъ и всѣ воюющія дер-

жавы уже третій годъ наслаждаются миромъ и покоемъ, одна Россія воюетъ. Россія распалась на множество отдѣльныхъ республикъ, чинящихъ другъ другу препятствія, не способныхъ къ самостоятельной жизни и обреченныхъ на гибель. Землю захватили безтолково и оказалось, что кто получилъ, а кто и свое потерялъ, фабрики погибли. Революція ничего не дала — и завоеванія революціи: — это громадный всероссійскій погромъ.

— Это уже слишкомъ! — воскликнулъ комендантъ. — Отрицать завоеванія революціи!

Отецъ Василій не обратилъ вниманія на возгласъ штабсъ капитана Рудина и спокойно продолжалъ: —

— Россія страна по преимуществу крестьянская и потому разрѣшеніе вопроса о землѣ — я поставлю въ первую очередь. Земли у насъ: — крестьянскія общинныя, крестьянскія собственныя, помѣщичьи вотчинныя, помѣщичьи благопріобрѣтенныя, удѣльныя, государственныя, войсковыя, монастырскія, городскія и т. д. Крестьянинъ желаетъ имѣть землю въ собственность — если даже и не личную, то по крайней мѣрѣ общинную. Соціалистическій принципъ, что земля, какъ воздухъ, — общая, — онъ не принялъ и онъ теперь точно понимаетъ, какъ онъ можетъ получить землю. О земляхъ крестьянскихъ я говорить не стану. Это вопросъ общины, волостного и сельскаго сходовъ. Тутъ, можетъ быть, и не безъ драки, но подѣлятся, но вотъ препоною является земля помѣщичья. Помѣщичью купленную землю крестьянинъ готовъ купить, даже больше — онъ съ нею мирится, и онъ можетъ купить землю, но вотъ съ землею вотчинною, жалованною за заслуги предковъ онъ мириться не желаетъ и ее то онъ и добивается. Я васъ прямо спрошу, кто ее можетъ дать? Давали ее большевики, давалъ ее панъ-гетманъ, давали Деникинъ и Врангель, давалъ Махно, — и ничего не вышло. Обѣщаютъ ее заграничные эмигранты, собраніе

членовъ Учредительнаго Собранія въ Парижѣ, члены Думы въ Парижѣ, сулятъ ее соціалисты революціонеры, кадеты, даже монархисты, о ней говорятъ на различныхъ съѣздахъ, совѣтахъ, объединеніяхъ, центрахъ и т. п., но крестьянинъ отлично понимаетъ, что это не прочно. И очень просто почему. Всѣ эти господа и учрежденія не имѣютъ права распоряжаться этою землею. Не они ее давали и потому они ее не имѣютъ права и отнять. Помѣщикъ не признаетъ ихъ постановленій и хотя крестьянинъ и будетъ фактически владѣть землею, онъ не будетъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не закрѣпитъ ее за нимъ тотъ, кто одинъ только имѣетъ право отнять эту землю у помѣщика и дать кому хочетъ — и это можетъ сдѣлать только — Царь.

— Какъ это просто! — сказалъ Бѣлолипецкій.

— Но позвольте, батюшка, — сказалъ помѣщикъ, и Царь не можетъ этого сдѣлать. Мы, дворяне Однодворцевы жалованы землями при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ за заслуги предковъ моихъ. Какъ же стереть съ лица земли заслуги ихъ?....

— Нѣтъ, нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! — закричалъ Бѣлолипецкій, — я согласенъ съ батюшкой. Князья и цари жаловали своихъ дружинниковъ землями за защиту ихъ и земли Русской отъ враговъ, а вы защитили ихъ? Нѣтъ, вы скажите, скажите — кто предалъ Государя?... Когда дворянинъ Родзянко въ Думѣ возмущалъ народъ противъ Государя, когда князь, чувствуете, князь Львовъ шелъ противъ Государя, когда дворяне Шульгинъ и Пуришкевичъ и воевода Рузскій везли Государю отреченіе. — А! Достойны ли они послѣ этого владѣть землями, жалованными ихъ предкамъ за вѣрность Государю... Правильно, правильно, батюшка! И, если Царь дастъ землю, — наступитъ успокоеніе въ крестьянской массѣ.

— Но, позвольте, — кричалъ помѣщикъ, — да вѣдь армія, рабочіе, чиновники и города подохнутъ

безъ насъ и безъ нашей земли. И они уже дохнутъ потому, что помѣщика прогнали.

— Простите, сказалъ отецъ Василій, — я не договорилъ. Царь можетъ, — и Царя послушаютъ, — Царь можетъ, давая землю крестьянамъ, закрѣпить опредѣленную часть земли за арміей, за рабочими и городами, такимъ образомъ, чтобы обезпечить хлѣбомъ и скотомъ тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ не можетъ лично трудиться на землѣ.

— И, конечно, отдать эту землю помѣщикамъ, — фыркнулъ и какъ то точно заржалъ штабсъ капитанъ Рудинъ.

Отецъ Василій опять не обратилъ вниманія на его выходку.

— Да, сказалъ онъ, — дать эти земли тѣмъ, кто умѣетъ вести широкое хозяйство, кто не истощитъ земли и соберетъ съ нея maximum урожая. Дать ученымъ агрономамъ, можетъ быть, и опытнымъ помѣщикамъ практикамъ.

— Это что то новое, — проворчалъ помѣщикъ.

— Да, — тихо сказалъ священникъ, — старою должна остаться только святая вѣра Христіанская, а строить жизнь во многомъ придется по новому.

— Ну, конечно, — ядовито усмѣхаясь, проговорилъ Рудинъ.

Отецъ Василій продолжалъ:

— Если будетъ Учредительное Собраніе, или Земскій Соборъ, или съѣздъ какой либо, если восторжествуетъ какая либо партія и поставитъ правительство со своимъ большинствомъ—порядка не будетъ. Будетъ борьба, что мы и видимъ вездѣ, гдѣ установился такой образъ правленія. Министры не прочны, никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и живутъ только сегодня. А вѣдь строить государство, такъ нужно на сотни лѣтъ впередъ думать. Вотъ, говорятъ, Романовы, Романовы, и такіе и сякіе они... А изъ хаоса смутнаго времени — такого же почти, какъ теперь хаоса вывели Россійскій корабль и довели до того, что сдѣлали первою держа-

вою въ мірѣ. А почему? Да потому что думали не на свой вѣкъ только, а на вѣкъ своихъ внуковъ и правнуковъ. Петръ строилъ Петербургъ и зналъ, что онъ то его не увидитъ во всей славѣ, да за то Александръ III его такимъ увидалъ... Только наслѣдственный Государь сможетъ примирить всѣхъ. Вы думаете президента Россійскаго признаютъ Эстія, Латвія, Грузія, Польша, Азербейджанъ, Аджарія, Дальневосточная республика и пр., и пр. Одни скажутъ:—«онъ слишкомъ лѣвый для насъ». Другіе скажутъ:—«онъ слишкомъ правъ». Третьимъ не понравится его происхожденіе, четвертымъ его рѣчь... Только Государь, избранный народомъ Русскимъ, или наслѣдственный монархъ — стоитъ надъ партіями. Только онъ можетъ творить. Ему покорятся сами всѣ тѣ, кто отъ него отложился. Да и отложились то не отъ него. Отложились отъ того хаоса, который сталъ на его мѣсто.

— Ахъ, какъ же! И когда же это будетъ! — сказалъ вздыхая Бѣлолипецкій.

— Мнѣ кажется, господа, вотъ какъ это будетъ, вдругъ сказалъ Ника.

— Ну, ну! — эко задорный какой, сказалъ старый полковникъ. — Ну, такъ, какъ же это будетъ, вчерашній коммунистъ!?...

XXX.

Но не успѣлъ Ника сказать ни одного слова, какъ его перебилъ пожилой профессоръ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Варварой Николаевной. Это былъ высокаго роста худощавый человѣкъ съ круглыми, выпяченными, какъ у рака, большими черными глазами, прикрытыми пенсне безъ оправы, съ узкою, клинушкомъ, бородкою и небольшими мягкими усами. Про него знали, что онъ не только профессоръ, но и академикъ, что онъ пріѣхалъ изъ Совѣтской республики свободно, всего третій день

находится въ карантинѣ и на завтра, по особой протекціи, долженъ получить свободу. Онъ много писалъ, но по такимъ сухимъ и спеціальнымъ вопросамъ, что никто не читалъ его сочиненій и они издавались Академіей Наукъ, какъ ученые труды. Онъ свысока окинулъ своими выпуклыми глазами все общество и сказалъ, важно и чуть чуть въ носъ, растягивая слова.

— Не глубоко, господа, все, что вы тутъ говорите. Показываетъ ваше малое знакомство съ совѣтской жизнью и совѣтскими дѣятелями. Очень просто сказать: «Ленинъ мерзавецъ и предатель.... кругомъ него хулиганы, палачи и убійцы»... Да... просто. Но это не правда. Вы, господа, не изучали соціализма. Вы не прошли по тому пути, который проложили намъ великіе свѣточи свободнаго народа. Отъ Бакунина къ Крапоткину, отъ Крапоткина къ Карлу Марксу. Вы проглядѣли міровое событіе, куда болѣе глубокое и важное, нежели Христіанская религія, вы совершенно не знакомы съ работами III интернаціонала, съ Циммервальдомъ и Кинталемъ. Вы не понимаете партійной жизни и той широкой эволюціи, какая произошла въ партіи соціалистовъ революціонеровъ. Ленинъ — міровой геній и къ нему нельзя подходить съ обывательскимъ аршиномъ. Съ обывательской точки зрѣнія: — убійца,— а съ точки зрѣнія науки человѣкъ, принужденный переступить черезъ кровь. Основы большевизма — это основы правильной, будущей жизни людей, безъ лжи и стѣсненій. Кто станетъ спорить, что капиталъ зло и онъ долженъ быть уничтоженъ. Это проповѣдывалъ даже Христосъ...

— Никогда Христосъ этого не проповѣдывалъ, — мягко возразилъ отецъ Василій.

Профессоръ посмотрѣлъ на него, блеснулъ стеклами пенсне и продолжалъ: —

— Религія и государство отжили свой вѣкъ и

пора приступить къ уничтоженію всяческихъ граней между людьми. Допустимъ, господа, что бѣлымъ удалось бы захватить Москву. Не вѣшать Ленина, не ломать то, что онъ создалъ, вамъ пришлось бы, но расширять. Землю уже нельзя отнять отъ тѣхъ, кто ею завладѣлъ. По праву, или нѣтъ, это не важно, но никакой Царь ее не отберетъ. Дома домовладѣльцамъ не вернете, потому что прочно укрѣпились въ нихъ домовые комитеты и не такъ то легко вамъ будетъ выгнать трудовой народъ, осуществившій свое право пользованія ими. Вамъ пришлось бы сохранить всѣ тѣ ячейки, — комитеты и совѣты, которые создали большевики, такъ какъ безъ нихъ все распадется. Къ прошлому возврата нѣтъ! Безполезно говорить о Царѣ. Мы, — интеллигенція, не допустимъ до этого. Новая Россія должна строиться на началахъ мартовской революціи и всѣ завоеванія революціи должны быть свято сохранены. Вся власть, — я допускаю, что временно она можетъ быть отобрана отъ большевиковъ, — но вся власть должна быть въ рукахъ демократіи и спасеніе Россіи только черезъ демократію. Правительства Деникина, Колчака и Врангеля строились на этихъ-же трехъ началахъ: — къ прошлому возврата нѣтъ, завоеванія революціи должны быть сохранены, и спасеніе Россіи въ ея демократіи. Но, говоря это, они, всѣ три, обманывали народъ, они были неискренни. Они стремились къ прошлому, начиная съ формы своихъ солдатъ и старой дисциплины и кончая водвореніемъ помѣщиковъ въ ихъ усадьбы. Выходилъ разладъ между словомъ и дѣломъ, выходилъ обманъ и ихъ дѣло рушилось. Правды не было. А народъ жаждалъ правды и не находя ея, разочаровывался въ правителяхъ и правительствахъ. Большевики искреннѣе. У нихъ дѣйствительно все новое. Народъ во всемъ видитъ желаніе двинуться по новому пути. Возьмите народные университеты...

— Съ замерзающими голодными профессорами и неграмотными студентами, — сказалъ помѣщикъ.

— Возьмите стремленіе создать электрофикацію, продолжалъ профессоръ.

— Транспортъ сталъ, поѣзда не ходятъ. Города въ темнотѣ. Старыя электрическія станціи разрушаются, а они повѣсятъ лампочку въ хлѣву и рады, какъ дѣти, сказалъ Бѣлолипецкій.

— Господа, вы не даете мнѣ говорить, — воскликнулъ профессоръ. — Дома отдыха для рабочихъ.

— Запакощенныя, ограбленныя дачи, изъ которыхъ сознательный пролетаріатъ тянетъ на рынокъ все, что только можно украсть и унести, — крикнулъ Осетровъ.

— Это неправда.

— Правда,—сказалъ Осетровъ. — Самъ тянулъ.

Шумъ поднимался за столомъ.

— Большевики приняли тяжелое наслѣдство, разоренную войною и царскимъ правительствомъ Россію, — пытался говорить профессоръ.

— Да вы кто, большевикъ? — закричалъ помѣщикъ.

— Господа, дайте человѣку говорить, — сказалъ Рудинъ. — Изъ столкновенія мнѣній родится истина.

— Вы желаете видѣть только оборотную сторону медали, только чрезвычайки и разстрѣлы совершаемые несознательными агентами большевизма, а вы посмотрите на работу, — говорилъ профессоръ.

— Почему же вы бѣжали изъ Совдепіи? — спросилъ помѣщикъ.

— Почему окружена она непроницаемой стѣною и ни въѣзда, ни выѣзда изъ нея нѣтъ, — сказалъ Бѣлолипецкій.

— Это неправда, — воскликнулъ профессоръ.— Государства Европы, лучшіе умы міра Ллойдъ-

Джорджъ, графъ Сфорца широко открыли двери молодому правительству. Европа...

Но его перебилъ вдругъ вставшій изъ темнаго угла коренастый могучій человѣкъ, съ большою головою, на которой путанно росли рѣдкіе черные волосы, съ черными усами и небольшою бородою и съ широкимъ выразительнымъ чисто русскимъ румянымъ лицомъ.

— Не говорите мнѣ о Европѣ, желчно воскликнулъ онъ.

— Писатель... писатель... говоритъ писатель, — шорохомъ пронеслось по комнатѣ и всѣ притихли. Это былъ авторъ сильно нашумѣвшаго въ 1905 году романа и стихотворенія, напечатаннаго въ 1911 году, Въ романѣ и стихотвореніи пророчески ясно было предсказано предвидѣніемъ таланта то, что дѣлалось теперь въ Россіи.

Всѣ насторожились. И даже профессоръ, почуявъ достойнаго противника, притихъ.

Писатель нервно взъерошилъ свои волосы. Онъ говорилъ желчно, прерывисто, мучительно переживая и страдая самъ отъ своихъ словъ.

— Европа.... — кинулъ онъ и помолчалъ одну секунду, будто ловя мысли въ большомъ черепѣ своей характерной головы... — Ужасно то, что настроеніе умовъ и направленіе міровой политики въ настоящее безумное время, я бы сказалъ — авантюристическое, ведущее родъ человѣческій къ самоистребленію. Можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ высшія причины, космическія — что ли, которыя внѣ нашего изслѣдованія, сильнѣе нашей воли, нашего ума, можетъ быть, мы не въ силахъ имъ противиться?!... Но у всѣхъ заправилъ міровой политики, у всѣхъ этихъ Ллойдъ-Джорджевъ, Бріановъ, Джіолитти и другихъ, во всемъ красной нитью проходитъ одно: — всѣми способами доканать Россію... Уничтожили великую Россію, всѣмъ страшную, всѣмъ заступавшую дорогу и надо бы остановиться. Такъ казалось бы! Вѣдь она уже на много десяти-

лѣтій обречена залѣчивать свои ужасныя раны и никому не страшна. Такъ нѣтъ: идетъ походъ противъ самого Русскаго народа, противъ его существованія. Длительнымъ распятіемъ, муками, пытками, голодомъ, болѣзнями, каторгой и подлыми подвохами противъ тѣхъ, кто идетъ на спасеніе Родины, какъ то было съ бѣлыми нашими арміями, хотятъ уже вбить осиновый колъ въ могилу Русскаго народа. Вѣдь это уже походъ противъ самой жизни. Такой безжалостности, такого озвѣрѣнія исторія человѣчества примѣровъ не дала. Замѣтили ли вы, что муки колоссальнаго по численности Русскаго народа, который красныя власти истребляютъ, какъ насѣкомыхъ, не только никого въ культурномъ человѣчествѣ не возмущаютъ, но ихъ какъ будто не замѣчаютъ. Какъ будто такъ и быть должно, а не иначе... У меня въ памяти маленькая параллель: когда младо-турки свалили Абдулъ-Гамида, то въ своемъ усердіи по насажденію европеизма въ Константинополѣ, переловили всѣхъ бродячихъ уличныхъ собакъ и перевезли ихъ на пустынные скалистые острова на Мраморномъ морѣ. Собаки, обреченныя на голодную смерть, перегрызли другъ друга и, конечно, всѣ подохли. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ европейская пресса кричала о гуманитарныхъ принципахъ цивилизаціи, о двадцатомъ вѣкѣ: въ журналахъ даже появлялись изображенія тощихъ, несчастныхъ собакъ, клеймили варварскіе пріемы младо-турокъ и т. д..... Теперь многомилліонный великій народъ поставленъ въ положеніе несравненно худшее. Ему не даютъ работать, дышать, его пытаютъ, разстрѣливаютъ и гуманный христіанскій міръ ни гу-гу!.... Значитъ, мы въ глазахъ «высшихъ» человѣческихъ расъ ниже цареградскихъ бродячихъ собакъ, мы.... — насѣкомыя и при томъ, вѣроятно, вредныя, которыхъ надо истреблять самымъ возмутительнымъ образомъ. Иначе міровая совѣсть не допустила бы такого издѣвательства и истребленія, иначе дол-

женъ бы быть крестовый походъ противъ душителей... Я лично думаю, что совѣсти у современнаго культурнаго человѣчества нѣтъ... Но, гдѣ же разумъ!?

Писатель остановился и сталъ на фонѣ окна. Чернымъ силуэтомъ вырисовывалась вся его крѣпкая фигура. Въ комнатѣ было почти темно. Всѣ сидѣли молча, повернувшись къ нему. У Вари Мартовой, у Тани, у какой то блѣдной дамы въ рваной кофточкѣ слезы текли изъ глазъ. Голосъ писателя достигъ высшаго напряженія. Онъ говорилъ, какъ пророкъ. Слушавшимъ его казалось, что онъ какъ будто слушаетъ кого то издали и повторяетъ его слова. Мистическій ужасъ закрадывался въ сердца многихъ. Желѣзкинъ и Осетровъ смотрѣли въ упоръ въ его глаза и стояли за стульями, впившись пальцами въ спинки ихъ и тяжело дышали. Потъ проступилъ на лбу Желѣзкина. Священникъ, отецъ Василій, всталъ со своего мѣста и незамѣтно подошелъ къ писателю, какъ будто бы онъ боялся пропустить каждое его слово, звукъ его голоса.

— Какъ, — задыхаясь проговорилъ писатель, — какъ заправилы міровой политики не поймутъ, что еще годика три, четыре «правленія» и «опытовъ» большевиковъ въ Россіи и міръ, по крайней мѣрѣ европейскій начнетъ буквально дохнуть отъ голода! Всѣ ихъ хваленыя фабрики и заводы станутъ и вынуждены будутъ цивилизованные обыватели ходить въ костюмахъ индѣйцевъ южной Америки — въ однихъ поясахъ. Но вѣдь это не по климату!... Я не говорю уже объ общемъ политическомъ крахѣ.... А они... Они, вмѣсто того, чтобы гасить пожаръ у сосѣда, ограничились тѣмъ, что тащутъ уворованное съ пожарища... Или они — жалкіе людишки... или я рѣшительно ничего не понимаю....

— Но эта грядущая картина мірового развала,— тихо, чеканя каждое слово, договаривалъ писатель,

— стоитъ у меня передъ глазами... Допустимъ, что я фантазеръ... Но вѣдь нѣкоторыя мои фантазіи, черезъ нѣкоторый и, не такъ уже большой, промежутокъ времени воплощались въ ужасную дѣйствительность...

Онъ замолчалъ. Никто не возражалъ. Тяжелая подавленность была въ комнатѣ. Не было надежды, не было просвѣта для всѣхъ этихъ людей, только что покинувшихъ Родину и такъ мечтавшихъ снова идти туда, гдѣ у нихъ былъ домъ, гдѣ остались родныя могилы.

— Есть Богъ!, —тихо началъ отецъ Василій, но каждое слово звучало отчетливо въ большой комнатѣ. — Неисповѣдимы пути Божіи... Мы не знаемъ для чего это все... Мы не знаемъ, какъ изживемъ мы свое горе. Онъ знаетъ...

Отецъ Василій тяжело вздохнулъ....

— Много крови я вижу тамъ... Но уже меньше невинныхъ жертвъ. Часъ расплаты близокъ.

— Какъ?... Какъ, батюшка, это будетъ?, задыхаясь спросилъ Осетровъ.

— Намъ не дано этого знать, — сказалъ отецъ Василій и тихо вышелъ изъ комнаты.

Ночь уже наступила. Послѣ тѣхъ ужасныхъ откровеній, которыя сказалъ писатель никто ничего не могъ сказать. Правда звучала въ каждомъ его словѣ, безнадежная, тяжелая правда, ее сознавали всѣ и не вѣрили ей, искали спасительнаго обмана, надѣялись на здоровый эгоизмъ англійскаго народа, на рыцарскую честность французовъ, на благородство нѣмцевъ, на человѣколюбіе американцевъ, на задоръ японцевъ. Видѣли во всѣхъ поступкахъ, во всѣхъ событіяхъ противное и все таки чего то ждали. Писатель рѣзко снялъ мечты и показалъ суровую дѣйствительность.

Расходились подавленные.

XXXI.

Полежаевъ простился съ Таней. Пора было идти спать. Керосина на дачу не отпускалось и съ наступленіемъ темноты всѣ забивались по своимъ угламъ, стараясь согрѣться и заснуть.

Купецъ и полковникъ улеглись на своихъ койкахъ. Желѣзкинъ уже спалъ на полу. Осетровъ долго возился, примащивая себѣ изголовье изъ своего кителя, маленькаго чемодана и вороха соломы. Наконецъ и онъ угомонился.

— Ты, Николай Николаевичъ, шопотомъ сказалъ онъ Никѣ, тоже поберегай мой саквояжикъ. Въ немъ всѣ наши капиталы... Пригодится... Теперешнему народу вѣрить нельзя. Онъ полковникомъ называется, а воромъ окажется. Видали мы ихъ... Или вотъ какъ этотъ профессоръ. Видать — отъ комиссаровъ закупленъ, чтобы пропаганду дѣлать.

Ника лежалъ, обернувшись лицомъ къ окну. Онъ видѣлъ, какъ за моремъ, чернѣвшимъ за бѣлой полосою снѣгомъ покрытаго берега всталъ и тихо поплылъ по небу круглый полный мѣсяцъ. Парчевая дорога побѣжала отъ него по морю и дошла до самаго берега. При свѣтѣ мѣсяца все перемѣнилось и стало волшебнымъ. Голыя деревья маленькаго дачнаго палисадника казались фантастично прекрасными, садъ больше, глубже, полнымъ таинственныхъ уголковъ. Въ тишину комнаты сталъ доноситься ропотъ волнъ морского прибоя и звенѣли маленькія льдинки, ломавшіяся у берега. Большой камень, усыпанный снѣгомъ, лежавшій на берегу, сталъ казаться прекрасной серебряной скалой.

Какой то тонкій голосъ вдругъ остро пропѣлъ надъ самымъ ухомъ Ники:—и-ти-и-и-ть... Никѣ казалось, что онъ не закрывалъ глазъ, а между тѣмъ, вѣроятно, отъ дѣйствія лучей мѣсяца, многое измѣнилось. Море, мѣсяцъ, отраженіе его, уходящее далеко, далеко и сверкающее зыблящейся пар-

чей, камень похожій на серебряную скалу, деревья палисадника, переплетъ большого дачнаго окна, отъ котораго тянуло холодомъ зимней ночи — все это исчезло. Шумѣло не море, а шумѣла и гомонила толпа. И Ника не лежалъ въ постели, а стоялъ въ этой толпѣ, жадно прислушиваясь къ тому, что говорили въ ней, внимательно оглядываясь кругомъ. Да... только при лунѣ бываютъ такія превращенія, или, пожалуй, во снѣ. Еще слышался мѣрный голосъ профессора, говорившаго о томъ, что къ прошлому возврата нѣтъ, о завоеваніяхъ революціи и страстно говорилъ свои жестокія,бичующія слова правды писатель, но уже и ихъ не было. Не зимняя лунная ночь въ Финляндіи на берегу залива, съ ея тихими шорохами и вздохами, съ ея молчаніемъ и тишиною была кругомъ, но свѣтило яркое жгучее южное солнце. Кругомъ была степь. Степные тюльпаны пестрымъ ковромъ покрывали равнину, цвѣли лазоревые цвѣты, а вдали ровное поле казалось синимъ. Эта широкая равнина безъ балокъ и горъ ровно подымалась кверху, къ самому небу и сходила внизъ и внизу ей не было конца. Посерединѣ ея стоялъ античный портикъ. Тонкія изящныя колонны бѣлаго мрамора поддерживали его. Подъ ними была мраморная трибуна съ барельефами, а вправо была большая ложа. Въ ложѣ сидѣли люди. Ника узналъ ихъ. Ближе всѣхъ, опираясь о мраморную доску барьера, сидѣлъ въ обычномъ своемъ сѣромъ пиджакѣ Владиміръ Ильичъ. Его круглое, идіотское лицо, съ маленькими узкими глазками хитро, иронически улыбалось. Рядомъ, выпятивши впередъ рыжеватую бородку, стоялъ Троцкій, дальше виднѣлись черные бакены Зиновьева, красивый профиль Стеклова. Всѣ народные комиссары собрались сюда, чтобы послушать, что будутъ говорить покорные имъ Русскіе люди. Толпа матросовъ «клёшниковъ», въ широкихъ, раструбами книзу, штанахъ стояли правѣе всѣхъ. Рядомъ съ матросами были красноармейцы

въ разнаго вида шинеляхъ, дальше стояли рабочіе и крестьяне. Несмотря на многолюдство — мертвая тишина стояла въ степи. Ни слова, ни звука, ни вздоха не было въ толпѣ. Блѣдныя, угрюмыя, растерянныя лица были кругомъ Ники. Голодомъ и порокомъ дышало отъ нихъ. Многія были въ рубищахъ, босые, другіе, напротивъ, щеголяли богатыми одеждами, носили драгоцѣнные камни на пальцахъ. Солнце сильно пекло, лазоревые цвѣты колебались, синяя степь уходила къ синему небу и казалось ей нѣтъ конца.

Всѣ чего то ждали. Владиміръ Ильичъ молча презрительно улыбался и тоже ждалъ чего то.

Изъ толпы, разступившейся передъ нимъ, къ портику прошелъ высокій, рослый матросъ. Онъ походилъ на Дыбенко. Можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ былъ Дыбенко? Его лицо было землисто сѣро отъ голода и волненія. Красивые глаза были опущены и длинныя черныя рѣсницы бросали на нихъ тѣнь. Шапки на немъ не было и черные волосы были всклокочены на его головѣ. Онъ вошелъ на трибуну и сталъ противъ толпы. Онъ смотрѣлъ на Владиміра Ильича. Владиміръ Ильичъ также презрительно улыбался. Онъ кивнулъ головою матросу. Матросъ всталъ въ горделивую позу, скрестилъ большія бѣлыя руки на груди и громко кинулъ въ толпу: —

— Къ прошлому возврата нѣтъ!!

Заколебалась синяя степь. Зашатались лазоревые цвѣты. Разступились земныя дали. Ахнула толпа и умолкъ ораторъ.

За мраморнымъ портикомъ вмѣсто степи было голубое синее море. Розовато жолтыя горы, невысокія, съ плоскими вершинами окружали небольшую бухту. Бѣлые домики тонули въ виноградникахъ и апельсиновыхъ рощахъ. Въ бухтѣ толпились корабли съ красными флагами и бѣлымъ полумѣсяцемъ на нихъ. Другіе корабли плыли къ нимъ, надувши бѣлые паруса. Пестрой змѣйкой

сигнальныхъ флачковъ взвилась на главномъ корабле фраза и всѣ, кто зналъ смыслъ этихъ треугольниковъ, квадратовъ и шаровъ, этихъ сочетаній бѣлаго, синяго, желтаго, чернаго, краснаго прочелъ: — «смотрѣть на адмиральскій корабль!»

Тамъ на бизань мачту по канату карабкался матросъ. Онъ развернулъ громадный бѣлый флагъ съ синими діагонально перекрещивающимися полосами и сталъ прибивать его гвоздями къ мачтѣ...

— Спускать, значитъ, не будутъ... Драться до послѣдняго рѣшили, — прошепталъ кто то въ толпѣ клёшниковъ и вздохнулъ.

Корабли окутались дымомъ. Онъ становился все гуще и гуще и когда разсѣялся онъ — турецкій флотъ былъ пораженъ и уничтоженъ.

— Какъ дрались наши!, сказалъ кто то въ толпѣ клёшниковъ — Это такъ и было... Синопъ это... Въ учебной командѣ учили мы...

Тамъ, гдѣ было синее небо и синее море, гдѣ въ розовой дымкѣ тонули Малоазіатскія горы, теперь угрюмо и глухо катились темныя волны. Низко нависли черныя тучи надъ водой и кругомъ были мракъ и безотрадность. Низко на волнахъ сидѣлъ сѣрый тяжелый, весь изъ стали корабль. На тяжелыхъ стальныхъ мачтахъ рѣялъ Андреевскій флагъ. Трубы были перебиты и снесены. Волна заливала корабль, а на мостикѣ неподвижно впившись руками въ поручни стоялъ капитанъ въ золотыхъ погонахъ, внизу толпились офицеры, музыканты и матросы. Послѣднія ядра, поднимая фонтанами воду шлепали кругомъ корабля и съ него неслись могучіе плавные звуки величаваго Русскаго гимна...

Кривилась ироническая улыбка на лицѣ Владиміра Ильича. Онъ смотрѣлъ, какъ тонулъ корабль. Затаивши дыханіе смотрѣла на него толпа, смотрѣла до тѣхъ поръ, пока не исчезъ онъ въ черныхъ волнахъ далекаго моря.

Суровое черно-сизое море било жестокими вол-

нами кругомъ. И казалось, что оно спустится книзу и зальетъ и опрокинетъ мраморный портикъ и трибуну съ матросомъ, и толпу народа кругомъ. Борта кораблей оплыли льдомъ, ледъ на вантахъ, на шлюпъ балкахъ, и шлюпки обратились въ громадныя глыбы льда. На обледенѣлой палубѣ, стоятъ обледенѣлые люди и смотрятъ въ темную даль.

— А вѣдь это наши... — сказалъ кто то въ толпѣ клёшниковъ. — Такъ стерегли мы Петроградъ въ 1914 и 15 годахъ...

Строго посмотрѣлъ на него Владиміръ Ильичъ. Троцкій сдѣлалъ знакъ матросу и матросъ, можетъ быть это былъ даже и Дыбенко, снова повторилъ:—

— Къ прошлому возврата нѣтъ... Наше прошлое, — онъ сталъ чрезвычайно блѣденъ, — наше прошлое: Азовъ и устье Невы, Гангутъ и Чесма, Синопъ, Севастополь, Портъ-Артуръ, Цусима.... Наше прошлое рядъ величайшихъ подвиговъ, наше прошлое смерть....

— И слава!, крикнулъ кто то изъ рядовъ.

— И слава!, повторила толпа у портика. —

— И слава, повторили лазоревые цвѣты и изъ каждаго стали выходить морскіе офицеры и матросы старыхъ временъ. Шелъ Петръ и Апраксинъ, шелъ Меньшиковъ, шелъ Орловъ и Грейгъ, шелъ Корниловъ и Нахимовъ, шли Шестаковъ и Дубасовъ, шелъ Макаровъ и тысячи, десятки тысячъ офицеровъ и матросовъ, братски сплетясь руками шли за ними.

И близко надвинулись они къ портику.

Презрительно улыбался Владиміръ Ильичъ, но лицо его стало блѣдно.

— Довольно, едва слышно сказалъ онъ. — Слѣдующій....

Видѣнія сгинули и исчезли. Опять была степь, покрытая лазоревыми цвѣтами и уходящая къ синему небу.

Матросъ сходилъ съ трибуны. Блѣдное лицо его было растерянно. Онъ ни на кого не смотрѣлъ.

XXXII.

На трибуну развязно взошелъ красноармеецъ. Это былъ молодой парень съ широкимъ круглымъ, краснымъ веснушчатымъ лицомъ, маленькими узкими свиными глазами въ бѣлыхъ рѣсницахъ. Приплюснутый носъ его провалился и черная дыра зіяла вмѣсто ноздрей. Въ англійскомъ широкомъ и длинномъ френчѣ, въ голубовато сѣрыхъ французскихъ штанахъ галиффэ, онъ производилъ впечатлѣніе парня идіота, нарядившагося иностранцемъ. Красный галстухъ былъ повязанъ небрежно узломъ на его шеѣ, на вздернутой на затылокъ мягкой фуражкѣ блиномъ ярко, кровавымъ пятномъ, горѣла красная пятиконечная звѣзда. Онъ улыбнулся широкой глупой улыбкой, растягивая до ушей свой большой ротъ и выкликнулъ гнусаво:

— Товариш-ш-ы! — Г-гы! Къ прошлому возврата нѣтъ!...

И замолчалъ пораженный.

Голубая степь вздохнула тяжелымъ страшнымъ вздохомъ. Неясный гулъ послышался надъ нею. Какъ облакомъ, голубоватымъ туманомъ покрылась она и сейчасъ же сталъ разсѣиваться туманъ. Точно громадный рельефный планъ появился на ней. Горѣлъ золотыми маковками и бѣлыми стѣнами и бѣлыми домами въ кудрявой зелени березъ причудливо красивый, но каждому родной и милый городъ.

— Москва матушка!... прошептали въ толпѣ.

— Вотъ она родимая!

— Царская Москва!

— Глянь... И Иверскую видать. На мѣстѣ заступница.

Жолтыя лица съ косыми глазами, въ малахаяхъ съ ушами надвигались на нее и шли на встрѣчу имъ бородатые статные люди, сверкали колчуги и шеломы. Съ сѣвера шли шведы, съ запада поля-

ки и литовцы, съ юга турки и татары. И ширилась земля. Отъ напора Русскихъ грудей отодвигался туманъ и вставали новые и новые города. Потянулись горы, кудрявымъ зеленымъ лѣсомъ поросшія и черезъ нихъ перешагнула удалая дружина ратныхъ людей. Въ густыхъ лѣсныхъ дебряхъ показались бѣлые храмы и города, города. Одинокій путникъ казакъ шелъ къ морю, покрытому льдами и уже къ самому горизонту уходила Русская земля, безпредѣльная, великая и могучая. И видѣли люди, какъ дикари стали сѣять хлѣбъ, какъ нивы и пашни покрывали громадныя пустыни. На жолтомъ пескѣ, палимый жгучими лучами солнца лежалъ загорѣлый Русскій солдатъ. Бѣлая рубаха, красные кожаные штаны, бѣлое кепи съ назатыльникомъ. Далеко отлетѣла винтовка съ куркомъ, раскинулись бѣлыя мертвыя руки и тигръ крался къ нему изъ камышей.

Чудеснымъ образомъ, какъ бываетъ только во снѣ вставали видѣнія, картины, образы и сразу смѣнялись другими, такими же свѣтлыми, яркими и четкими. То чего не могла дать картина, дорисовывало какое то внутреннее подсознаніе и становился ясенъ образъ.

Показались синіе и зеленые мундиры—кафтаны Петровскихъ солдатъ и всадникъ, окруженный знаменами, въ прострѣленной шляпѣ треухѣ, съ грудью пробитою пулей, съ прострѣленнымъ сѣдломъ...

— Эти царскія три пули въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ, — прошепталъ чей то страстный голосъ въ толпѣ.

Дрались съ турками Русскіе полки, шли на Кавказъ. Вмѣсто лучины появилась въ деревнѣ лампа, а горы кавказскія покрывались безвѣстными солдатскими могилами безъ крестовъ. Порастали могилы кустами, чирикали птицы пѣсни надъ ними, а Русскій солдатъ все шелъ и шелъ терпѣливо впередъ. Маленькій сухой старичекъ велъ его

черезъ ледяныя горы, штурмовали невиданные города, трещали ружья, палили пушки и тамъ, въ серединѣ, въ самой Россіи волнами колебалась рожь и было такъ тихо, тихо, что не слышно было, какъ время идетъ. На завалинкахъ у избъ сидѣли сѣдые старики и старый солдатъ съ темнымъ лицомъ и деревяшкою вмѣсто ноги разсказывалъ про свои походы.

Показывались прекрасные города, цвѣты дождемъ сыпались на Русскіе полки и восторженный шумъ народныхъ толпъ раздавался повсюду. Русскіе полки сбивали оковы и снимали цѣпи съ загорѣлыхъ крестьянъ и отпирали запечатанные храмы. И не было выше и лучше имени, нежели Русскій!...

Толпа вздыхала и смотрѣла. И видѣла она какъ бы всю землю. Видѣла Русскій городъ расположившійся у синяго моря. Глубокая бухта прикрыта со стороны моря поросшими лѣсомъ островами. Городъ прижался къ горамъ и по горамъ раститъ темный дремучій лѣсъ. Русскій бѣло-сине-красный флагъ тихо рѣетъ надъ большимъ домомъ. Солнце восходитъ и отражается о блестящіе золотые купола собора. И тоже самое солнце чудеснымъ образомъ заревомъ заката заливаетъ другой городъ, гдѣ поднимаютъ высокія тонкія крыши колоколенъ костелы, гдѣ также виситъ Русскій флагъ и черные Русскіе гусары смерти строятся на перекличку въ своихъ черныхъ венгеркахъ и чакчирахъ.

— Россія!... Ишь ты!... Россія матушка! Имперія Россійская! Отъ Владивостока до Калиша съ незаходящимъ солнцемъ, — прошепталъ изступленно красноармеецъ въ толпѣ и истово перекрестился.

Владиміръ Ильичъ былъ страшно блѣденъ, но презрительная улыбка стала еще ядовитѣе и непріятнѣе.

— Эт-то, товариш-шы, обманъ все...., прогнусавилъ съ трибуны круглолицый парень. — Темный

народъ, значитъ, обманываютъ.... И ничего подобнаго...

Страшный раскатъ грома раздался надъ его головою. Степь почернѣла и стала осѣдать. Поникли голубыми головками лазоревые цвѣточки и тутъ и тамъ появились расщелины. И стали выходить изъ нихъ воины Русскіе. Шли кольчужники и панцырники, шла рать сермяжная съ самопалами, вставали рыцари зипунные съ копьями самодѣльными, поднимались солдаты Петровскіе, шли тѣсными рядами Преображенцы и Семеновцы, шли гренадеры и драгуны, шагалъ съ ними великанъ полковникъ Петръ Романовъ, шли пудреные солдаты и бѣлыя косы ихъ не были смѣшны, но говорили о грозѣ и бурѣ. На невзрачной казачьей лошадкѣ ѣхалъ старикъ съ орлинымъ лицомъ и дальше все шли полки за полками.. Побѣдныя знамена съ двуглавымъ орломъ рѣяли надъ ними и громадна становилась ихъ рать, рать строителей Русской земли.

Вдавилъ въ плечи свою круглую идіотскую голову ораторъ красноармеецъ и трусливою подлою побѣжкой побѣжалъ, оглядываясь, въ толпу.

Владиміръ Ильичъ былъ мертвенно блѣденъ и уже не улыбался. Троцкій нервно потиралъ одною рукою другую....

Но сгинули призраки и по прежнему подъ синимъ небомъ млѣла голубая степь и колыхались лазоревые цвѣты. На трибуну всходилъ разбитною походкой Русскій мастеровой человѣкъ съ гармоникой подъ мышкой съ чернымъ картузомъ на затылкѣ.

XXXIII.

Мастеровой широкимъ жестомъ скинулъ съ головы свой черный картузъ и съ размаха ударилъ имъ о мраморную балюстраду.

— Товарищи!. воскликнулъ онъ. — Какъ. значитъ, народъ, то ись коммунисты эти самые взяли власть въ свои руки и побѣда пролетаріата совершилась. стало наше правленіе. Вся власть совѣтамъ! Товарищъ Ленинъ правильно говорилъ, что всякая кухарка можетъ управлять государствомъ, такъ неужели же образованный рабочій, мастеръ водопроводнаго дѣла не можетъ стать во главѣ предпріятія? Недостатокъ транспорта? Мы устранимъ это самое черезъ електрофикацію и чтобы у каждаго бѣдняка електрическій фенарь и двигатель. Мы покроемъ республику желѣзными путями и мы докажемъ чего мы можемъ достигнуть!

— Былъ я лѣтъ десять тому назадъ въ Китаѣ. въ Кульджѣ, — говорилъ рядомъ съ Полежаевымъ пожилой рабочій.—Да, и значитъ, захотѣлъ я женѣ подарокъ оттеля привезть, чтобы самое значитъ распрокитайское было. Зашелъ къ «ходѣ» въ лавку. Объяснились мы съ нимъ. И, вижу я, лежатъ жолтые такіе красивые платки и черный драконъ на нихъ отпечатанъ и узоръ китайскій. А «ходя» смѣется. — «Это вамъ», говоритъ, «не годится. Это русская работа». И показываетъ, значитъ, внизу клеймо: — Саратовская сарпинка.

— Да — глубокомысленно протянулъ его сосѣдъ. — Тоже въ Персіи полно было Морозовскими тканями.

— И полотно, и сукно — Торнтоновское, или Штиглица, или Сибирское свое было, — сказалъ красноармеецъ, оглядывая съ усмѣшкой потрепанный френчъ и французскіе штаны.

— Капиталы были, вздохнулъ первый.

— Н-да! Сапоги какіе были. Бутурлиновка слобода Воронежской губерніи, полъ Россіи обувала.

— А шапки какія! Со смушкой, или черныя, каракуль одинъ чего стоилъ.

— Хлѣба сколько хошь! Свободная торговля. Калачи Филипповскіе. сайки. крендели, пирожки подовые.

— У Тѣстова лучше пироги были.
— Палкинъ трактиръ тоже хорошъ былъ съ органомъ.
— Буржуи сказывали тамъ.
— А теперь коммунисты не тѣ же буржуи?
— Мяса то по двадцати золотниковъ въ щи сыпали.
— Порція!
— Заплакало теперь мясо то!
— Дѣти молока не видютъ.
— И дѣтей теперя нѣтъ. Все товарищи!
— А сахаръ!
— Конфеты на ярмаркѣ въ Престольный день. На три или на пять копѣекъ сколько хошь.
— Три копѣйки! Нонче и денегъ такихъ нѣтъ. На милльоны считаемъ.
— Милльонеры стали!
— И все даромъ. На машинѣ даромъ, только что не везетъ.
— Телеграмму, или письмо тоже даромъ, только печать чтобы была.
— А печать? Получи ка ее? Того и гляди въ контръ-революцію угодишь.
— Электрофикаторы!
Гулъ голосовъ становился громче и грознѣе. Хмурился Владиміръ Ильичъ.
Все отчетливѣе долбила суровая, страшная, какъ сама правда мысль: — было, было, было! И обувала, и одѣвала, и кормила, и поила Русь сама себя, да еще и на сторону продавала. Въ Китай, въ Персію товары шли. Немолчно стучали станки, дымили фабрики, простые мужики наживали состоянія, возили транспорты и по всей крещеной и некрещеной Руси тянулись вагоны, обозы, караваны верблюдовъ, везли на оленяхъ, на собакахъ тюки съ издѣліями Русскихъ фабрикъ.
Было! было! было! — назойливо стучали станки.
Было! было! было! скрипѣли колеса обозовъ.
Было, было, было!, кричали верблюды.

Было, было, было!, лаяли собаки.

Все мы сдѣлали! Мы Русскіе!!!...

И хлопокъ свой, и шерсть своя, и кожа своя, и чай свой, и сахаръ свой, мясо свое, хлѣбъ свой, нефть, уголь, желѣзо, мѣдь, золото, платина! Гдѣ оно?

Кому это выгодно? Сама матушка кормилась. Сама-а! Никому въ карманъ не глядѣла... Да...а... А какже англичанамъ или нѣмцамъ? Съ кѣмъ торговать? Коли ежели да она сама! Вотъ какъ!

Гнѣвно гудѣла толпа. Сжимались темные бронзовые кулаки, гнѣвомъ вспыхивали потухшія отъ голода очи.

— Къ прошлому возврата нѣтъ! — выплеснулъ изъ пьянаго продажнаго рта ораторъ и вдругъ вспыхнули по толпѣ крики и какъ искра по пороховому шнуру побѣжали огнемъ по толпѣ.

— Продали, матушку!

— Нѣмцамъ за пятьдесятъ мильоновъ продалъ Россію и со всѣмъ народомъ.

— Англичанамъ послѣднее золото везетъ.

— Романовскіе брильянты!

— Народъ христіанскій въ кабалу отдаетъ.

— Голодомъ нарочно моритъ.

— Рабами насъ хочетъ сдѣлать!

Страшно блѣденъ сталъ Владиміръ Ильичъ. Нижняя челюсть его дрожала. Онъ всталъ, маленькій, щуплый, подлый, паршивый.

— Покажите имъ, сказалъ онъ, — Царскую власть.

Стало тихо, какъ въ храмѣ. Не колебались лазоревые цвѣты. Степь не дышала. Народъ поднимался на носки и все глядѣлъ, глядѣлъ впередъ, туда, гдѣ степь сходилась съ голубымъ небомъ, глядѣлъ на трибуну.

XXXIV.

Точно призракъ появился на трибунѣ. Сначала неясный, мутный, неопредѣленный, какъ туманъ на вершинѣ горы. Яснѣе опредѣлилась большая голова съ выпуклымъ упрямымъ изборожденнымъ морщинами лбомъ, полысѣвшій черепъ съ космами сѣдыхъ волосъ на вискахъ, острые, жгучіе глаза, глядѣвшіе изъ подъ кустами растущихъ сѣдыхъ бровей, большая сѣдая борода и большой широкій носъ надъ крупными губами, прикрытыми сѣдыми усами. Онъ стоялъ въ простой бѣлой длинной рубахѣ, повязанной простымъ шнуромъ, заложивши большія жилистыя загорѣлыя руки за поясъ. Остро, печально и жгуче съ проникновеніемъ въ душу, съ нѣмымъ укоромъ глядѣлъ онъ на толпу и каждому казалось, что именно ему прямо въ глаза смотрѣлъ этотъ великій мудрый старикъ. Онъ точно явился изъ мрака тѣней по вызову діавола, и хотѣлъ сказать какое то свое слово о прошломъ.

Стало тихо. Народъ сгрудился подлѣ него, задніе напирали на переднихъ и тяжело дыша смотрѣли на поколебленную тѣнь.

Оттуда, какъ стонъ пронесся страстный шопотъ. Всего три слова были сказаны этимъ призракомъ старца и эти три слова проникли до дна души, какъ проникаетъ до дна морского камень, брошенный въ глубину, какъ жгучій лучъ солнца проходитъ въ тѣнистыя долины и пробиваетъ зеленые своды деревьевъ и кустовъ. И въ душѣ каждаго встрепенулось какое то жгучее страшное волненіе.

Эти три слова были: —

— Не могу молчать!...

И вспомнилось прошлое. То прошлое, когда каждая смертная казнь убійцы, конокрада, смутителя малыхъ сихъ, подговорщика къ кровавому бунту и поджогамъ проносились страшнымъ

шорохомъ по всей странѣ. Вспомнилось прошлое, когда украдкой, въ предразсвѣтномъ сумракѣ, стыдясь и страшась своего дѣла, ставили въ глухихъ закоулкахъ тюрьмы или на пустынномъ морскомъ берегу висѣлицу и дрожащими руками, сознавая ужасъ совершаемаго, вѣшали преступника, осужденнаго закономъ. Вспомнились прокуроры и судьи, мучимые совѣстью и не находящіе себѣ покоя послѣ смертнаго приговора, вспомнились офицеры воинскаго наряда, сошедшіе съума отъ вида смертной казни. Тогда не молчали объ этомъ. Лучшіе умы литературы, лучшія перья талантовъ рисовали жгучую картину ужаса смертной казни и смертная казнь была рѣдкою неизбѣжною карою за опредѣленныя преступленія....

Ясно встало то **прошлое**, когда дикій поступокъ жандармскаго ротмистра, на отдаленныхъ Ленскихъ пріискахъ стрѣлявшаго по толпѣ, выросъ въ поступокъ государственнаго значенія и заставилъ говорить о себѣ всю Россію. Вспомнились тѣ времена, когда стрѣлять въ толпу, громящую магазины и подвалы казалось ужаснымъ и стрѣлявшіе стыдились своего поступка. Вспомнилось то прошлое, когда быть палачемъ было позорно и унизительно и палача покупали среди преступниковъ цѣною прощенія тяжкаго преступленія. Встало въ памяти то прошлое, когда кровь человѣческая цѣнилась дороже золота и когда сутками мучились судьи, не смѣя постановить смертнаго приговора. Вспомнилось то прошлое, когда убійство было событіемъ, о которомъ кричали газеты и когда лужа крови на улицѣ было страшнымъ явленіемъ. Вспомнилось то прошлое, когда люди стыдились ѣсть мясо, потому что мясная пища требовала убійства животныхъ.

Стало жутко и страшно. Этотъ призракъ своими страшными словами: «не могу молчать», показалъ, какъ высоко, по сравненію съ настоящимъ, было прошлое, когда люди не молчали, а боролись,

кричали, негодовали и возмущались каждому насилію.

Призракъ давно исчезъ. Голубая степь точно ожила послѣ его появленія, поднялись лазоревые цвѣты и тюльпаны гордо выставили свои пестрые колокольчики. Небо стало ясно и прозрачно и взоръ уходилъ въ его безпредѣльную глубину.

Просвѣтлѣли лица толпы. Они точно пріобщились какого то великаго таинства любви. Свѣжій ароматный вѣтеръ тянулъ съ горы и вливалъ радость и бодрость въ людей.

Страшно было лицо Владиміра Ильича. Уже не презрѣніе, но неописуемая злоба искажала отвратительныя черты его и оно казалось лицомъ упыря, упившагося человѣческою кровью, насытившагося мертвечины. Зеленовато бѣлое, страшное, грозное было оно. Онъ пролѣзъ въ узкій проходъ между своею ложею и трибуною и за нимъ прошла на трибуну вся толпа народныхъ комиссаровъ. Красивый человѣкъ съ ухватками польскаго іезуита и большими свѣтлыми прекрасными глазами сталъ позади него. Нарядъ китайцевъ и латышей плотною стѣною закрылъ мраморъ перилъ трибуны.

Народъ придвинулся вплотную и глядѣлъ на Владиміра Ильича. Владиміръ Ильичъ растерянно шарилъ глазами по лицамъ народной толпы. Онъ искалъ въ нихъ привычной угодливости, но всюду встрѣчалъ глухіе замкнутые взоры. Точно двери какого то дома закрывались передъ нимъ, никто не желалъ ни признавать ни понимать его.

Онъ гнѣвно ударилъ кулакомъ по мрамору перилъ и воскликнулъ: —

— Завоеванія революціи!

XXXV.

Небо померкло. Цвѣты поникли своими головками и начали быстро, на глазахъ у всѣхъ, увядать. Вмѣсто свѣжаго аромата степи потянуло запахомъ пороха, дыма пожарищъ, крови и мертвечины. Все сильнѣе пахло разлагающимися гнилыми тѣлами, становилось трудно дышать.. Изъ синей степь стала черной, потомъ мертвенно блѣдной, стала пятнами чернѣть и проваливаться. Изъ разщелинъ и ямъ повалили страшные призраки....

Показались нелѣпыя неграмотныя надписи страшные плакаты съ уродливыми кровавыми рисунками. Рушилась красота Русскаго языка, рушилось великое Слово Русское... Запакощивались дѣтскія сердца и повалили впередъ дѣти революціи. Шли младенцы, худые, сизые, рахитическіе не знающіе святого слова «мать». Шли подростки, покрытые розовыми пятнами сифилисной сыпи, шли дѣвочки съ провалившимися носами и несли на рукахъ своихъ копошащихся красныхъ дѣтей. Пакостная ругань оскверняла дѣтскія уста и не святая невинность и непорочность была на нихъ, но страшный вынужденный голодомъ развратъ.

Содрогнулись рабочіе, красноармейцы стали закрывать глаза и гнѣвно сжимать кулаки.

А земля, лопаясь, какъ лопаются пузыри на поджариваемомъ мясѣ, выбрасывала новыя страшныя толпы завоеваній революціи.

Показались трупы убитыхъ городовыхъ и струями потекла къ трибунѣ красная человѣческая кровь.

Юноши гимназисты въ черныхъ курточкахъ и сѣрыхъ штанахъ, съ ежикомъ остриженными головами показались съ пробитыми черепами, разможженными головами и прострѣленными грудями. Кадеты, юнкера, дѣвушки, студенты, офицеры, старые генералы, профессора, писатели, священники, архіереи, старые казаки выдвигались изъ зем-

ли и шли плотными рядами. У однихъ были оторваны головы и они несли ихъ на своихъ рукахъ. У другихъ на кожѣ были вырѣзаны лампасы и погоны и вмѣсто звѣздочекъ въ живое мясо были забиты гвозди. У третьихъ была содрана совсѣмъ кожа съ рукъ и они несли ее въ окровавленныхъ пальцахъ, какъ перчатки. Иные были совершенно непотребно изуродованы и шли съ ртами заткнутыми окровавленными комками мяса. Показались мельницы съ привязанными къ крыльямъ обнаженными людьми, показались люди закопанные по шею въ землю, показались заживо похороненные люди....

Ихъ было такъ много, что степь стала вся закрыта ими. Кровь лилась ручьями, сливалась въ потоки и рѣки и готова была затопить весь мраморный портикъ.

Шли рыдающія вдовы, шли матери, лишившіяся своихъ дѣтей, шли блѣдныя изнасилованныя дѣвушки съ пустыми, ничего не видящими глазами. Шли завоеванія революціи.

Небо не радовало взора этихъ людей, цвѣтовъ они не видали, радости не имѣли.

Показались толпы рабовъ, занятыхъ ненужными работами. Послышались стоны и плачъ и ихъ покрыло свирѣпое улюлюканье палачей, грозные окрики, пахабная матерная ругань и нелѣпыя обидныя частушки.

Стояли роскошные дома съ разбитыми дверями и выбитыми окнами, стояли мертвыя, тихія фабрики съ заржавѣлыми станками и холодными трубами, покрытые пылью и грязью паровозы, поломанные вагоны. Обломки мостовъ висѣли надъ рѣками и трава и жолтые цвѣты покрывали полотно желѣзныхъ дорогъ.

Далеко въ Русскую землю углубилась революція и все что могла завоевала и разрушила.

Толпа видѣла запакощенные храмы, содранныя изуродованныя иконы, разбитые иконостасы, толпа видѣла танцы въ храмахъ.

Мертвечиной несло отъ полей, деревень, луговъ и городовъ.

Этотъ страшный хаосъ сливался постепенно въ одно сплошное кровавое пятно. И на фонѣ его отчетливо выдѣлилось страшное видѣніе.

Вся толпа какъ одинъ человѣкъ подняла головы. Шеи вытянулись, глаза напряглись и ужасъ отразился на лицахъ холодной жестокой толпы.

— Этого намъ никогда ни Богъ, ни люди не простятъ, — прошепталъ подлѣ Ники какой то человѣкъ.

Окровавленные, исхудалые, измученные муками душевными и тѣлесными отъ самаго неба спускались по кровавому пути семь блѣдныхъ тѣней. И какъ отъ святыхъ Ангеловъ шло сіяніе отъ нихъ. Впереди двое, взявшись подъ руку и поддерживая другъ друга, какъ шли они и всю земную жизнь, сзади четыре юныя дѣвушки и отрокъ невинный.

Кровь, кровь... кровь... была на ихъ одеждахъ.

Эта кровь невидимымъ дождемъ упадала на толпу и Ника и его сосѣди съ ужасомъ видѣли какъ на ихъ рукахъ, на ихъ одеждѣ стали появляться пятна святой мученической крови.

Все завоевала революція. Всего лишила Русскій народъ.

Страшная хула на Бога, самая послѣдняя пакость, связанная съ именемъ Божіей матери стояла надъ толпою, уже привычная ей. И въ ужасѣ повторяли одинъ, говоря другому — «религія — опіумъ для народа»....

Вмѣсто Государя передъ народомъ маячила шутовская фигура упыря съ лицомъ удавленника и глазами идіота. дѣлавшаго свое страшное кровавое дѣло.

Показались нелѣпыя картины, послышались странные не Русскіе стихи, не Русскія слова, не Русское писаніе.

Все погибло!

Къ прошлому! Прекрасному прошлому возврата нѣтъ!

Изъ потоковъ крови на потемнѣвшемъ мрачномъ небѣ стала выдвигаться страшная черная Голгоѳа. Молніи прорѣзали черное небо и раскатисто ухнулъ и грянулъ громъ. Суровая мрачная скала выдвинулась на горизонтѣ и на той скалѣ было три громадныхъ креста. Одинъ посерединѣ больше другихъ двухъ и два по бокамъ.

На среднемъ крестѣ распята была женщина. Никто не могъ разобрать низко склоненнаго въ великой скорби и мукѣ лица, но каждый увидалъ въ немъ лицо своей матери, Мать каждаго висѣла на среднемъ крестѣ.

У подножія праваго креста были навалены грудою погоны, ордена, знамена съ двуглавыми орлами, трубы, ружья, сабли, пики. Поломанное и заржавѣвшее съ поломанными древками и отбитыми орлами, съ разорванными шелковыми полотнищами все это было сброшено къ основанію креста на которомъ распятъ былъ дивно прекрасный юноша. Тяжелыя крестныя муки не могли согнать съ его лица мужественнаго и гордаго выраженія и онъ умеръ гордый и увѣренный въ побѣдѣ, съ вѣрою глядя на средній крестъ.

Подъ лѣвымъ крестомъ были свалены книги и картины. Принадлежности ученаго кабинета въ обломкахъ лежали здѣсь. Распятый на этомъ крестѣ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ небольшою курчавой бородкой клинушкомъ и русыми густыми волосами, упрямо падавшими длинными прядями на бѣлый лобъ. Онъ капризно отвернулся отъ средняго креста и на лицѣ его застыли мука и презрѣніе.

— Армія и интеллигенція распяты съ Россіей, сказалъ кто то въ толпѣ.

Черныя тучи разступились и кровавое зарево загорѣлось на небѣ.

— Распяли матушку!, послышался чей то громкій отчаянный голосъ.

— Кто распялъ то!

— Все они.

— А не мы ли сами!

— Жиды распяли.

— Христа распяли... И матушку Русь порѣшили. Святую... Православную...

Заволновалась толпа. Плеснула точно море, проснувшееся отъ штиля и предчувствующее бурю. Потемнѣла, какъ море, когда бѣлый буревѣстникъ низко пролетитъ надъ нимъ и коснется крыломъ мрачныхъ волнъ и вдругъ прошелеститъ поднявшись одна волна и встанетъ надъ нею другая и зашипитъ, разсыпаясь въ пѣну.

Какъ волна встало страшное слово:

— Завели насъ въ пучину, сукины сыны!

Сорвалась великая брань между комиссарами и толпой. Были обруганы комиссары.

— Обманули темный народъ!

— Все кругомъ лгали!

— Воры, казнокрады!

— Палачи, убійцы!

И уже грозно встала и зашумѣла буря народнаго гнѣва. Понялъ Владиміръ Ильичъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ суда народнаго. Поняли латыши и китайцы, что никакимъ пулеметнымъ огнемъ не остановить имъ назрѣвшей великой бури.

Какъ первый бѣлый сверкающій гребень высокой поднявшейся волны сверкнулъ острый, какъ бритва и больный какъ бичъ, звонкій крикъ изъ заднихъ рядовъ и порѣшилъ все:

— Бей ихъ!

XXXVI.

Толпа грозно наперла сзади на переднихъ и придавила ихъ вплотную къ латышамъ и китайцамъ. Тѣ, кто ближе всего оказался къ Владиміру Ильичу были блѣдны, тяжело дышали, но ничего еще не дѣлали. Они смотрѣли на Владиміра Ильича. Они не понимали теперь, какъ могли они вѣрить этому человѣку, какъ могли идти за нимъ, какъ могли считать его вождемъ и пророкомъ. Жалкій, подлый, трясущійся, покрытый липкимъ потомъ трусости стоялъ передъ ними паршивый, ничтожный человѣкъ съ идіотскимъ лицомъ. Онъ втянулъ свою безобразную голову съ косыми бровями въ плечи и жалко моргалъ маленькими подлыми глазками.

— Бей ихъ!, раздалось снова изъ заднихъ рядовъ.

— Такъ что-ль порѣшить, или замучить, какъ они мучили?, спросилъ тотъ самый красноармеецъ, что выходилъ на трибуну.

— Такъ ихъ бей! Недостойны они мукъ великихъ. Кончай, ребята.

Страшное и безобразное нависло надъ толпою. Люди, уже и раньше утратившіе человѣческій образъ надвинулись, колыхнулись и плоско и гадко раздался хряпкій ударъ чьей то сильной руки по лицу Владиміра Ильича. Этотъ первый ударъ послужилъ сигналомъ. Вся толпа вдругъ бросилась, отталкивая стражу, въ трибуну и стали слышны тяжелые удары, сопѣніе и стоны. Кто то молилъ пощадить его, какъ пощадилъ онъ дворцы и сберегъ искусство и послышался страшный бичующій крикъ:

— А подлецъ, развратитель дѣтей! Изъ твоей подлой школы Машутка брюхатая пришла.

Матросы, красноармейцы, рабочіе, крестьяне сгрудились у одного мѣста и топтались около него, быстро нагибаясь и выпрямляясь. И мѣсто это ста-

ло пыльнымъ, а потомъ грязнымъ отъ пыли, смѣшавшейся съ кровью. На немъ валялись растерзанные трупы тѣхъ, кто считалъ себя владыками всего міра и кто ни во что считалъ людскую жизнь.

И вдругъ стала тишина. Утомленные возней, тяжело дышащіе люди отдувались и окровавленными руками отирали потъ. Лица ихъ были страшны.

Они посмотрѣли туда, гдѣ была Голгоѳа съ распятой Россіей. Тихій свѣтъ утренней зари освѣщалъ оттуда степь, поросшую пестрыми тюльпанами и синюю отъ лазоревыхъ цвѣтовъ. Кресты были пусты и отъ нихъ по полю шелъ въ бѣлыхъ одеждахъ Христосъ. Страшная скорбь была на его свѣтломъ прекрасномъ лицѣ. Онъ какъ бы спѣшилъ съ неба къ людямъ, чтобы остановить ихъ и прекратить страшное дѣло. И цвѣты сгибались передъ нимъ и тюльпаны пригибали свои пестрыя головки къ нему, а лазоревые цвѣты ложились устилая голубымъ ковромъ дорогу его босыхъ, прободенныхъ гвоздями ногъ.

И было такъ тихо, свѣтло и радостно кругомъ...

И былъ миръ на землѣ и въ человѣцѣхъ благоволеніе.

XXXVII.

Ника сладко потянулся и открылъ глаза. Яркій разсвѣтъ наступалъ. Ника увидалъ высокую комнату, ощутилъ холодъ и сырость въ ней, увидалъ спящихъ на кроватяхъ купца и полковника и на полу Осетрова и Желѣзкина, услышалъ густой заливистый утренній храпъ въ четыре носа, потянулся и повернулся къ окну. Онъ весь былъ подъ впечатлѣніемъ сна. Въ широкое, длинное восьмистекольное окно глядѣлся засыпанный снѣгомъ садъ и уголъ лѣса за нимъ. За угломъ было поле и тихое, бѣлесое чуть шевелилось прикрытое туманомъ море. Яркая красная заря горѣла надъ моремъ на восто-

кѣ, протянувшись на полъ неба. Надъ нею была широкая полоса чистаго неба густого синяго цвѣта, а надъ нимъ ровно клубились снѣжно бѣлыя облака. И такъ одинаковы по ширинѣ были полосы бѣлыхъ облаковъ, синяго неба и краснаго разсвѣта, такъ ярки были цвѣта, что Ника невольно протеръ глаза, чтобы убѣдиться, уже не спитъ ли онъ снова. Точно безконечный Русскій флагъ протянулся на востокѣ и закрылъ своими радостными родными цвѣтами всю измученную изстрадавшуюся Русскую землю.

Ника вскочилъ и подошелъ къ деревянной дощатой переборкѣ, отдѣлявшей ихъ комнату, отъ комнаты, гдѣ помѣщалась Таня.

— Таня, тихо сказалъ онъ, — вы спите?

— Нѣтъ дорогой мой, а что?

— Таня если можно, одѣньтесь потеплѣе и выйдите въ садъ.

— Сейчасъ, отвѣчала Таня.

Черезъ минуту они шли рука съ рукою къ берегу моря. Они сѣли на большомъ холодномъ камнѣ, она въ своей шубкѣ, онъ въ шинели солдатскаго сукна.

— Таня, посмотрите на небо, — сказалъ Ника.

— Боже мой!, — воскликнула Таня. — Точно громадный Русскій флагъ задернулъ весь Русскій берегъ. Какое странное явленіе!

Ярче разгорались краски восхода и выше поднималась красная полоса и также таяли и поднимались выше бѣлыя облака, шире становились полосы національныхъ цвѣтовъ, больше могущественнѣе Русскій флагъ, прикрывшій всю Русскую землю.

— Ника!, восторженно сказала Таня, — это знаменіе отъ Господа Бога! Скоро спасется Русская земля. Скоро Господь спасетъ и помилуетъ людей.

Яркіе лучи солнца брызнули изъ за берега, посинѣло море, и туманъ заколебался надъ нимъ, какъ толпа тѣней.

— Ахъ, Таня, — сказалъ Ника, — какой волшебный, страшный, пророческій сонъ я видалъ сегодня ночью.

Ему казалось, что онъ сможетъ совершенно точно и ясно разсказать все то, что онъ видѣлъ во снѣ. Но, какъ только онъ началъ свой разсказъ и сказалъ: —

— Я видѣлъ..., — какъ не только мелкія подробности всего сложнаго сна, но самый сонъ, самый порядокъ его, его необыкновенное заключеніе — все, какъ это часто бываетъ со снами, испарилось изъ его памяти и осталось только впечатлѣніе сна.

— Таня, — безпомощно сказалъ Ника. — Я совершенно, совершенно позабылъ свой сонъ... Но знаю одно: мнѣ снилось что то дивно прекрасное, очень хорошее для Россіи.

— Россія спасется?

— Да, Таня. Скоро... Народъ образумится. Народъ вернется къ Богу!

Солнце быстро выплывало изъ за темнаго Русскаго берега, золотомъ сверкали маленькія волны морской зыби, горѣлъ серебромъ отливая снѣгъ на берегу, — привѣтливо прошумѣли сосны на опушкѣ лѣсной.

Маленькая головка въ сѣромъ оренбургскомъ платкѣ упала къ Никѣ на грудь. Блѣдное лицо повернулось къ нему. Ника увидалъ большіе синіе глаза, много страдавшіе, много видавшіе за эти четыре года. — Счастье свѣтилось въ нихъ. Ника увидалъ худыя щеки, чуть тронутыя румянцемъ мороза и блѣдныя тонкія губы. Платокъ сползъ съ головы и короткіе нѣжные волосы золотымъ вѣнцомъ окружили лицо. Раздвинулись въ тихомъ вздохѣ счастья губы и ровные бѣлые зубы свѣтлой полоской сверкнули за ними.

Ника нагнулся и приникъ жадными горячими устами къ свѣжему дѣвичьему рту....

1 9 2 1 г. 15/28 Мая.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

ЕГ
РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

